В.Давыдов

СО МНОЮ ТЫ, ЮНОСТЬ МОЯ

Вячеслав Давыдов (Барух)

СО МНОЮ ТЫ, ЮНОСТЬ МОЯ

автобиографическая проза

Тель-Авив
2014

Vjacheslav Davydov (Baruh)

With me you, my youth

© 2014
All rights reserved
by the author

Edited by Mark Kotlyarskiy

Design of the cover
by Alexander Prokopchuk

Design of book
by Alex Sheingart

Format 145 x 200.
Paper - Offset

Printed by "Shahav Dfus"
13 Peretz st. Tel Aviv

Phone 077-9336103
Beer Sheva
e-mail: slavadavidov12@gmail.com

Вячеслав Давыдов (Барух)

Со мною ты, юность моя

© 2014
Все права
принадлежит автору

Редактор Марк Котлярский

Дизайн обложки и иллюстрации
Александр Прокопчук

Графика, верстка –
Александр Шейнгарт

Формат 145 x 200.
Бумага – офсетная

Отпечатано
в типографии «Дфус Шахав»
Тель-Авив, ул.И.Л.Перец 13

Телефон 077-9336103
Беер Шева
e-mail: slavadavidov12@gmail.com

ISBN 978-965-7094-75-4

НЕПРАВДА, ЧТО ЮНОСТЬ ПРОМЧАЛАСЬ,
УШЛА НА ЗАРЕ БЫТИЯ.
В СЕДИНАХ ВИСКИ, НО ОСТАЛАСЬ
СО МНОЮ ТЫ, ЮНОСТЬ МОЯ.

Содержание

ОТ АВТОРА *5*

ДЕТДОМОВСКИЙ МАЛЬЧИК..... *7*

СТУДЕНТ МУЗЫКАЛЬНОГО УЧИЛИЩА *65*

МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ..... *131*

ГОБОЙ ИЛИ ПЕРО? *218*

ПРИЛОЖЕНИЕ:

СОН *411*

ПРОСВЕТЛЕНИЕ *420*

ОТ АВТОРА

Не без волнения представляю на суд читателя свою новую книгу автобиографической прозы «Со мною ты, юность моя». Как можно догадаться по ее названию, книга посвящена детским и юношеским годам ее автора. «Ну вот, еще одна книга о юности, - удивится читатель,- зачем? Уже были «Детство. Отрочество. Юность» Толстого и Горького, «Детство» Бунина, «Детские годы Багрова-внука» Аксакова, «Юные годы» Моэма, «Воспоминания о детстве» Жюля Верна» и т.д. и т.п.». Да, это так. И перечень книг на эту тему можно продолжить до бесконечности.

Дело в том, что, если не у каждого писателя, то у многих в какой-то момент возникает острая потребность обратиться к своему прошлому, чтобы понять, почему они стали такими, какие есть. Ведь наша юность – это период становления человека, формирования его характера, в ней истоки наших взглядов, представлений о мире, свойств души, духовных стремлений и даже привычек. Читателя может удивить и название моей книги. Принято считать, что с наступлением нового, зрелого этапа своей жизни человек прощается с юностью навсегда. Сколько прекрасных песен создано на эту тему! Но я так не думаю. Ведь благородные цели, высокие идеалы, которым я поклонялся в юности, никуда не ушли, не исчезли, а продолжают жить со мной!

Сразу предупреждаю будущего читателя, что моя книга – это не мемуары, не воспоминания о том, что было, а именно автобиографическая проза, что далеко не одно и то же. В прозе в литературно-художественной форме воссоздаются события, которые когда-то происходили. Вместе с тем, это документальная проза, так как в ней приводятся только подлинные факты и сохраняются подлинные имена. Великим

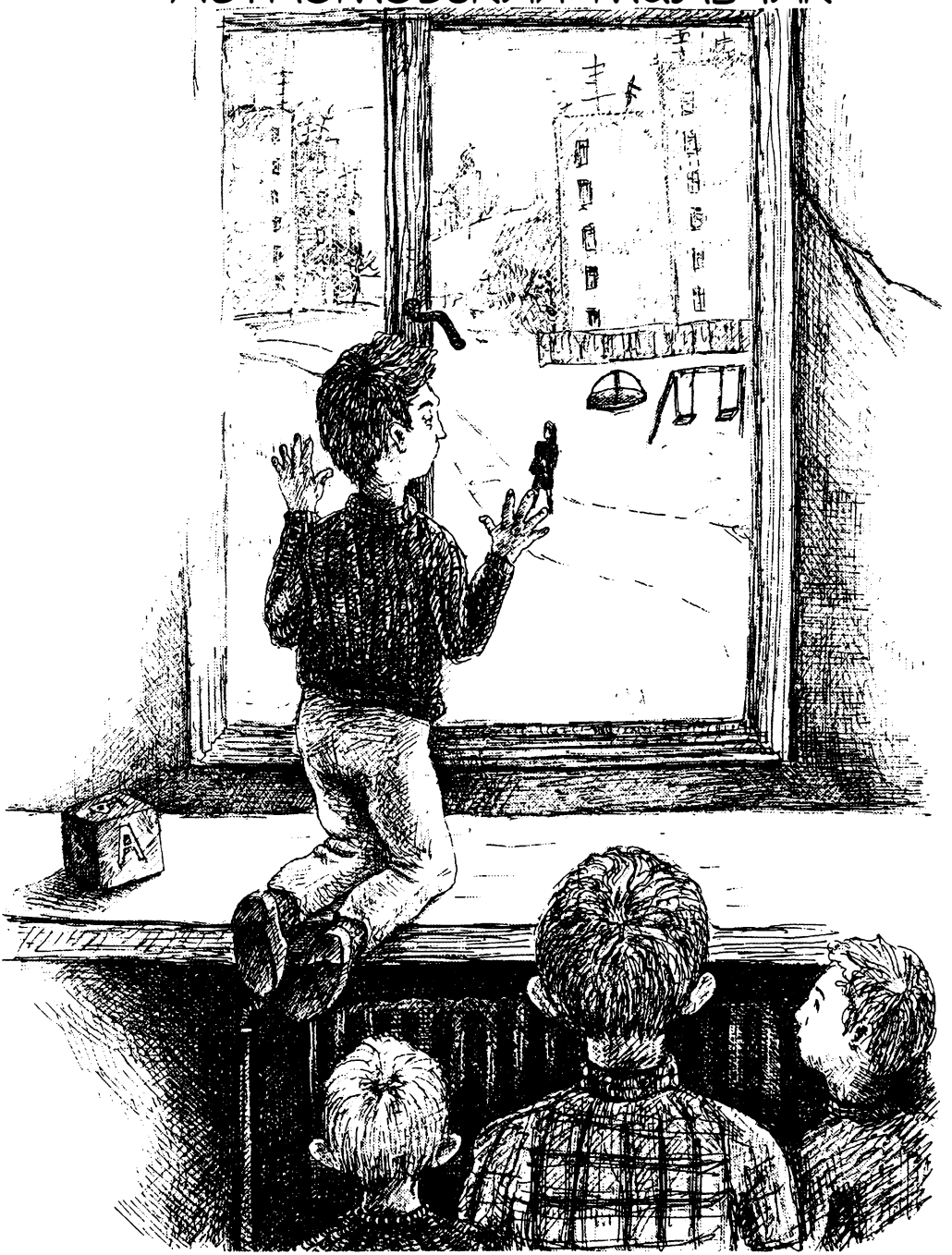
мастером автобиографической прозы был Сергей Довлатов, традициям которого я стремился следовать.

Надо сказать, что повествование в моей книге ведется от имени третьего лица (Славы), что не случайно. В этом плане образцом для меня явилась знаменитая трилогия Льва Толстого. Рассказ от третьего лица – это взгляд на себя со стороны, причем взгляд с высоты приобретенного жизненного опыта, что позволяет автору лучше разобраться в том, что происходило с ним в детстве и юности, раскрыть тайные, подспудные причины и стимулы своих решений и поступков. Начальный этап моей жизни совпал с «расцветом» социалистического строя во времена Советской власти в бывшем Союзе, и приметы этого нелегкого периода не могли не отразиться в моем повествовании.

В книгу автобиографической прозы «Со мною ты, юность моя» вошли четыре повести, писавшиеся в 2012-2014-ые годы, - это «Детдомовский мальчик», «Студент музыкального училища», «Московская консерватория» и «Гобой или перо?». В качестве приложения в книгу включены два моих ранних рассказа, созданные в 1969 году и знаменующие начало моей литературной деятельности – «Сон» и «Просветление», публикующиеся в новой, современной редакции. В книге «Со мною ты, юность моя» часто упоминаются духовой инструмент гобой и трость. Для непосвященных сообщаю, что гобой похож на кларнет, но отличается от него звуком, мундштуком и аппликатурой. А с помощью трости, сделанной из тростника (отсюда ее название), извлекается звук на гобое.

В заключение я хочу выразить благодарность Ефиму Симину за участие в компьютерном наборе книги, художнику Александру Прокопчуку за дизайн обложки и прекрасные иллюстрации и Борису Столярову за профессиональные консультации по работе с компьютером.

Детдомовский мальчик

Школьные годы чудесные,
С дружбою, книгою, песнею,
Как они быстро летят!
Их не воротишь назад.
Разве они пролетят без следа?
Нет, не забудет никто никогда
Школьные годы.
(Из песни Е.Долматовского и Д.Кабалевского «Школьные годы»)

ПЕРЕЕЗД. ЖИЗНЬ ДО ШКОЛЫ

1954 год. Конец августа. Серый дождливый день. С неба, плотно затянутого облаками, беспрерывно льет предосенний нудный, мелкий дождь. В московский детский дом №50, что расположен на Красноармейской улице, 59, привозят большую группу детей семилетнего возраста. Среди них Славик – тихий, слабый здоровьем мальчик с кавказской внешностью. Все дети вовсю рыдают, и, может быть, Славик – сильнее всех. Чтобы как-то утешить детей, им выдают шоколадки. Но Славик не в состоянии есть и, захлебываясь от слез, протягивает свою шоколадку одной из девочек.

- Вера, возьми.
- А как же ты?
- Я не хочу... Я не могу... Бери! Я всё равно не буду.
- Тогда я возьму, – говорит сквозь плач Вера и берет из рук Славика шоколадку, – спасибо тебе.

Продолжая реветь, Славик с грустью смотрит в окно, за которым продолжает лить дождь, вторя унылому состоянию мальчика. Что его ждет на новом месте? Какие будут воспитатели? А как хорошо было на прежнем месте! И в памяти прохо-

дят счастливые эпизоды всей его предыдущей жизни, сначала в детском саду, а затем в дошкольном детском доме.

Яркий майский день. Славику три года. Он играет во дворе детского сада и вдруг слышит крики: «Славик! К тебе мама пришла! Беги скорее!» Славик, оставив игру, стремглав бежит навстречу маме, которая идет по дорожке, обсаженной густыми желтыми акациями, с большой сумкой через плечо.

- Славик, я твоя мама. Ты помнишь меня? – ласково говорит она, снимая сумку с плеча.

Славик утвердительно кивает головой. Он знает, что мама – самое близкое для него существо, но по каким-то не известным ему причинам не может жить с ним вместе. Они садятся на скамейку, и мама угощает Славика принесенными ею разными вкусными вещами. Его радости нет предела. Как хорошо, что у него есть Мама, такая красивая и молодая! Она будет приезжать к нему почти каждое воскресенье и привозить сладости и другую еду. Славик, веселый и с гостинцами мамы, бегом возвращается во двор садика и тут же присоединяется к ребятам, убирающим сено маленькими граблями. Ему нравится эта работа, но непонятно, почему им дают пить не холодную, а горячую воду...

Зима. Ясный морозный день. Славик после долгой болезни катается один во дворе перед домом на санках. Он так давно не был на воздухе и радуется чувству полной свободы. А вот он вместе с другими детьми лежит в «мертвый час» на морозе на открытой террасе, тепло укутанный в спальный мешок. Стоит пронзительная тишина, и только где-то с синей высоты доносится далекий гул самолета...

Потом из детского сада он попадает в дошкольный детский дом №27, который находится в Москве в районе Красной Горки. Как было там хорошо! Светлые воспоминания следуют одно за другим. Приезды мамы по выходным, обязательно с гостинцами. Праздники и новогодние елки с танцами непре-

менно под «Барыню». Прогулки в парк с пением «Ну-ка, солнце, ярче брызни» и «Катюши». Славик с удовольствием поет громче всех, причем меняет имя Катюши на Катушку:

Выходила на берег Катушка
На высокий на берег крутой...

Воспоминания быстро сменяют друг друга. Поездки в Тушино на авиационный парад, огромное поле, парашютисты, горох-трава... Катание на теплоходе, совпавшее с днем рождения Славика, и легкое головокружение... Посещение станции метро «Сокол», которая показалась ему почему-то темной... Примерка противогазов на случай войны с Америкой... Чтение детям книг «Буратино» и «Круглый год», из которой запомнились строчки:

Метели воют в феврале,
Дуют ветры в марте...

Особенно часто читаются рассказы о детстве дедушки Ленина. Показывая на его портрет, воспитательница объясняет, что это был самый умный, самый добрый человек, который всегда заботился о детях.

Были и не очень радостные воспоминания. С группой, в которой находился Славик, работали две воспитательницы – добрая, более молодая и злая, более старая. Если добрая всячески благоволила к Славику, то злая его явно не любила и нередко наказывала. Однажды она заставила Славика перестилать постель, и он, разозленный на нее, вместо этого мнет постель, но потом, вдруг почувствовав к воспитательнице жалость, привел постель в порядок... Однажды Славик испытал настоящий страх, когда ночью, лежа в постели, громко болтал с мальчишками, хвастаясь, что именно его мама привозит ему больше

всех гостинцев. Вдруг в спальню входит некто согнувшийся и покрытый простыней и медленными шагами направляется к нему. Славик, замирая от испуга, весь съеживается под одеялом и с ужасом ожидает приближения неведомого «чудовища». Тот сильно тыкает пальцем в одеяло и так же медленно удаляется. У Славика от страха забегали мурашки по всему телу, и после этого случая он больше не разговаривает в спальне по ночам...

Вместе с переводом в старшую группу Славик «переезжает» в другую спальню в сопровождении новой воспитательницы, которая показывает ему его кровать.

Внимание мальчика вдруг привлекает висящий на стене портрет седого усатого мужчины в военном кителе с золотыми погонами на плечах. Славику кажется подозрительным взгляд этого мужчины, и он спрашивает у воспитательницы:

- Это кто, немецкий шпион?

- Нет, нет, никакой это не шпион, – отвечает воспитательница, испуганно оглядываясь по сторонам, – это генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин, вождь русского и всего мирового пролетариата.

Имя Сталина Славику ни о чем не говорит, слова «вождь мирового пролетариата» ему непонятны, и он еще больше уверяется в своем мнении, что на портрете изображен немецкий шпион.

В спальне для старшей группы, в отличие от младшей, еще минут тридцать после укладывания в постель громко звучит радио. По нему почти каждый день произносятся речи об угрозе миру со стороны американских империалистов – поджигателей войны. Однако намного приятнее Славику слушать музыку. Однажды он слышит чудесную мелодию в исполнении на скрипке, которая окажется второй частью скрипичного концерта Кабалевского. Не она ли впервые пробудит в нем любовь к музыке?

Между тем таяние снегов возвещает об очередном приходе весны. В один из мартовских дней Славик вдруг услышит взволнованные возгласы взрослых: «Умер Сталин! Умер Сталин!» Воспитатели, плача, показывают детям газету со снимками Сталина в гробу. «Как можно плакать и сокрушаться из-за того, что умер немецкий шпион?» – с удивлением думает про себя мальчик, но не решается высказать эту мысль вслух. Хрупкий здоровьем, он часто болеет. В ту весну он тяжело переносит желтуху, и врач детского дома, обеспокоенная его болезненным видом, назначает ему дополнительное питание. Два раза в неделю Славик идет на кухню, где ему дают черную икру, колбасу, сливочное масло, яблоко и заставляют пить большую ложку противного рыбьего жира. Это в некоторой степени помогает ему укрепить здоровье.

В детском доме воспитатели начинают говорить детям, что через год их ждет учеба в школе и поэтому они должны будут переехать в другой, школьный детский дом. Славик мечтает о том времени, когда он пойдет в первый класс. Вот почему он так радуется, когда всю его группу воспитательница ведет в одну из ближайших к детскому дому школ, чтобы показать, как учатся дети в начальных классах. После этой экскурсии Славик загорается еще большим желанием скорее приступить к учебе...

Последнее лето перед школой Славик, как обычно, проводит с детьми на даче детского дома под Москвой. Дача состоит из ряда деревянных домиков, в которых живут по 7–10 детей. Славику везет: его поселяют в домике с любимой воспитательницей, и рядом где-то живет дятел, который время от времени стучит по дереву. Это лето выдается на редкость жарким и грибным. Почти каждый день Славик в составе группы детей идет на прогулку в лес за грибами, которых особенно много под осинами. Однажды, когда они возвращались из леса, их застает сильная гроза. И хотя Славик промок до нитки, он от

души радуется дождю. Два раза в неделю детей ведут на загорание. Загорают без трусов посреди поляны, сплошь покрытой клевером. Приветливое солнце, бескрайняя синь, лесное раздолье! Разве это можно забыть? Но лето заканчивается, и вскоре всю старшую группу вместе со Славиком перевозят в школьный детский дом. Прощай безоблачная, беззаботная жизнь!

НА НОВОМ МЕСТЕ

Рой светлых воспоминаний проносится в голове Славика, а он продолжает плакать, оказавшись в новом, незнакомом для него месте. Рыдают дети из его группы, и продолжает лить дождь, усиливая всеобщее унылое настроение. Славик через окно смотрит во двор, где под дождем стоят никому не нужные качалки. Неужели плачу не будет конца? Но вот в комнату входит полная седовласая женщина в сопровождении приятной молодой дамы и представляется:

- Я директор детского дома Катерина Ивановна Усачева, а это ваша воспитательница Нина Степановна. А теперь, дети, перестанем плакать и пойдем на полдник.

- Плакать не надо, – добавляет от себя Нина Степановна, – вам в детском доме будет хорошо. У нас уже есть старшая и средняя группы, а вы будете младшей группой. А теперь мы приглашаем вас в столовую, где вас ждет вкусный полдник.

Услышав слово «вкусный», дети перестают плакать и переходят в столовую, где им дают ватрушки, конфеты и чай. Славик, вытирая слезы, с удовольствием ест полдник и думает про себя: «Может, здесь и вправду будет хорошо?» Потом детям приносят яблоки, собранные в саду детского дома и хранимые на полу в одной из пустых комнат. Дождь к тому времени кончается, и Нина Степановна предлагает детям выйти

во двор и покачаться на качалках. Мест на всех не хватает, и начинается потасовка и драка за места.

- Прекратите драться, – кричит Нина Степановна, – все покатаетесь в порядке очереди!

Славика более сильные дети отпихивают от качалок, и он качается в последнюю очередь. Настроение у него потихоньку улучшается. Движимый любопытством, он решает осмотреть снаружи здание детского дома, в котором ему предстояло жить, и обходит его кругом. Двухэтажное, краснокирпичное, с круглой террасой в центре, оно кажется ему огромным. Двор украшают скульптуры детей из белого гипса, а в конце двора Славик видит маленький домик также из красного кирпича.

- Что там? – спрашивает он у Нины Степановны.

- Это баня, – отвечает воспитательница громко, чтобы слышали все дети. – Там вы будете мыться каждую неделю.

После прогулки – ужин, на который подают кашу и какао с булочкой. Каша – овсяная, манная, гречневая, пшенная, пшеничная – будет в утреннем и вечернем меню для детей почти каждый день. Славику к этому не привыкать. Еще в дошкольном детском доме каша преобладала в рационе. Зато в обед, кроме супа, дают мясо, рыбу или блинчики. После ужина – сон. Кровати еще не готовы, и детей укладывают спать прямо на полу. В укладывании принимает участие, кроме Нины Степановны, сама директор Катерина Ивановна. Она лично обходит каждого ребенка и спрашивает, как он себя чувствует и надо ли ему что-нибудь. Славика она гладит по головке и желает ему спокойной ночи. Такое материнское внимание и тепло, при всей ее строгости, Славик будет ощущать на себе постоянно.

С каждым новым днем Славик всё больше привыкает к новому месту и вскоре перестает тосковать по прежней жизни. Да и когда тосковать, когда в сентябре он приступает к учебе в школе, а в детском доме оказывается очень интересно. Ре-

жим дня четко установлен и повторяется, кроме воскресенья, изо дня в день: подъем в 7 утра, зарядка, туалет, линейка, завтрак, занятия в школе, обед, игры на воздухе, приготовление уроков, полдник, вечерняя прогулка, ужин, досуг, сон.

Как и раньше, жизнь Славика во многом зависит от воспитателей, которых в детском доме сменилось немало. Среди тех, кто оказал на развитие Славика наибольшее влияние, была молодая Галина Васильевна Волчок, работавшая с его группой со второго по седьмой класс. Имевшая высшее педагогическое образование, она была строгой и в то же время справедливой воспитательницей, обращавшей внимание не только на общее, но и на культурное развитие своих воспитанников. Славик – в числе ее любимчиков, но она не только часто хвалит его, но и требует больше, чем от других. В какой-то день он, учась во втором классе, быстро и неряшливо делает задание по русскому языку, и Галина Васильевна заставляет его переписать написанное заново. Славик переписывает, но ей не нравится. Он, злясь, переписывает еще два раза, очень медленно и старательно, после чего она хвалит его. Так Славик вырабатывал свой почерк – аккуратный, разборчивый и, как ему казалось, красивый.

В пятом классе, когда Галина Васильевна уходит в декретный отпуск, ее на время сменяет Марья Павловна, такая же молодая, требовательная и справедливая. Она иногда называет Славика «мой эгоистик» и требует, чтобы он участвовал в общественной работе, помогая отстающим. Славик также благодарен другим воспитательницам – Надежде Александровне, Зое Емельяновне, Анне Ивановне, Марии Васильевне и сотрудникам детского дома – завхозу Зинаиде Павловне, повару тете Шуре, водителю Борису Андреевичу и особенно медсестре Белле Михайловне, по внешности явно нерусской. Медсестра симпатизирует Славику, угощает его, волнуется за его здоровье и, живя в бараке близко от детского дома, иногда

приглашает его к себе домой, где знакомит со своим сыном Эдиком – ровесником Славика. Здесь Славик ненадолго ощущает домашний уют, а потом снова окунается в шумную атмосферу детского дома.

Шум создают главные обитатели детского дома – дети, число которых доходит до ста. Многие из них – сироты, а у некоторых есть родители – отец или мать, с которыми они, как и Славик, не могут жить вместе. Среди ребят немало тех, кто прибыл с ним из дошкольного детского дома: Таня Кудрявцева, Нина Денисова, Надя Захарова, Саша Толокнов, Таня Критская, Валя Буланова, Галя Сальникова, Нина Панферова, Витя Большаков, Вера Костычева, Витя Дмитриев, Витя Никифоров, Ева Евстигнеева. Есть у Славика и настоящие друзья – Миша Мельцанский, Витя Захаров (брат Нади), Шурик Русаков, Саша Хаймин, Алеша Стрельников. Конечно, не обходится без драк. Особенно драчливы Коля Майер и Миша Воронцов, но друзья сразу встают на защиту Славика. Юра Шатохин – высокий сильный парень, который заводит во дворе овчарку, также не дает Славика в обиду.

Среди воспитанников есть просто хулиганы, которые создают директору и воспитателям немало проблем. Некоторые из них любят «пошутить», а то и поиздеваться над взрослыми. Славик не принимает участия в этих забавах и всегда сочувствует воспитателям. А ночью в спальне нередко устраиваются настоящие баталии с криками и киданием друг в друга подушками, что Славику страшно не нравится. Зато днем, после школы и обеда, он с большой охотой играет в войну русских с немцами и нередко командует «войском». Любит он и другие игры: снайпер, салочки, палочку-выручалочку, в ножички, когда на земле вырезается большой круг и с помощью втыкания ножичка в землю отрезается определенный «кусок» у соперника.

Обязательная часть жизни в детском доме – это дежурства по уборке помещений, прилегающей территории, накрыванию на стол завтраков, обедов и ужинов и убиранию со стола. Но больше всего Славику нравится трудиться в саду, огороде и цветнике, в котором растут гладиолусы, тюльпаны, гвоздики и другие цветы.

Раз в неделю у детей парная баня. После первой бани выдают новенькую одежду, в том числе черные шаровары, которые Славик будет носить, меняя, в течение всего пребывания в детском доме...

УЧЕБА. ШКОЛА №715

Между тем Славик живет ожиданием учебы в школе, но первого сентября он с детьми так и не приступает к занятиям в первом классе. Директор Катерина Ивановна объясняет причину: в детский дом еще не прибыла школьная форма для мальчиков и девочек. Наконец, форму привозят 5 сентября, Славик с радостью примеряет ее и на следующий день с новеньким ранцем, учебниками и тетрадями в составе младшей группы направляется в ближайшую к детскому дому московскую школу №715, расположенную на улице Черняховского. А вот и школа, где Славику предстоит учиться семь лет! Она большая, пятиэтажная, из красного кирпича. С огромным волнением он входит в нее и вместе с детьми поднимается на пятый этаж, где находится зал. Там детей рассаживают по стульям и просят подождать, пока решается вопрос об их распределении по классам. Славик томится от долгого ожидания и внимательно рассматривает большую картину Васнецова «Три богатыря», висящую на одной из стен зала. Больше всего ему нравится фигура Ильи Муромца, который из-под ладони

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ответствует первым буквам ее имени и фамилии. Начальную школу Славик заканчивает на «отлично».

МАМА. РОДСТВЕННИКИ

Прошло больше месяца после переезда на новое место. В первое воскресенье октября, совпавшее с днем рождения Славика, вечером, когда уже темно, в помещении младшей группы, где он делал уроки, вдруг слышится сильный стук в окно. Кто это может быть? Славик вместе со всеми детьми бросается к окну и, прильнув к стеклу, пытается разглядеть человека, стоящего снаружи дома. В молодой женщине с большой сумкой через плечо он узнает знакомые черты. Да это же Мама! И вот он уже сидит с ней в прихожей, весело рассказывает о своей жизни на новом месте и с радостью поедает принесенные мамой вкусности. Среди них ему особенно нравятся соленые грибы и томатная паста. Славика со всех сторон шумно обступают воспитанники, мама угощает их конфетами и ласково говорит:

- Я знаю, как вам трудно без родителей. Кушайте, милые. Только не обижайте моего сыночка Славика. У него сегодня день рождения! Восемь лет!

Мама целует Славика в лобик, оставляет ему гостинцы и прощается с ним. Почти каждое воскресенье мама приезжает к нему с продуктами и каждый раз повторяется та же история.

И вот Славик заканчивает четвертый класс, лето с группой детей проводит в пионерлагере фабрики «Ява» под Москвой и в конце августа возвращается в детский дом с радостным предвкушением увидеть своих друзей. Вдруг приезжает мама! В этот раз она хочет взять Славика к себе домой на два дня. Но он так соскучился по друзьям, что не желает никуда ехать.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Славик с большим интересом слушает всё это, но его с некоторых пор мучает вопрос, который он решается теперь задать маме:

- А где мой папа?

- Я рассталась с ним вскоре после твоего рождения, – неохотно отвечает мама.

- Почему? Расскажи мне о нем, – просит Славик.

- Твоего папу звали Петр Устинов, – говорит, волнуясь, мама, – он русский, в войну воевал артиллеристом и после Победы вернулся домой в Москву. Мы познакомились с ним летом 1945 года в парке Сокольники на танцплощадке, стали встречаться, через несколько месяцев поженились и поселились у его родителей. Они жили в частном домике в Сокольниках, а 6 октября 1946 года родился ты. Родители Петра невзлюбили меня, они были антисемиты и сказали ему: выбирай – или мы, или она. Петр выбрал родителей, и я оказалась на улице с тобой – маленьким ребенком на руках. Я обратилась за помощью в органы социального обеспечения, где мне предложили отдать тебя в детский дом. Я согласилась, но при условии, что ты останешься в Москве, чтобы я могла навещать сына. Тебя записали на мою фамилию, и больше я твоего папу не видела.

Славик с грустью слушает этот рассказ и теперь понимает, что папу он никогда не увидит...

На следующий день мама решает везти Славика за город, и, сделав покупки, они едут за город по Ярославской железной дороге до станции Правда, от которой идут в направлении деревни Костино. В ней находился детский дом №1, в котором до войны воспитывалась мама. Она очень любит эти обильные лесом места и потому часто возит сюда Славика. В лесу мама много поет, смеется, рассказывает Славику истории из своей жизни и заряжает его своею любовью к природе и жизненной энергией.

И в этот, и в последующие годы мама забирает Славика к себе домой один-два раза в месяц по выходным. А когда Йосик становится воспитанником детского дома за городом, в Томилино, мама со Славиком иногда навещают его, садясь в электричку от Казанского вокзала. В один из выходных мама везет Славика к своему старшему брату – дяде Захару, живущему на улице Куусинена. Он преподает математику детям и считается лучшим учителем в своей школе. У дяди Захара есть жена Ирина Борисовна – преподаватель физики в автодорожном институте и две дочки – старшая Алла и младшая Таня. Алла была многократной чемпионкой по плаванию в юношеских соревнованиях. Они очень сочувствуют Славику, который должен жить в этом ужасном детском доме. С тех пор мама со Славиком регулярно приезжают к дяде Захару и встречают у него каждый Новый год.

У мамы есть еще младший брат – дядя Гаврил, человек неопределенных занятий. Он живет с женой Леной и дочкой Светой в хрущевском доме на улице Карбышева, и мама со Славиком иногда бывают там. Они также жалеют Славика как детдомовского мальчика и всегда чем-то угощают его.

Но вот кончается выходной, и мама привозит Славика обратно в детский дом. Ему так грустно расставаться с нею, и только предстоящая встреча с друзьями немного поднимает ему настроение...

САНАТОРНО-ЛЕСНАЯ ШКОЛА

Между тем здоровье Славика оставляет желать лучшего. Он часто болеет, выглядит худым и бледным и в первом классе получает дополнительное питание, подобное тому, какое он получал в дошкольном детском доме. Медсестра Белла Михай-

ловна бьет тревогу и добивается для него в Мосгороно путевки в санаторно-лесную школу под Москвой. Славика привозят туда вместе с другом Мишей Мельцанским, также болезненным мальчиком, в январе, когда он учится во втором классе.

Детская санаторно-лесная школа №10, как узнает потом Славик, находится в восьми километрах от станции Истра по Рижской железной дороге. Она размещается в бывшей барской усадьбе в селе Полевшина, на краю которого стоит полуразрушенная церковь. Школа примыкает к большому оврагу, который переходит в густой лес. Здесь среди подмосковной природы Славик с охотой приступает к занятиям, которые частично проходят на застекленной неотапливаемой террасе. Там очень холодно, Славик, как и все дети, одет в зимнее пальто и шапку, но зато он дышит свежим лесным воздухом. После занятий, обеда и приготовления уроков – различные игры, чтение или разучивание песен под баян. Утром до завтрака обязательная ежедневная прогулка по засыпанной снегом дорожке до одиноко стоящей высокой развесистой елки. Славик очень не любит эти прогулки, потому что мерзнут его руки и ноги. Совсем другое дело – катание с горки на санках возле деревни Максимовка или игра с ребятами в снежки и снежную бабу!

Славику нравится в новой школе: вкусное и разнообразное питание, добрые воспитатели и учителя, рядом – старый друг Миша Мельцанский и новый друг Коля Павлов, староста класса. Он с удовольствием изучает контурные карты, а по вечерам в спальне слушает рассказы ребят о приключениях Шерлока Холмса. В феврале взрослые много говорят о проходящем тогда двадцатом съезде партии и разоблачении культа личности Сталина. «Так ему и надо, этому шпиону», – думает про себя Славик. К нему в школу несколько раз приезжает мама и даже навещают ребята из детского дома. Скучая по ним, Славик пишет им письма и получает от них ответные.

В санаторно-лесной школе Славик превращается в шаловливого и озорного мальчика, любящего подшучивать над взрослыми и строить им различные смешные гримасы. Особенно достается от его проказ пионервожатой Вале. То он прячется за ней во время линейки, то неожиданно, пугая, бросается на нее из засады, то, хвастаясь, говорит ей, что он родился не когда-нибудь, а 6 октября 1946 года... А зима так долго длится, что, кажется, ей не будет конца. Но вот, наконец, приходит долгожданная весна, а с нею – тепло и таяние снегов. Кругом большие лужи, целые озера воды, и, чтобы Славик не замочил ноги, ему, как и всем детям, выдают резиновые сапоги. Постепенно вода сходит, и на высохших полях появляются первые цветы, а затем в изобилии клевер. На деревьях распускаются первые листочки.

Наступает май, и всех ребят, кто учится во втором и третьем классах, собираются принимать в пионеры. Всех, кроме Славика, потому что, несмотря на высокие оценки за учебу, ему за поведение каждый раз ставят тройку. Мальчику страшно обидно, но на всякий случай он учит наизусть клятву юных пионеров, слова песни «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры – дети рабочих» и гимн Советского Союза. Утром 19 мая, в день приема в пионеры, Валя вдруг сообщает Славику, что его прощают и разрешают вступать в пионерскую организацию. Но у Славика нет красного галстука! Где-то с трудом ему находят порванный галстук, и он вместе с другими ребятами на торжественной линейке произносит клятву юных пионеров. Славик вне себя от радости! Еще бы: он теперь пионер! Вечером, зарывшись в постель под одеяло, Славик поет про себя гимн Советского Союза. В конце мая он, окрепший и счастливый, возвращается с Мишей Мельцанским в Москву, в свой детский дом.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

В один из сентябрьских дней, когда Славик приступил к учебе в третьем классе, в детский дом приезжает учительница музыки, чтобы отобрать детей для только что открывшейся музыкальной школы имени Дунаевского. Воспитанников по очереди вызывают в зал, где стоит старый черный рояль, сидя за которым, учительница проверяет их музыкальные данные. Подходит очередь Славика, который вслед за учительницей повторяет звуки голосом и ритм ладонями.

- Спой мне какую-нибудь песню, – просит она Славика.

Он тут же лихо запевает свою любимую «Катушку».

- Как? – спрашивает Славик, – меня примут в музыкальную школу?

- Всё в порядке, – улыбаясь, отвечает учительница и тут же вызывает в зал следующего воспитанника.

Через несколько дней зачитывается список из 25 детей, принятых в музыкальную школу, и среди них оказываются, к радости Славика, он сам и его друг Миша Мельцанский. На другой день вся эта ватага в сопровождении воспитательницы Нины Степановны шумно направляется в музыкальную школу. Идти далеко – почти сорок минут, так как школа находится в Чапаевском переулке в районе Песчаных улиц. А вот и музыкальная школа имени Дунаевского – красивое пятиэтажное краснокирпичное здание, похожее на 715-ю школу. В коридоре детей встречает сам директор школы Иван Иванович Ремезов и приглашает их в свой кабинет, украшенный портретами композиторов.

- Сегодня у вас особый, торжественный день, – говорит он, обращаясь к детям. – Вы начинаете учиться в музыкальной школе имени Дунаевского – великого композитора, автора многих замечательных песен. С сегодняшнего дня вы входите в прекрасный мир музыки, мир музыкальных звуков, и я от

души желаю вам успехов на этом пути. Только знайте, что научиться играть на музыкальном инструменте очень непросто. Это потребует от вас большого труда и терпения. Только тогда вы достигнете высоких результатов в игре на инструменте.

После напутствия директора детей приглашают перейти в фойе, где их уже ждут учителя по классу духовых инструментов со списками. Каждый из них – трубач, флейтист, кларнетист, валторнист – зачитывает свой список и уводит названных детей в класс. Миша Мельцанский попадает в класс трубы. Но фамилии Славика ни в одном списке нет! В фойе остается один гобоист, но и в его списке не оказывается Славика! Что же делать? Мальчик, чуть не плача, бежит за уходящим с детьми учителем и просит его взять с собой в класс.

- Но твоей фамилии в моем списке нет, – говорит учитель Славику. – Если ты очень хочешь играть на гобое, иди со мной. Я не возражаю.

- Я хочу, очень хочу, – просит умоляющим голосом мальчик, присоединяясь к другим детям.

Так в течение минуты решается вся будущая судьба Славика. В классе учитель представляется детям как Георгий Михайлович Кичко, артист оркестра Театра оперетты. Он тут же объясняет устройство инструмента и дает ученикам извлечь на гобое первые звуки. Славику сразу понравился этот инструмент, и он становится прилежным, а потом и любимым учеником Георгия Михайловича. Через неделю мальчику выдают новый гобой из эбонита, на котором он занимается каждый день в детском доме, и учитель им всегда доволен. Славик достойно представляет его класс на различных концертах, хотя и страшно волнуется перед публикой. Класс гобоя постепенно расширяется, и в числе учеников Георгия Михайловича появляется способный мальчик, сын известного тромбониста Игорь Ключинский, с которым у Славика завязываются дружеские отношения.

Однажды в музыкальную школу приезжает мама, чтобы лично познакомиться с учителем Славика по гобою. Георгий Михайлович разрешает ей присутствовать на уроке, очень хвалит мальчика за его успехи, и мама в качестве награды покупает ему в магазине возле станции метро «Сокол» готовальню и дорожные шахматы.

Кроме специальности, Славик с детьми из детского дома посещает и другие предметы – сольфеджио, теорию музыки, музыкальную литературу, а со второго класса – общее фортепиано, ансамбль и оркестр. Он успевает одинаково хорошо по всем предметам, но особенно ему нравится играть на фортепиано. Сначала он занимается у Эсфирь Моисеевны Диметман, которая очень тепло относится к нему, балуя его пирожками и бутербродами в буфете музыкальной школы. Славик догадывается, кто она по национальности, и бесконечно благодарен ей. Узнав, когда у него день рождения, Эсфирь Моисеевна дарит мальчику книжку «По ту сторону», рассказывающую о судьбе русской девочки, попавшей в годы войны в Германию в качестве прислуги у одной богатой немецкой семьи. Через два года Диметман назначают завучем школы, и учителем Славика по фортепьяно становится Нина Яковлевна Шишкова, муж которой был композитором. Она также благосклонна к мальчику и однажды приглашает его к себе домой, а ее муж дарит ему напечатанные ноты двух своих пьес для гобоя и фортепиано «Элегия» и «Этюд».

Класс сольфеджио ведут поочередно Ежова и Долматовский. Но более охотно Славик ходит на уроки музыкальной литературы, на которых учительница Вера Дмитриевна заражает его своей любовью к музыке, особенно к Бетховену и Прокофьеву. Ансамбль преподает учитель по флейте Александр Трофимович Зыков, который создает дуэт в составе Славика и своего ученика Коли Маркова, делая для него переложение танца пастушков из «Щелкунчика» Чайковского и танцев в замке Наи-

ны из «Руслана и Людмилы» Глинки. Славик иногда репетирует ансамбль у Коли дома в бараке, где он живет с матерью, которая всегда вкусно кормит их. Ребята становятся близкими друзьями, что не мешает Славику иногда подтрунивать над Колей...

Славик также любит посещать оркестр, которым руководит молодой дирижер Сергей Иванович Сапожников. Он разучивает с оркестром довольно сложные произведения, среди которых увертюра к фильму «Дети капитана Гранта» Дунаевского, первая часть соль минорной симфонии Моцарта, первая часть «Неоконченной» симфонии Шуберта, фортепианный концерт Гайдна. Славик очень старается, учит дома свою партию, но у него не всё получается, и тогда Сергей Иванович приглашает для участия в концертах студентов из музыкального училища имени Гнесиных. Концерты проходят в концертном зале института и в парке Сокольники. Однажды за дирижерский пульт встает Долматовский и дирижирует исполнением песни Дунаевского «Широка страна моя родная». Эта песня так захватывает Славика, что с тех пор Дунаевский становится одним из самых любимых его композиторов. Иногда приходит послушать оркестр заведующий духовым отделом школы Константин Сергеевич Серостанов, ведущий класс трубы, – полноватый подвижный человек, который любит повторять «Надо играть гаммы, надо играть гаммы!»

Возвращаясь по вечерам из музыкальной школы в детский дом, Славик, мечтая, часто представляет себе, как он стоит за дирижерским пультом и дирижирует огромным оркестром, состоящим из тысячи человек и исполняющим его собственную музыку. Да, музыка всё больше и больше притягивает его к себе, задевая тайные струны его детской души. Он ищет любую возможность слушать ее и старается не пропускать воскресную утреннюю передачу по радио «Час классической музыки». Чтобы знать, что будет исполняться, мальчик покупает

на мелочь, которую ему дает мама, Программу радиопередач. Между тем число детей из детского дома, записанных в музыкальную школу, с каждым годом уменьшается, и из 25 человек остаются только двое, кто доходит до последнего, пятого класса – Славик и Вера Сальникова, играющая на кларнете...

ДОСУГ. ЧТЕНИЕ

Как бы Славик ни был занят уроками в обеих школах, он находит время для досуга и чтения. В первые годы пребывания в детском доме он охотно разучивает под баян, как и в санаторно-лесной школе, детские и революционные песни. Особенно ему нравится петь «По долинам и по взгорьям» и «Наш паровоз, вперед лети». И в последующие годы любовь к песне продолжает гореть в нем. Сколько песен он успевает выучить: «О дедушке Ленине», «В путь», «Подмосковные вечера», «Школьный вальс», «Я люблю тебя, жизнь», «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер», «Лунный вальс» и много-много других.

Близко от детского дома находится Инвалидный рынок, куда Славик любит ходить с ребятами втайне от взрослых, чтобы купить в магазине игрушек на имеющуюся у него мелочь пистолет с пистонами или надувные шарики. На рынке он видит много безногих мужчин на колясках, ставших инвалидами после войны. Они попрошайничают деньги, но через некоторое время все куда-то исчезают. Удовлетворяя свое любопытство, Славик постепенно обходит прилегающие к рынку улицы и переулки, застроенные бараками.

А в детском доме организуются свои прогулки. В зимнее время детей выводят гулять перед сном. На улице холодно, темно, неуютно, но Славик должен выходить со всеми, развлекая себя на прогулках тем, что наблюдает в свете уличных фонарей за падающими снежинками или за тенью от ребят:

то она растет, то уменьшается. А летом дети в сопровождении воспитательниц совершают прогулки в Тимирязевский лес, дорога в который занимает двадцать минут, пересекая железнодорожные пути. Лес очень большой, смешанный – в нем есть где разгуляться детям! Иногда Славик приходит в Тимирязевский лес со школой в образовательных целях, иногда с мамой, когда она не может взять его домой.

В культурном досуге главное место занимает кино. В первое время детям показывают диафильмы на сказочные сюжеты, а с третьего класса привозят настоящие фильмы, среди которых – «Каменный цветок». В том месте, где Хозяйка Медной горы ведет Данилу по подземным пещерам, Славику становится страшно: ему кажется, что это его ведут вглубь Медной горы и что он оттуда никогда не выберется. В ужасе он выходит из зала, где идет фильм, и удивляется, почему другие не боятся смотреть эту страшную картину... А с четвертого класса воспитанников начинают водить по выходным в кино в Академию имени Жуковского, длинный путь к которой лежит по Красноармейской улице. Сколько фильмов Славик пересмотрел там, и все такие интересные: «Снежная королева», «Василиса Прекрасная», «Два капитана», «За власть Советов», «Подвиг разведчика», «Ленин в Октябре», «Ленин в восемнадцатом году», «Матрос Чижик», «Котовский», «Максим Перепелица», «Николка-паровоз», «Веселые ребята» – все не перечислить! А в пятом классе детей вместе со Славиком ведут в только что открывшийся кинотеатр «Ленинград» на Новопесчаной улице, где они смотрят новый фильм «Илья Муромец». Славик тут же вспоминает картину «Три богатыря», висящую в зале 715-й школы, и, конечно, в восторге от фильма.

Телевизор Славик смотрит менее охотно, так как его отвлекает постоянный шум детей. В один из вечеров должны показать балет «Лебединое озеро», который мальчик так мечтает увидеть! И что же? По всеобщему требованию телевизор

переключают на другую программу, по которой показывают футбол. Горю Славика нет предела...

Однажды группу воспитанников повезли в Центральный детский театр на спектакль «Репка». Это было первое в жизни Славика посещение театра, которое он не забудет никогда! Он попадает в волшебный, сказочный мир и живо реагирует на радости и страдания сказочных персонажей. А потом был не менее чудесный спектакль «Рамаяна», где действуют удивительные герои древних индийских легенд. Благодаря учителю по гобою Георгию Михайловичу Кичко Славик бывает в Театре оперетты, где он с восторгом смотрит оперетты «Белая акация», «Принцесса цирка», «Граф Люксембург». Яркая музыка в сочетании с великолепными декорациями и костюмами производят на Славика ошеломляющее впечатление.

В детском доме создается драматический кружок, который ведет пожилая актриса одного из московских театров. Славик сразу проявляет интерес к этому кружку и записывается в него одним из первых. После ряда небольших сценок актриса предлагает воспитанникам сыграть шутку Чехова «Юбилей». Славик получает роль старика Кузьмы Николаевича Хирина и рьяно разучивает ее. Актриса довольна им. Она помогает юным артистам подобрать и сшить нужные костюмы. Спустя три месяца интенсивных репетиций в зале в присутствии всего персонала и коллектива детского дома торжественно проходит премьера. Постановку принимают на ура, и каждому юному артисту вручаются цветы. Актриса хочет использовать Славика в новых постановках, но он вынужден отказаться, ссылаясь на учебу в двух школах.

Культурная программа в детском доме не ограничивается посещением театра и просмотром фильмов. Организуются поездки в цирк на Цветном бульваре, в зоопарк, экскурсии по Кремлю, в Третьяковскую галерею, на ВДНХ, в музеи Ленина, Николая Островского, в Исторический музей. Сильное впечат-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

удовольствием читает сказки Пушкина, рассказы Гайдара и Носова, «Тараса Бульбу» Гоголя, «Принц и нищий», «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна» Марка Твена, «Кортик» и «Бронзовую птицу» Рыбакова, «Робинзона Крузо» Дефо, «Как закалялась сталь» Н.Островского, «Овод» Войнич, «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу, «Три мушкетера» Дюма, «Дети капитана Гранта» и «20000 миль по водой» Жюля Верна и другие книги. При этом, читая, Славик так переживает за героев, как будто всё это происходит с ним самим. Он долго остается под впечатлением от книги Анны Антоновской «Георгий Саакадзе», образом которого восхищается. Славику также очень нравятся русские народные сказки, которые ему приходится однажды читать во время наказания – стояния в углу за какой-то проступок. Под влиянием мамы мальчик также охотно читает книги по астрономии из научно-популярной серии.

В один из зимних дней в детский дом приезжает писательница Нина Королева, которая привозит свою книгу «Как мы росли». В ней она рассказывает о своей жизни в довоенном детском доме, читает отрывки из нее и дарит ее библиотеке. Славик в восторге! Еще бы: он впервые в жизни видит живую настоящую писательницу! Нина Степановна потом читает эту книгу детям вслух, чередуя ее со чтением книги Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи»...

ПРАЗДНИКИ. КАНИКУЛЫ

Славик обожает праздники, так как они вносят в довольно однообразную детдомовскую жизнь что-то свежее, радостное, приятное. Это всегда выходные, и можно веселиться, развлекаться и ничего не делать!

7-8 ноября отмечается очередная годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, и в детский дом при-

езжают шефы, чтобы поздравить детей и сделать им подарки. Шефы – это табачная фабрика «Ява», Военно-Воздушная Академия имени Жуковского и секретный 240-й завод, на котором делают самолеты. В зале для них устраиваются концерты художественной самодеятельности, в которых обязательно участие Славика как лучшего ученика музыкальной школы. Он играет на гобое то русскую народную песню «Лучинушка», то «Французскую песенку» Чайковского, то соло для гобоя из балета «Лебединое озеро». От волнения мальчик иногда спотыкается, но ему всегда дружно аплодируют и вручают цветы как настоящему артисту! А по телевизору ежегодно показывают военный парад на Красной площади и демонстрации трудящихся.

Самый любимый праздник Славика, конечно, Новый год, когда в зале возле украшенной новогодней елки шефы дарят детям подарки. Однажды Славик получает в подарок машину-грузовик, о чем он так мечтал, и он чувствует себя на седьмом небе от счастья! А какой праздник без музыки и танцев? В детский дом привозят целый духовой оркестр Военно-Воздушной Академии, который своей игрой создает прекрасное новогоднее настроение. На Славика обращает внимание трубач Володя, который говорит ему хвалебные слова и в то же время советует ему еще больше заниматься, чтобы играть еще лучше. В новогодние каникулы, которые продолжаются аж десять дней, воспитанникам покупают билеты на праздники новогодней елки. Отличники и хорошисты, среди которых и Славик, едут в Кремль или в Колонный зал Дома Союзов, а все остальные – на праздник в Лужниках.

В конце декабря перед наступлением Нового 1961 года, когда Славик учится в седьмом классе, группу детей вместе с ним по их давнишней просьбе везут в дошкольный детский дом №27, что в районе Красной Горки, откуда их шесть с половиной лет назад доставили в школьный детский дом №50. Но

если тогда Славик со всеми горько плакал, то теперь он несказанно радовался, видя родные ему стены, помещения и своих прежних воспитательниц. Для гостей был дан праздничный новогодний концерт, а детям – бывшим и нынешним воспитанникам – вручены праздничные гостинцы. Разве такое забывается?

А в январе Славика с группой ребят отправляют в зимний лагерь под Москвой, который запоминается мальчику сказочной зимней природой, катанием на санках и коньках, веселыми играми, ежедневной дискотекой, обаятельным пионервожатым Игорем и начавшимся обменом старых денег на новые в правление Хрущева...

Любит Славик и первомайские праздники, которые связаны для него с приходом весны и долгожданного тепла. Май, когда всё вокруг расцветает, становится его любимым месяцем года. По телевизору снова показывают военный парад и демонстрации трудящихся, а воспитанников детского дома везут в парк имени Горького, где они с великой радостью развлекаются на различных аттракционах. Одно Чертово колесо, с высоты которого видно половину Москвы, чего стоит!

Но вот наступают летние каникулы, а с ними – отдых в пионерских лагерях шефов. Это значит, что будут прогулки в лес, грибы, земляника, дальние походы, спортивные игры и соревнования, пионерские костры и купание в реке. Особенно нравится Славику в лагере Академии имени Жуковского на берегу Оки, недалеко от Каширы. Там он с ребятами находит множество гильз, оставшихся от войны; взрослые рассказывают детям о жестоких боях, проходивших в этих местах. А в лагере 240-го завода он заслушивается пением мальчика Димы украинской песни «Дивлюсь я на небо».

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Разве я заставлял? – отвечает удивленный Славик, – это они сами просили меня кататься на их спине за конфеты!

- Не знаю, не знаю, – ухмыляется Марья Васильевна, – но ты никуда не поедешь. Как-нибудь обойдешься без Крыма.

Славик ударяется в слезы от такой несправедливости и вскоре заболевает. И только очередной приезд мамы с гостинцами выводит его из мрачного настроения.

- Не отчаивайся, сынок, – успокаивает мама Славика, – подумаешь – Крым! Вот я поднакоплю денежек, и в следующее лето мы с тобой махнем на мою родину.

- Куда это? – живо интересуется Славик.

- На Кавказ, – отвечает мама, – там, в Кубе, я родилась. Ты хочешь ехать со мной на Кавказ?

- Хочу, очень хочу – говорит Славик, и на его лице появляется счастливая улыбка.

ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ

Итак, Славик кончает с отличием шестой класс, ему неполных 14 лет, и мама, как обещала, забирает его в начале августа 1960 года из детского дома, чтобы везти на Кавказ. На своей родине она не была 23 года, и ей очень хочется показать ее своему сыночку. Для него уже необычно то, что дорога из Москвы на Кавказ в поезде занимает почти двое суток! Мама решает сделать остановку на некоторое время в Дербенте, где живут родственники. Славик с мамой поселяются в доме дяди Изьи, мужа Мазалут – старшей маминой сестры, погибшей при трагических обстоятельствах, и часто заходят к тете Рае – младшей маминой сестре, потерявшей мужа.

Вместе с детьми дяди Изьи – Светой, Розой, Аликом, Беллой, Мараль, Юрой – и тети Раи – Машей, Ялтой, Любой и Биней – Славик с мамой каждый день ходят купаться на Каспийское

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

длинные прогулки по городу и окрестным садам, заходя иногда на большой шумный восточный базар в Верхнем городе или кушая шашлыки под любимую мамой азербайджанскую музыку. Удивительно, что мама не забыла родной горско-еврейский язык и бойко говорила на нем со своими родственниками и соседями. А Славику во время пребывания в Кубе всё время казалось, что он уже был здесь давно когда-то, а теперь повторяется всё, что с ним тогда происходило. То он присутствует на обрезании у маминых знакомых, то наблюдает, как резник по всем правилам режет курицу, и ему кажется, что это он уже видел здесь когда-то...

Довольный и хорошо отдохнувший, Славик возвращается с мамой в Москву, имея теперь ясное представление о горских евреях, к которым он принадлежит по крови. Ему, привыкшему к московской цивилизации, их жизнь показалась немного диковатой.

СЕМИЛЕТКА. МУЗЫКАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

Сразу после возвращения в детский дом Славик приступает к учебе в выпускном классе семилетней школы. Как и в двух предыдущих классах, по каждому предмету – другой учитель. Учительница начальной школы Нина Семеновна Овсянникова ведет русский язык и литературу и становится классным руководителем. Она всегда довольна Славиком и ставит ему в дневнике только «пятерки». Славику нравится предмет «русская литература» и особенно стихи Пушкина. Однажды Нина Семеновна дает задание выучить наизусть отрывок «Осень» из «Евгения Онегина». Славик просто влюблен в него, быстро выучивает наизусть и много раз в детском доме выразительно декламирует его вслух:

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу...

Снова остановка! Как будет дальше? Славик готов провалиться сквозь землю и опять умоляюще смотрит на Нину Семеновну. «Приближалась», – невозмутимо подсказывает она. Славик тут же повторяет за ней и совсем упавшим голосом заканчивает стихотворение:

Приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

- Очень хорошо, Давыдов, пять с минусом, – говорит Нина Семеновна, – можешь садиться на место.

Но Славика не радует пятерка с минусом. Покрытый густой краской стыда, он садится за парту и, закрыв лицо руками, еле сдерживает себя, чтобы не заплакать от досады. Как он мог забыть стихи? Как?! Да еще дважды!

И вот через некоторое время у Славика появляется шанс взять реванш за поражение. Нина Семеновна предлагает ему принять участие в подготовленной ею литературно-театральной композиции по рассказу Чехова «Лошадиная фамилия», имея в виду показать ее на очередном праздничном концерте в школе. Славику поручается роль ведущего – рассказчика, и он с радостью берется за нее, начиная жадно зубрить текст. Наступает день концерта, Славик во время представления уверенно и даже игриво держится на сцене, ни разу не спотыкаясь. Зал, наполненный школьниками из разных классов,

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

тьяковскую галерею и другие музеи Москвы, возит детей на различные предприятия, из которых Славику особенно врезывается в память благодаря специфическому запаху завод «Клейтук». Но, пожалуй, самое яркое впечатление у мальчика остается от катания на теплоходе по каналу имени Москвы: красивые зеленые берега, огромные водохранилища и, конечно, шлюзы, которые медленно заполняются водой...

Между тем в детском доме еще раньше происходит смена власти. Появляется новый директор Мария Артамоновна Медведева, которая сменяет Катерину Ивановну Усачеву, уходящую на пенсию. Это была весьма строгая энергичная начальница, не дававшая спуску никому, даже своей дочке Оле, иногда бывавшей в детском доме. Первое, что делает Мария Артамоновна при вступлении на руководящую должность, это вешает на самом видном месте в столовой список всего имеющегося в детском доме инвентаря с указанием стоимости каждой вещи. После этого мебель стали ломать реже. Но к Славику она относится хорошо, позволяя ему некоторые поблажки и с гордостью ставя его в пример всем воспитанникам как отличника общеобразовательной и музыкальной школ. В детский дом также приходит новая пионервожатая Лиза, которая благодаря своему мягкому характеру пользуется любовью среди детей.

После перехода Славика в пятый класс в детский дом привозят новую большую группу детей. С некоторыми у него складываются дружеские отношения: это Саша Браславский, Коля Пешехонов, Миша Блинов, Валя Горина, Саша Цейтлин, Вера Кузнецова, Лена Дымова, Миша Мухин, Сережа Новиков, Мунера Донская, Вова Зуев, Жора Беседин, Женя Хадкевич, Лева и Слава Анохины, Таня Скалозубова, Наташа Юдина, Вова Дроздов, Лена Марьина... Миша Мухин, заикающийся мальчик, разводит во дворе кроликов и постоянно терпит шутки, а то и издевательства со стороны ребят. Однажды

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

вкушении летних каникул, но и для того, чтобы выбросить все старые тетради и накопившиеся бумаги, что он делает с превеликим удовольствием. Славик всегда бывает в числе награжденных грамотами и подарками. В речах всегда с благодарностью упоминается имя Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева. Вместе со всей страной в детском доме ликуют по случаю запуска первого искусственного спутника Земли и полета в космос первого космонавта Ю.А.Гагарина.

В мае 1961 года Славик одновременно заканчивает с отличием обе школы, семилетнюю и музыкальную, и на торжественной линейке в присутствии шефов награждается почетной грамотой и памятным подарком – книгой «Балтийское небо» Николая Чуковского (сына Корнея Чуковского), посвященной подвигам морских летчиков в годы войны.

А на выпускном экзамене по специальности в музыкальной школе Славик играет довольно сложную программу: первую сонату для гобоя Генделя и пьесу «Анданте» Глиэра. На выпускном вечере он также награждается почетной грамотой с правом занесения на Доску выпускников, с отличием окончивших музыкальную школу, а учитель Георгий Михайлович дарит ему от себя ноты знаменитого концерта для гобоя Марчелло.

Перед Славиком встает выбор: учиться дальше в восьмом классе или идти в какое-нибудь среднее учебное заведение. Этот вопрос за него решает учитель по классу гобоя Георгий Михайлович Кичко, который рекомендует ему поступать в музыкальное училище при Московской консерватории. Да и сам Славик, страстно влюбленный в музыку, считает, что профессия музыканта больше всего подходит для него. Вместе с пионервожатой Лизой он едет в музыкальное училище, расположенное в Мерзляковском переулке, недалеко от станции метро «Арбатская», и там сдает свои документы. Каждого абитуриента лично принимает директор музучилища Лариса

Леонидовна Артынова, которая не скрывает своего удивления при виде маленького ростом и щупленького Славика.

- Так сколько тебе лет? – спрашивает она.

- Четырнадцать, – смущаясь, отвечает Славик.

- Ну, если четырнадцать, то можно, – говорит, улыбаясь, она.

Мальчик со всей серьезностью готовится к вступительным экзаменам в музыкальное училище и, успешно сдав их, становится его студентом. Славик может гордиться перед воспитателями и ребятами из детского дома. Еще бы: в свои четырнадцать лет он уже не кто-нибудь, а СТУДЕНТ, причем получающий стипендию! Как воспитаннику детского дома, Славику полагается повышенная стипендия – аж 35 рублей! Мария Артамоновна предлагает ему откладывать эти деньги, чтобы по выходе из детского дома он получил приличную сумму. Но мама Славика противится этому, и тогда Мария Артамоновна предлагает компромиссный вариант: 25 рублей Славик будет отдавать маме, а 10 рублей – Марии Артамоновне...

После поступления в училище Славика ждет еще одна награда – путевка во Всероссийский пионерский лагерь «Орленок», которую ему исхлопотала директор детского дома Мария Артамоновна Медведева. О более чудесном подарке нельзя было и мечтать!

ПИОНЕРЛАГЕРЬ «ОРЛЕНОК»

В середине июля Славик вместе с другими ребятами – счастливчиками из Москвы прибывает поездом в город Туапсе, а оттуда всю группу на автобусе доставляют в лагерь «Орленок». Мальчик узнаёт, что лагерь открыли только год назад. Он попадает в музыкальный отряд, так как часть его составляет школьный духовой оркестр из Горького. На следующий день по предложению пионервожатой Нади у вечернего костра ре-

бята знакомятся друг с другом и каждый рассказывает о себе. Славика избирают знаменосцем и барабанщиком отряда. Начинается удивительная лагерная жизнь, наполненная интересными и яркими событиями. Утром – пробежка, всеобщая зарядка под спортивный марш Дунаевского и линейка. После завтрака – купание в море и катание на водных велосипедах. Славик впервые видит Черное море, которое нравится ему больше, чем Каспийское. После обеда и дневного сна – прогулки по красивым окрестностям лагеря, спортивные игры и соревнования, разучивание песен, написанных специально для лагеря «Орленок» и напечатанных в красиво оформленном сборнике. После ужина – показ кинофильмов под открытым небом или танцы до упаду.

Одно из самых ярких событий – это трехдневная поездка в Сочи, от которой Славик в упоении: дендрарий, музей Николая Островского, фуникулер, цирк, парадные шествия по городу с оркестром из Горького и Славиком со знаменем отряда впереди, походы по горным тропам, жизнь в палатках, костры с песнями и картошкой и сон в спальных мешках. По всему городу развешаны афиши гастролировавшего тогда в Сочи Одесского оперного театра, и, глядя на заманчивые названия опер «Риголетто», «Травиата», «Фауст», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Садко», Славик с грустью сожалеет, что не может попасть на них. Возвращаясь обратно в лагерь «Орленок», автобусы с детьми делают невероятные виражи из Туапсе по горным серпантинам, и мальчика немного тошнит от дороги...

Однажды в свободное время Славик заходит в библиотеку лагеря и просит дать ему почитать что-нибудь о музыке. Мальчику предлагают книгу о Римском-Корсакове, которую он читает с огромным увлечением, особенно ту главу, где рассказывается, как композитор дружил и жил одно время вместе с Мусоргским. Не забывает Славик и писать письма маме, от которой получает ответы.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Однажды Славик доводит Таню до слез, и девочки дружно накидываются на него:

- Злодей, оставь нашу Таню в покое! Если будешь и дальше приставать к ней, вылетишь из детского дома как миленький.

Эти слова действуют на Славика отрезвляющим образом, и он не только оставляет Таню в покое, но и вообще перестает с нею разговаривать...

Через несколько лет, когда Славик учится в 6 классе, в детском доме появляется новая девочка по имени Таня (опять Таня!) Скалозубова. Она зачисляется в старшую группу и сразу же своей необыкновенной красотой вскружила голову всем мальчишкам. Это была настоящая русская красавица с голубыми глазами, румяными щеками, удивительно гармоничными чертами лица и огромной каштановой косой. Славик становится одним из самых рьяных ее поклонников, влюбившись в Таню со всей пылкостью своего мальчишеского чувства. Она кажется ему Богиней, от которой исходит некий божественный свет. Появление Тани в детском доме наполняет жизнь Славика особой радостью и внутренним подъемом. Почти все мальчики влюбляются в Таню, становясь его соперниками, но – странное дело – Славик не пытается вступать с ними в борьбу, конкурировать с ними, как-то выделиться и привлечь ее внимание. Из мальчиков ей будто нравится его друг Леша Стрельников, который иногда «лапает» ее, чем вызывает в Славике легкое чувство ревности. Однажды Таня заходит в группу Славика и, зная, какое впечатление она производит на мальчиков, подходит к его столу, о чем-то спрашивает и тем самым проверяет на нем действие своей красоты. В ответ он, замирая, что-то лепечет и покрывается густой краской мальчишеской стеснительности.

Через два года Таню выписывают из детского дома, и в течение года о ней ничего не слышно. И вдруг по детскому дому разносится слух, что пришла Скалозубова, причем не одна, а

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

их любовных приключениях. Некоторые, обнаглев, суют пальцы девочкам под юбки, за что получают суровый нагоняй от Марии Артамоновны. А Славик, чувствуя себя неловко в женском окружении, испытывает перед женским полом какой-то особый трепет, видя в его представительницах создания высшего порядка. Поклонение женской красоте было для него так же естественно, как еда или сон...

ДВА ЛЕТА НА ДАЧЕ

Оставшись в детском доме после поступления в музыкальное училище, Славик имеет возможность отдыхать на даче детского дома два лета подряд. В первое лето, в июне 1962 года, детей перевозят из Москвы на дачу у станции «Заветы Ильича», когда Славик еще сдает экзамены за первый курс училища. Ему приходится часто ездить в город на экзамены и консультации и возвращаться иногда на дачу довольно поздно. Сходя с электрички, он идет по безлюдным улицам поселка при тусклом свете фонарей. Страх темноты и одиночества ему помогает преодолевать музыка – звучащие в нем темы из полюбившихся произведений Моцарта и Бетховена, входивших в программу экзамена по музыкальной литературе.

Но вот летняя зачетно-экзаменационная сессия заканчивается, и Славик может, наконец, посвятить всё время отдыху. Он живет в отдельном домике, стоящем на самом краю дачи, с 16-летним парнем Сашей Самойловым, играющим на баяне и приглашенным на лето в детский дом для ведения музыкально-культурной работы. Кроме баяна, он увлекается еще игрой на кларнете и иногда берет у Славика консультации. Вначале они очень дружат, но некоторая замкнутость Славика, его нежелание постоянно быть вместе с ним, а также грубый, повелительный характер Саши приводят к тому, что их

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

«Героя нашего времени» Лермонтова, «Обломова» Гончарова, рассказов и «Палаты № 6» Чехова (эта повесть потрясла мальчика!), «Рожденных бурей» Н.Островского, «Принца и нищего» Марка Твена (во второй раз!), «Белого Клыка» Джека Лондона.

Часть книг, не оказавшихся в детдомовской библиотеке, Славик читает в Юношеском зале Ленинской библиотеки, куда начинает ездить в августе. Среди прочитанных там книг – «Гроза» А.Островского, «Отцы и дети» Тургенева и сказки Салтыкова-Щедрина, которые понравились мальчику меньше. Зато с большим удовольствием он читает на даче книжки и брошюры о музыке из таких серий, как «Монографии», «Путеводители по операм», «Слушателям симфонических концертов», «Университет культуры», посвященных в основном русской и зарубежной классике. Это чтение значительно расширяет представление Славика о тех или иных композиторах и произведениях, увеличивая его музыкально-исторический кругозор.

Единственным развлечением в качестве отдыха от чтения, которое позволяет себе Славик, – это сооруженный им фонарь от велосипеда, который он мечтает сделать еще более внушительным. Однако, разозленный тем, что ребята постоянно ломают его, мальчик выбрасывает фонарь...

В августе Славик наряду с Юношеским залом также бывает в Нотном отделении Ленинской библиотеки, где переписывает заданные ему на лето М.М.Оруджевым ноты этюдов для гобоя Люфта и Ферлинга. Оказалось, что это был мартышкин труд и время на переписку потрачено зря, так как летом мальчик не занимается на гобое, а эти ноты есть в библиотеке училища...

Впрочем, переживания по поводу напрасной переписки нот кажутся Славику пустяшными по сравнению с тем страхом, который, под влиянием чтения газет, он начинает испытывать перед возможностью начала третьей мировой термоядерной войны. Ему кажется, что война неминуема, вот-вот разразится и что в мире чувствуется предгрозовое затишье. Своими страхами Славик делится с мамой, приезжающей к нему на

дачу каждую неделю. Угощая сына разной привезенной снедью, она успокаивает его, говоря:

- Я надеюсь, что русские и американцы смогут договориться между собой и не допустят новой войны. Кому она нужна? – Никому! И вообще, больше думай о своем здоровье – это для тебя намного важнее. Пользуйся благами лета, солнца, природы, пока не поздно! Накапливай силы для учебы!

Слова мамы утешают Славика, но он не очень радуется ее приездам, так как они отнимают у него драгоценное время от чтения... А потом он и вовсе забывает о своих страхах, когда в середине августа его вместе с другими старшими ребятами «мобилизуют» в Москву на уборку детского дома, где уже трудятся старшие девочки, вернувшиеся из поездки в Крым. (От этой поездки Славик ради чтения решительно отказался.) Девочки моют полы, стены, окна, мальчики вытряхивают ковры, натирают паркет. Славик от этих работ устает, как черт! А завхоз Зинаида Павловна, постоянно всем недовольная, на всех ворчит. Единственной отрадой для Славика является чтение в библиотеке в короткие минуты отдыха повести Пушкина «Пиковая дама», которая целиком захватывает его.

Работы, наконец, заканчиваются, и Славик со всеми возвращается на дачу, где его на неделю поселяют в домике с недисциплинированными ребятами. В их шумном обществе его настроение окончательно портится, и даже устроенный воспитателями перед отъездом прощальный вечер с пирогами и танцами его не веселит. И только когда 27 августа детский дом со всем имуществом переезжает в Москву, Славик облегченно вздыхает. Он успевает соскучиться по учебе и погружается в нее с головой...

Пролетает учебный год на втором курсе училища с его большими нагрузками и зимним отдыхом в Кисловодске, и следующее лето 1963 года Славик снова проводит на даче детского дома. Оно во многом напоминает предыдущее лето: переезд

на дачу в самый разгар летней зачетно-экзаменационной сессии, полное подчинение режима дня активному чтению, участие в работах по подготовке к переезду детского дома обратно в Москву. Славика поселяют в качестве старшего в третьем домике, где живут младшие девочки, которые часто балуются и отвлекают его от чтения. Он следит за порядком, а по вечерам перед сном рассказывает им разные смешные истории и сказки.

Как и прежде, детским домом успешно руководит Мария Артамоновна Медведева, и с детьми работают те же воспитатели: строгая Зоя Емельяновна, благожелательная Зинаида Петровна, ехидная Марья Васильевна и добрая пионервожатая Лиза. Почти весь день на даче из громких динамиков звучит радио, что действует Славику на нервы. Однажды по просьбе заболевшей Марии Артамоновны он бежит на станцию «Заветы Ильича» за минеральной водой. По-прежнему каждую неделю к Славику приезжает мама, привозя разные вкусности.

На даче Славик вновь целиком сосредотачивается на чтении, стараясь уделять ему каждую свободную минуту. В этот раз художественной литературы он читает меньше: перечитывает «Войну и мир» и «Анну Каренину» Толстого, «Что делать?» Чернышевского, впервые читает «Севастопольские рассказы» и повести того же Толстого и трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта». Славик начинает всё глубже понимать Толстого, который всё больше захватывает его глубоким проникновением в сущность явлений жизни, человеческих характеров и отношений между людьми. Еще более сильное впечатление остается у него от повторного прочтения романа Чернышевского «Что делать?», который совершает полный переворот в его сознании и становится для него учебником жизни. Книга поражает Славика показом новых отношений между мужчиной и полностью раскрепощенной женщиной, отношений равенства, бескорыстной любви и взаимной помощи, появлением

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

более утверждается в своем решении уйти из детского дома, чтобы, наконец, почувствовать себя свободным человеком. Он уже тогда понимает, что юность не бесконечна и наступит время, когда он станет взрослым и будет со сладостью вспоминать эти беззаботные и где-то счастливые дни, наполненные чтением и проведенные на даче...

Иногда, живя на даче, Славик позволяет себе посмотреть в клубе телевизор, и на него большое впечатление производит новый фильм «Чайковский» с Иннокентием Смоктуновским в роли великого русского композитора. Чтобы не умереть от скуки, он соглашается в один из августовских дней пойти с ребятами в поход до станции «Правда» и восторгается чудесной подмосковной природой. Не может он пропустить и экскурсию в Загорск, где с большим интересом знакомится с памятниками древнерусского зодчества. После этой поездки в нем загорается любовь к путешествиям...

Но вот «красное» лето с его обильным урожаем яблок в детдомовском фруктовом саду подходит к концу, и Славик с радостью приступает к осуществлению своих жизненных планов.

КУРСОВКА В КИСЛОВОДСК

Славик, продолжая жить в детском доме, успешно сдает экзамены за первый курс музыкального училища и переходит на второй. К концу первого полугодия учебного года он настолько утомляется от чрезмерной физической нагрузки, что по ходатайству директора училища Л.Л.Артыновой получает в январе 1963 года в профкоме студентов курсовку в Кисловодск. Собрав вещи в небольшой чемоданчик и получив напутствия на дорогу от мамы и от директора детского дома М.А.Медведевой, в конце января он более суток едет поездом в Кисловодск. Выйдя из вагона, Славик чувствует, что в Кисловодске намно-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

лом «Музыкальная жизнь», за которым начинает «охотиться»; в городской библиотеке читает газеты, брошюры о музыке и «Что делать?» Чернышевского, который приводит его в восторг. Однажды у баяниста, сопровождавшего музыкой лечебную физкультуру, Славик записывается на уроки танцев и, не жалея 6 рублей, учится танцевать танго, фокстрот, вальс, мазурку и другие танцы, справедливо полагая, что это может пригодиться ему в будущем.

Довольный отдыхом в Кисловодске и окрепший, Славик возвращается в Москву на самолете, на котором летит впервые. Но на душе у него мрачно, чему были причины.

УХОД ИЗ ДЕТСКОГО ДОМА

Находясь в мрачном состоянии духа, Славик с конца февраля продолжает учебу на втором курсе музыкального училища. С каждым днем он всё сильнее осознаёт, что режим детского дома не подходит для его занятий в училище. Он должен уходить до начала обеда и часто возвращаться после окончания ужина. Тогда Мария Артамоновна распоряжается, чтобы Славику давали на кухне обед раньше времени и оставляли ему ужин. Мальчик вынужден есть наскоро, затем бежать до станции метро «Аэропорт» и, выйдя из метро на станции «Арбатская», снова бежать до Мерзляковского переулка, чтобы успеть на занятия в училище. Повар тетя Шура, жалеющая Славика, работает с утра до вечера без выходных, так как у нее нет замены. Однажды ей становится плохо, ее увозят домой, и Славик вместе с девочками несколько раз привозит ей питание из детского дома, пока она снова не возвращается на работу.

Славик также страдает из-за частого недосыпания. Ведь он ложится поздно, а вставать надо рано – в 6.30 утра со всеми

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

нец-то они дождались момента, когда Давыдова ругают! Так ему и надо! Еще полчаса Славик, судорожно рыдая, валяется на полу у ног Галины Васильевны, потом, поняв, что ему жалости ни от кого не дождаться, вскакивает на ноги и, вытирая слезы руками, убегает от всех в туалет.

После этого случая детский дом становится Славику еще более ненавистен, он ощущает себя в коллективе белой вороной. Из-за неприязненного к себе отношения, постоянного недосыпания и недоедания он чувствует себя настолько скверно, что начинает подумывать о самоубийстве. Надо было что-то предпринимать, и Славик приходит к мысли об уходе из детского дома. Он решает посоветоваться с тремя женщинами, которые одни желали ему добра, – директором детского дома, директором музыкального училища и мамой.

Главный вопрос, который предстояло решить Славику, – это куда уйти после детского дома: в общежитие музучилища или домой к маме. Мария Артамоновна советует ему остаться в детском доме еще на два года, до окончания училища. Лариса Леонидовна считает, что ему будет лучше в общежитии, а если он уйдет к маме, то теряет полагающуюся ему как детдомовцу повышенную стипендию. У мамы из-за денег неважные отношения с Марией Артамоновной, и она соглашается с мнением Ларисы Леонидовны. По окончании с отличием второго курса училища Славик подает на имя Л.Л.Артыновой заявление с просьбой предоставить ему место в общежитии в связи с уходом из детского дома, но пока не говорит о своем решении М.А.Медведевой.

В конце августа Славику в музучилище сообщают, что его просьба о предоставлении ему места в общежитии удовлетворена, но прежде он должен выписаться из детского дома и получить паспорт. Мария Артамоновна искренне огорчена, узнав об окончательном решении Славика, дает ему накопленные в течение двух лет стипендиальные деньги в сумме 200

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Закончив свою напутственную речь, Мария Артамоновна обнимает и целует Славика, а девочки дарят ему на память фотографию известного артиста Владлена Давыдова. Мальчик покидает детский дом с радостным ощущением безграничной свободы навстречу новой и заманчивой жизни!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Продолжая учебу в музыкальном училище, а затем в консерватории, Славик раз в год приезжает в детский дом, где ему всегда рады. Он узнаёт, что некоторые ребята из числа отъявленных хулиганов отправлены в колонию для несовершеннолетних, а кто-то попал в тюрьму. Миша Мухин, не выдержав издевательств ребят, кончает жизнь самоубийством, повесившись на веревке. После этого случая в детском доме меняется власть: вместо Марии Артамоновны директором назначается пионервожатая Лиза, которая становится Лизаветой Григорьевной. Сидя на террасе, Славик берет в руки учебник по истории СССР, по которому он когда-то учился в школе. Читая его, он задается вопросом: почему так хвалят Октябрьскую революцию и считают Советский Союз самым лучшим и справедливым государством в мире, в то время как у него на душе и вокруг так тоскливо?

Во дворе Славик видит свою любимую воспитательницу Галину Васильевну Волчок, «пасущую» на воздухе дошкольную группу детей, недавно появившуюся в детском доме. Она приветливо здоровается с ним и улыбается, как будто не было того печального случая. Но он не держит на нее зла. Наоборот, ему жалко ее, потому что она со своим высшим педагогическим образованием вынуждена смотреть за дошколятами, вместо того чтобы заниматься своим прямым делом.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

не принадлежащим самому себе, и, может, поэтому детский дом явился для него хорошей школой жизни...

Студент музыкального училища

Музыка – живое существо,
Ты на волю выпусти его,
Из органа выпусти, из горна,
Выпусти из горла, из струны,
Из темницы этой черной.
Выпусти из клетки тишины...
Лев Болеславский

ПРИЕМНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ. ЛЕТО 1961 ГОДА

К моменту окончания семилетки и музыкальной школы Славик принимает окончательное решение о поступлении в Музыкальное училище при Московской консерватории. По мнению его педагога по специальности Георгия Михайловича Кичко, это училище считалось лучшим из всех средних музыкальных заведений, имевшихся тогда в Москве. В нем класс гобоя вел Мамед Мамедович Оруджев, игравший в оркестре Большого театра в качестве солиста.

- У Мамеда Мамедовича, – не раз говорил Георгий Михайлович Славику, – ты получишь отличную музыкальную подготовку, которая позволит тебе потом поступить в Московскую консерваторию.

- А почему у него такое странное имя-отчество? – спрашивает Славик.

- Потому что он родом из Азербайджана.

- Так я был в Азербайджане, – радостно восклицает Славик, – туда, в город Куба, меня возила год назад мама на свою родину.

- Замечательно, – отвечает с улыбкой Георгий Михайлович. – Значит, ты быстро найдешь с Оруджевым общий язык.

- Постараюсь, – весело говорит Славик.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ского дома, ты имеешь право на получение повышенной стипендии, – Лариса Леонидовна поднимает голову и внимательно смотрит на Славика. – В случае, если ты поступишь к нам в училище, то где будешь жить – в детском доме или у мамы?

- Мне разрешат остаться в детском доме, если я поступлю в музыкальное училище, – отвечает, немного осмелев, Славик.

- Это хорошо, – говорит, улыбаясь, Лариса Леонидовна, – у нас сейчас свободных мест в общежитии нет. Так ты еще отличник учебы?

- Да, – в голосе Славика появляются гордые нотки, – я закончил с отличием семилетнюю школу имени Дунаевского.

- Это хорошо, – повторяет, продолжая улыбаться, Лариса Леонидовна. – Есть ли у тебя ко мне вопросы?

- Да, есть. Только один.

- Какой?

- Надо ли мне как отличнику учебы, – спрашивает с надеждой в голосе Славик, – сдавать все приемные экзамены? Есть ли у меня право на освобождение от экзаменов по общеобразовательным предметам?

- Такого права нет, – приветливая улыбка на лице директрисы тут же превращается в строгую, – все – и отличники, и не отличники – поступают в музыкальное училище на общих основаниях. Желаю тебе успеха!

Несколько огорченный услышанным, Славик покидает кабинет директора, сожалея, что его красный аттестат не учитывается при поступлении в музыкальное училище.

Через несколько дней Славик приходит на консультацию по специальности к преподавателю по классу гобоя Мамеду Мамедовичу Оруджеву. Это был довольно полный мужчина кавказской наружности, ездивший на собственной «Волге» голубого цвета. Задав Славику несколько дежурных вопросов, касавшихся его родителей, детского дома и учителя по гобою в музыкальной школе, Мамед Мамедович воскликнул:

- Кичко – хороший гобоист, играет в оркестре театра Оперетты. Я его прекрасно знаю! Какую же программу ты подготовил с ним для приемного экзамена по специальности?

- То, что я играл на выпускном экзамене в музыкальной школе, – отвечает, замирая от страха, Славик и протягивает Мамеду Мамедовичу ноты Первой сонаты для гобоя Генделя и пьесы «Анданте» Глиэра.

- Что же, с такой программой не стыдно поступать в музыкальное училище. А теперь послушаем, как ты играешь. Попросим саккомпанировать тебе нашего концертмейстера – уважаемую Наталью Львовну.

Страшно волнуясь, Славик исполняет на гобое оба произведения.

- Что же, очень неплохо, – говорит довольный игрой Славика Мамед Мамедович. – Но кроме этих произведений ты, Славчик, должен играть на приемном экзамене гаммы – мажорную и минорную, на выбор комиссии, и один этюд, желательно наизусть.

- А я уже подготовил наизусть 20-й этюд Видемана – говорит воодушевленный похвалой Мамеда Мамедовича Славик, – могу сыграть прямо сейчас!

- Сыграй, а мы послушаем – отвечает с улыбкой Мамед Мамедович.

«Мы» – это он, концертмейстер и мальчики, поступающие к нему в класс гобоя и проявляющие к Славику неподдельный интерес. Славик начинает играть этюд, но через несколько тактов его останавливает Мамед Мамедович.

- Не очень ровно, еще раз с начала, – говорит он и тут же начинает отсчитывать ритм щелчками пальцев под игру Славика, – это уже намного лучше.

После консультации Славик не уходит, а остается послушать других мальчиков. Их игра, особенно звучание инструмента

и продвинутая техника, повергает его в отчаяние. Ему будет трудно состязаться с ними, и его вряд ли примут в училище!

На следующий день Славик в унылом состоянии духа приезжает домой к Георгию Михайловичу Кичко и рассказывает ему о консультации у Оруджева и о сильном впечатлении от игры мальчиков, поступающих к нему в класс.

- Не горюй, – подбадривает Славика Георгий Михайлович, – это не повод, чтобы расстраиваться. Главное – хорошо, уверенно и без ошибок выступить на приемном экзамене по специальности! У тебя есть все шансы поступить в училище. Вот тебе две новые трости. Пробуй!

Довольный тростями и ободренный учителем, Славик несколько раз проигрывает перед ним программу, и Георгий Михайлович еще и еще раз обращает его внимание на те или иные недостатки в игре. Славик будет приходить к учителю два раза в неделю и станет еще больше и яростнее заниматься на гобое в детском доме.

Если за экзамен по сольфеджио – письменный (диктант) и устный – мальчик был спокоен, то в отношении устного экзамена по русскому языку и литературе у него не было полной уверенности. Достав учебники, он готовится к нему со всей серьезностью, используя любую свободную минуту и зубря наизусть правила морфологии и синтаксиса русского языка и стихи русских поэтов.

15 июня детский дом, как обычно, переезжает на дачу под Москвой близ станции «Заветы Ильича», и Славику приходится часто ездить в Москву и обратно по железной дороге, тратя на нее много времени. Иногда он должен был возвращаться очень поздно – в 11 ночи, и было страшновато идти в темноте от станции до детдомовской дачи.

3 июля начинаются приемные экзамены. Первый, конечно, экзамен по специальности. В комиссии известные профессора-духовики, некоторые из них преподают не только в учили-

ще, но и в консерватории. От волнения Славик не помнит, как играл свою программу, и когда после долгого ожидания раздали экзаменационные листки, был страшно обрадован, увидев против графы «специальность» заветную «пятерку». Его неустанные труды не пропали даром и по другим предметам. При этом, к тому, как сдает Славик приемные экзамены в училище, приковано внимание всего коллектива детского дома – от директора и воспитателей до ребят. После каждого экзамена с нетерпением ждут его возвращения на дачу, и, подходя к калитке дачной территории, Славик машет рукой и с гордостью кричит: «Пятерка!» Все шумно его поздравляют, а Мария Артамоновна пожимает ему руку. По всем экзаменам – специальности, сольфеджио (диктант и устный), русскому языку и литературе (устный) у него «пять», кроме... диктанта, за который он получает «четыре». И это всего за две незначительные ошибки!

15 июля вывешиваются списки принятых в музыкальное училище, и в них Славик находит свою фамилию! Его счастью нет предела! Он становится студентом музыкального училища! Наряду с ним в класс гобоя к Оруджеву из семи поступавших принимают еще троих – Шурика Попова, Сережу Карпенко и Вову Тропанова – самого взрослого среди них.

В тот же день Славик с радостной вестью едет к Георгию Михайловичу Кичко и, купив по дороге цветы, вручает их своему учителю. Георгий Михайлович от души поздравляет его с приемом в училище и приглашает на семейный обед со своей женой и дочкой Наташей. В качестве награды он приглашает Славика в театр Оперетты и проводит его бесплатно через артистический вход на оперетту «Граф Люксембург» Легара. Славик ошеломлен этим спектаклем – его пышными декорациями, нарядными костюмами, музыкой Легара, пением артистов, среди которых блистали Татьяна Шмыга и Герард Васильев. Мальчик очарован великолепной игрой оркестра и

сольными местами для гобоя в исполнении Георгия Михайловича и просит его дать ему возможность еще раз побывать на спектакле театра Оперетты.

- Хочешь пойти на «Белую акацию» Дунаевского? – спрашивает учитель своего любимого ученика.

- Хочу, очень хочу! – радостно восклицает Славик, и посещение «Белой акации» вновь становится для него настоящим праздником.

В детском доме прием Славика в музыкальное училище воспринимается как всеобщий праздник: его все горячо поздравляют, а директор Мария Артамоновна Медведева сообщает, что он получает приз – путевку во Всероссийский лагерь «Орленок». Но особенно успехам Славика радуется мама. Она покупает огромный торт и по случаю его победы угощает всех соседей в квартире в Варсонофьевском переулке. Мама с гордостью сообщает по телефону дяде Захару, что ее Славик стал студентом Музыкального училища при Московской консерватории!

ПРЕДМЕТЫ. УЧИТЕЛЯ

Возвратившись в конце августа 1961 года из пионерлагеря «Орленок», Славик сразу приступает к учебе на первом курсе Музыкального училища при Московской консерватории. Он бесконечно рад чувствовать себя студентом такого престижного учебного заведения и страшно гордится этим! С неизмеримым чувством превосходства он смотрит на людей других профессий, считая, что профессия музыканта самая важная и нужная в мире, по сравнению с которой все остальные ничего не значат.

Продолжая жить в детском доме, Славик с головой погружается в учебу, с каждым днем открывая для себя удивительный

и увлекательный мир музыки. В училище для него всё ново и интересно: предметы, преподаватели, сокурсники, расписание занятий, даже ежедневные поездки на метро от станции «Аэропорт» до «Арбатской», которые его очень утомляют.

Главным предметом для Славика, естественно, становится специальность, которую он дважды в неделю с огромной охотой посещает в классе гобоя Мамеда Мамедовича Оруджева. У него восемь учеников, которые чаще называют его более ласково Мамед Мамедыч, а между собой запросто – Мамед. Оруджев, будучи солистом оркестра Большого театра, уже имел к тому времени звание Заслуженного артиста Азербайджана, а позднее стал также Заслуженным артистом РСФСР. Его имя нередко значилось на афишах Большого театра против слов «соло на гобое исполняет...» Однако на уроках Мамед Мамедыч играл очень редко, предпочитая обходиться общими указаниями и объяснениями. Основное внимание в своем классе он обращает на правильную постановку дыхания и рук, качество звука и развитие техники пальцев. На первом курсе в программу Славика, наряду с гаммами, входили этюды Видемана и Ферлинга, концерт и 2-я соната для гобоя Генделя и ряд мелких пьес. Ноты мальчик берет в нотной библиотеке училища, где довольно хорошо представлена гобойная литература. Библиотекарь Лариса Анатольевна, миниатюрная женщина, относится к Славику благосклонно, но просит возвращать ноты и учебники в надлежащем виде. Славик занимается на гобое много и усердно, однако проблему качества звука ему пока не удается решить. Почему? Объяснение простое: он продолжает играть на эбонитовом гобое, выданном ему в училище, тогда как его товарищи по классу играют на приличных инструментах немецкого или французского производства из черного дерева.

Однажды во время урока в класс к Мамеду Мамедычу заходит его бывший ученик и очень хороший гобоист Женя Со-

рокин. Послушав Славика, он приходит в ужас, берет из его рук инструмент, осматривает его и, обращаясь к Оруджеву, говорит:

- Да это же Ленинградский завод! Эбонит – асфальт! Разве можно играть на этом инструменте? Да его место на свалке!

- Если мы выбросим гобой на свалку, – парирует с улыбкой Оруджев, – Славчику не на чем будет играть!

- Тогда, – повышая тон, говорит Сорокин, – пусть училище покупает ему нормальный инструмент! Зачем напрасно травмировать мальчика?

- Это дело, – соглашается Оруджев, – я обязательно поговорю с нашей директрисой Ларисой Леонидовной: Славчик не должен мучиться, играя на таком паршивом инструменте!

Мамед Мамедович сдерживает свое слово. Через полгода училище приобретает через Министерство культуры несколько новых инструментов, сделанных в Германской Демократической Республике («Маркарт»), и Славик, наконец, получает новенький прекрасный гобой, что стимулирует его занятия по специальности. Мария Артамоновна, взявшая на детский дом материальную ответственность за инструмент, просит Славика беречь его, как зеницу ока.

Мамед Мамедович относится к Славику по-доброму, по-отечески, и на уроках почти никогда не повышает на него голос. Видимо, Оруджеву импонирует его кавказская внешность, и он называет мальчика ласково Славчиком. Один урок в неделю целиком посвящается гаммам и этюдам, а второй – работе над произведениями для гобоя и фортепиано. Концертмейстером в его классе работает Наталья Львовна Зломанова, обожающая музыку Моцарта. Она испытывает к Славику как к детдомовскому мальчику некоторую жалость и часто угощает его конфетами.

Вторым по значимости предметом на первом курсе училища является сольфеджио, которое проходится в сочетании с

элементарной теорией музыки. Его ведет старейшая преподавательница училища Тамара Гавриловна Ермишина – низкорослая и весьма подвижная женщина. На первом же занятии она строго предупреждает группу, чтобы все соблюдали дисциплину и вели себя тихо, если не хотят иметь дело с ее твердым и суровым характером. Славику это не надо говорить. Он с удовольствием ходит на сольфеджио, которое ему дается так же легко, как и в музыкальной школе. Но в его группе есть студенты свободного поведения, такие, как Руссов, Левак, Бочаров, которые довольно быстро раскусывают всю «строгость» характера Ермишиной и часто вступают с ней в словесную перепалку:

- Перестаньте говорить!
- А мы не говорим!
- Слышите, что я от вас требую?
- А ваше какое дело?
- Как какое? Самое прямое! Перестаньте болтать!
- А мы и так молчим!
- Я пожалуюсь на вас директору!
- Идите, жалуйтесь!
- Выйдите вон из класса!
- Не выйдем!

Без таких бурных диалогов редко обходятся занятия по сольфеджио. Иногда Тамара Гавриловна выходит из себя, но к директору всё же не идет. Славик сидит на ее уроках тихо, всегда выполняет домашние задания, и потому она обращается с ним ласково. Ребята это видят и из чувства зависти задевают Славика. Особенно неистовствует Виктор Руссов, который мог как угодно обозвать Славика, а то и ударить его. Впрочем, он был человек в принципе незлобивый, а спустя год отчислен из училища за неуспеваемость.

Один из любимых предметов в училище у Славика – это общее фортепиано. Ему нравится играть на этом «короле» ин-

струментов еще со времен музыкальной школы. А здесь он попадает в класс общего фортепиано, который ведет молодая аспирантка Московской консерватории Татьяна Вениаминовна Сонинская. Она задает Славику, кроме гамм и этюдов, несложные пьесы из «Детских альбомов» Чайковского, Шумана, Прокофьева, двухголосные инвенции Баха и части из легких сонатин Моцарта и Бетховена. Славик с большим удовольствием разучивает фортепианную программу на новом пианино «Рёниш» в детском доме и всегда приходит на уроки Сонинской подготовленным. Однако его урок раз в неделю по общему фортепиано редко начинается вовремя. Ведь уроку с ним предшествует урок со студенткой вокального отделения Тамарой Синявской, с которой Татьяна Вениаминовна любит поболтать, обсуждая разные женские дела. Им кажется, что Славик ничего не понимает из их разговора, и потому они не стесняются его. Но мальчик чувствует себя неловко, слушая их откровенности...

Кроме музыкальных занятий, включающих также музыкальную литературу и оркестр, Славик посещает и общеобразовательные предметы, которые проходят в помещении средней школы в Столовом переулке недалеко от училища. Это математика, физика, химия, история СССР, русский язык и литература, военное дело. Первые три предмета Славик изучает без особого интереса, за исключением занятий по химии, на которых основное внимание уделяется Таблице элементов Менделеева. «Химичка» любит также рассказывать студентам о новинках в области поэзии и киноискусства, восторгаясь стихами поэта Леонида Мартынова и вышедшим тогда на экраны фильмом «Девять дней одного года» с Иннокентием Смоктуновским в главной роли.

На уроки по истории, русскому языку и литературе Славик, как и раньше, ходит с удовольствием. Но однажды учительни-

ца Роза Иосифовна, вся седая, ставит Славику за домашнее сочинение по Пушкину «три».

- Почему? – спрашивает с удивлением Славик.

- А вы не догадываетесь? – отвечает с улыбкой вопросом на вопрос Роза Иосифовна, которая всегда обращается к студентам на «вы».

- Не догадываюсь, – смущаясь, говорит Славик.

- Вы же пишете сочинение не сами, а списываете цитаты из разных учебников. Не так ли? – продолжая улыбаться, произносит Роза Иосифовна.

- Так, – густо краснея, признается Славик, – а как вы об этом догадались?

- Очень просто. Здесь, в училище, я работаю по совместительству. А моя основная работа – в качестве научного сотрудника Института русского языка. Я знаю все учебники наизусть, и меня невозможно обмануть.

- Что же мне делать? – спрашивает, еще больше смущаясь, Славик.

- Для меня более важно, – говорит уже серьезно Роза Иосифовна, – чтобы вы, прочитав то или иное литературное произведение, написали сочинение своими словами – что вы сами о нем думаете, свои мысли и впечатления.

- А разве это возможно? – удивленно спрашивает Славик.

- Конечно, возможно, – снова улыбаясь, говорит Роза Иосифовна, – попробуйте!

Через неделю Славик приносит на урок сочинение о Пушкине – его романе в стихах «Евгений Онегин», написанное своими словами, без цитат из учебников, просидев над ним почти целый день. Его труды не пропали даром, и довольная Роза Иосифовна ставит ему за сочинение «пять». Отныне у него появляется вкус к написанию сочинений...

Если «военное дело», которое ведет преподаватель Жаров, бывший офицер, Славик страшно не любит, то к занятиям

по английскому языку он относится, как и прежде, с большой охотой. Он аккуратно выполняет домашние задания и упорно стремится к правильному произношению. Славик также добросовестно посещает уроки физкультуры, вместе с основной группой, но на правах «подготовишки». От него в связи со слабым здоровьем не требуют, как от других, сдачи норм ГТО. В занятия по физкультуре входят три вида спорта: осенью – легкая атлетика на стадионе «Спартак», зимой – лыжи в Измайловском парке и весной – плавание в Доме пионеров Фрунзенского района. Иногда для забавы Славик во дворе средней школы в Столовом переулке во время перемены играет с ребятами в футбол, правда, так и не став рьяным поклонником этого вида спорта...

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. ДИРЕКТОР УЧИЛИЩА

Из всех предметов, которые Славик проходит на первом курсе училища, самым любимым, пожалуй, является музыкальная литература. Ее ведет на духовом отделении не кто-нибудь, а сама директор Лариса Леонидовна Артынова! Почему она, а не кто-либо другой? Славик не раз задает себе этот вопрос и сам находит на него ответ. Во-первых, часы по музыкальной литературе дают ей добавку к зарплате. Во-вторых, что более важно, дают ей как директору возможность держать под неослабным контролем успеваемость и поведение учащихся духового отделения – самых трудных и разболтанных во всем училище. Славика поражало, как в одном человеке совмещаются весьма строгий и жесткий администратор – гроза всего училища – и хорошо знающий свой предмет преподаватель, проявляющий чуткость и внимание к каждому студенту. Для него оставалось тайной, как Лариса Леонидовна – на вид хруп-

кая, изящная женщина с короткой прической и неизменными очками, сквозь которые она, казалось, видит людей насквозь, – находила время для выполнения своих многочисленных директорских и учительских обязанностей...

Занятия по музыкальной литературе Славику очень нравятся. Обычно в начале или в конце урока Лариса Леонидовна делает обзор успеваемости и поведения «проблемных» студентов; кому надо, дает «втык». Уроки она всегда ведет по конспекту и часто иллюстрирует свой рассказ о том или ином произведении показом на фортепиано, причем технически играет весьма уверенно. Она умеет заражать учащихся своей любовью к музыке, и благодаря ей Славик открывает для себя великий музыкальный мир титанов музыкального искусства XVIII – начала XIX века Баха, Генделя, Глюка, Гайдна, Моцарта и Бетховена. При этом программа настолько огромная, что ей приходится назначать студентам-духовикам дополнительные занятия.

Из произведений Баха Славик впервые знакомится с Итальянским концертом, Хроматической фантазией и фугой, хоральными прелюдиями, первым томом «Хорошо темперированного клавира», знаменитой органной Токкатой и фугой ре минор, а из сочинений Генделя – с отрывками из ораторий «Самсон» и «Мессия». Довольно подробно изучается опера Глюка «Орфей и Эвридика», многие фрагменты из которой глубоко трогают Славика, особенно мелодия для флейты в «Царстве теней». Из обширного творчества Гайдна для ознакомления в училище отобраны симфония №103 «С литаврами», оратория «Времена года», фортепианный концерт и фортепианная соната ре мажор. Славик влюбляется в музыку Моцарта, из произведений которого он с удовольствием слушает отрывки из оперы «Свадьба Фигаро», знаменитую соль минорную симфонию №40, знакомую ему по музыкальной школе, ре минорный фортепианный концерт №20 и фантазию для фортепиано

до минор. Очень близка Славику музыка Бетховена, который, наряду с Моцартом, становится одним из самых любимых его композиторов, чьи сочинения – симфония №5, фортепианный концерт №3, увертюры «Эгмонт» и «Кориолан», «Патетическая» и «Лунная» фортепианные сонаты – волнуют его до глубины души...

Лариса Леонидовна восхищает Славика не только как преподаватель по музыкальной литературе, но и как строгий и требовательный администратор, способный поддерживать общий порядок и дисциплину в училище. Было впечатление, будто своего дома у нее не существует, что она живет только интересами училища и студентов, первой приходит на работу и последней уходит. Лариса Леонидовна знала каждого учащегося в лицо и по имени, знала, кто у него родители, какие проблемы имеются в учебе и семье. Ее отзывчивость, чуткость и внимание к каждому студенту Славик также ощущает на себе. Если с ним что-то случается, она тут же приходит к нему на помощь.

Однажды к Славику, когда он шел по Столовому переулку, возвращаясь в училище после вечерних занятий в школе, подошли несколько незнакомых ребят, которые ни с того, ни с сего начали толкать его в грудь. Мальчик, растерявшись от неожиданности, пытался оказать сопротивление и ударил одного из них по лицу. Те стали рвать на Славике одежду и пустили в ход кулаки. Вырвавшись от них, Славик, весь в слезах, прибежал в училище, где его, громко рыдающего, увидела Лариса Леонидовна. Расспросив, в чем дело, она тут же уложила его на диване в учительской и распорядилась, чтобы Славику принесли еду с горячим чаем и вызвали милицию. Прибывший вскоре милиционер подробно расспросил успокоившегося к тому времени мальчика, что за ребята били его, как они выглядели и были одеты, и попросил его прийти в отделение милиции с написанным заявлением по поводу случившего-

ся. Через несколько дней Славик занес заявление в отделение милиции Краснопресненского района, где ему обещали найти обидевших его ребят и наказать их. Неизвестно, нашли ли тех хулиганов, но с тех пор на Славика больше никто не нападал.

Славику запомнился еще один случай, когда Лариса Леонидовна проявила по отношению к нему всю доброту и отзывчивость своего характера. Во время Спартакиады на стадионе «Спартак» у мальчика неожиданно заболел живот. Он пожаловался на боль ребятам-сокурсникам, и те побежали сообщить об этом начальству. Вся взволнованная и перепуганная, к месту, где лежит Славик, подбегает сама Лариса Леонидовна!

- Что с тобой?

- Что-то с животом.

- Сейчас же вызвать такси и везти его в больницу! – чуть не кричит она преподавателю Жарову. Вскоре подъезжает такси, и, взяв Славика под руку, Лариса Леонидовна помогает ему сесть в машину, садится сама и сажает еще двух ребят с его курса.

- Может, не надо ехать? – робко спрашивает Славик, – мне стало немного легче.

- Нет, едем! – решительно произносит Лариса Леонидовна, – тебя должен посмотреть врач и выяснить, что с тобой!

Через 15 минут они подъезжают к какой-то больнице, и Лариса Леонидовна вновь берет Славика под руку, помогая ему войти внутрь здания.

- Срочно примите больного, – кричит Лариса Леонидовна, – ему очень плохо!

- Подождите, – отвечает медсестра, – сейчас врач освободится и примет его.

- Пожалуйста, поскорее, – не унимается Лариса Леонидовна.

Через 5 минут доктор принимает Славика в своем кабинете, укладывает его на диван и спрашивает, что он ел утром.

- Как обычно, – слабо отвечает мальчик, – кашу, чай и сдобную булочку.

Доктор дает Славику выпить соду, его рвет, и вся гадость в присутствии Ларисы Леонидовны выходит изо рта.

- Ну как, – спрашивает она мальчика, – тебе стало лучше?

- Стало, – отвечает ослабевшим голосом Славик, – спасибо, вроде уже не болит.

- Это хорошо, – говорит, успокоившись, Лариса Леонидовна и тут же обращается к ребятам Избойникову и Карпенко, приехавшим со Славиком в больницу:

- Вот вам два рубля на такси. Отвезите мальчика в детский дом и передайте его воспитателям. Имейте в виду – я проконтролирую!

Ребята в точности исполняют поручение Ларисы Леонидовны, и Славик потом еще долго будет с благодарностью вспоминать ее необыкновенную доброту. Материнское участие и заботу директора о нем мальчик будет чувствовать на протяжении всех четырех лет учебы в музыкальном училище.

Однако эта отзывчивость и доброта Ларисы Леонидовны удивительным образом сочетались в ней с жесткостью и требовательностью строгого администратора. Студенты боялись ее как огня и за глаза называли Ларисой. Проштрафившийся студент или студентка вызывались в ее кабинет, когда уже были исчерпаны все меры воздействия, включая «аудиенцию» у заместителя директора по учебной работе Александра Ивановича Лагутина, который совмещал администраторскую должность с преподаванием музыкальной литературы в музыкальной школе при училище и отличался не меньшей взыскательностью и суровостью, чем Артынова. После жестокого разноса в кабинете директора у студента оставались только два выхода: либо исправиться, либо навсегда распрощаться с училищем. Лариса Леонидовна, на вид хрупкая и деликатная женщина, умела держать в страхе всё училище – и преподава-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

студентов – ничто не помогает навести какой-либо порядок в оркестре. И тогда Борис Иванович прибегает к последнему спасительному средству – приглашает на занятие директора училища. При появлении Ларисы Леонидовны в зале наступает гробовая тишина и дирижер может спокойно работать с оркестром и добиваться от ребят того, что ему надо. Но Лариса Леонидовна не может находиться на репетиции постоянно. Через 5-10 минут, обратившись к студентам с грозным предупреждением поддерживать в оркестре дисциплину, она уходит. Сразу после ее ухода на занятии воцаряется беспорядок и всё возвращается к началу: те же крики дирижера, удары палочкой и удаление особо провинившихся. Славику грустно наблюдать за этим, но он бессилен как-то помочь дирижеру и только внутренне от души сочувствует ему. Наконец, время репетиции подходит к концу, и ребята с шумной радостью и гвалтом в считанные минуты разбегаются во все стороны.

На втором курсе Славика переводят в симфонический студенческий оркестр, и в списке гобоистов его фамилия стоит первой. Таково желание его педагога Мамеда Мамедовича Оруджева, который еще в конце первого курса говорил ему, что хочет посадить его в симфонический оркестр за первый пульт. Славик не очень верил в это, но Мамед Мамедович сдержал свое слово! Славик бесконечно рад переходу в симфонический оркестр: во-первых, это освобождало его от посещения духового оркестра, обстановка в котором действовала ему на нервы; во-вторых, в симфоническом оркестре было играть намного приятнее, чем в духовом. Однако он играет партию первого гобоя недолгое время и через месяц меняется местами с Шуриком Поповым, сидевшим за вторым пультом, который как гобоист был, несомненно, посильнее, чем он.

Руководителем симфонического оркестра является Иссидор Аркадьевич Аркин, который, в отличие от Слабакова, пользуется всеобщим уважением и любовью студентов. Его буквальь-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Чайковский и Прокофьев становятся самыми любимыми композиторами Славика.

Оба оркестра – симфонический и духовой – участвуют в отчетных концертах училища, которые проводятся два раза в год. Концерты проходят в Большом зале Московской консерватории, что вызывает у Славика чувство особой гордости. Ведь там на стенах висят портреты знаменитых композиторов, а на сцене выступают лучшие оркестры и музыканты не только Советского Союза, но и из многих стран мира. Как это почетно и ответственно! Аркин после каждого концерта горячо благодарит студентов за хорошее исполнение и каждому из них пожимает руку. Разве это забудется? Никогда!

В 1963 году, когда Славик учится на 3-м курсе училища, Исидор Аркадьевич Аркин отмечает свой 60-летний юбилей. К тому времени он уже имел звания заслуженного артиста Удмуртии и заслуженного деятеля искусств Татарстана, где долгие годы работал в качестве дирижера симфонического оркестра Татарской филармонии. Студенты активно собирают деньги и в день рождения любимого дирижера на занятии оркестра играют в честь него туш и торжественно вручают ему огромный букет цветов и хрустальную вазу. Аркин, волнуясь, приглашает всех на свой юбилейный концерт в Концертном зале имени Чайковского. Там под его управлением симфонический оркестр Московской филармонии исполняет произведения любимого им Петра Ильича, и, кажется, Славик хлопает в ладоши громче всех, испытывая восторг, не знающий границ!

СОКУРСНИКИ. ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА

Музыкальное училище при консерватории имеет пять отделений: фортепианное, струнное, духовое, вокальное и теорети-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

на кружок любителей оперной музыки, который собирается раз в месяц. На нем прослушивают в записи на грампластинках популярные классические оперы. Первая опера, которую слушают друзья, – это «Дон Жуан» Моцарта, и если Славику она сразу понравилась, то Вова остается к ней равнодушен и вообще теряет интерес к опере. Славик продолжает ходить в этот кружок и одну за другой слушает знаменитые оперы «Риголетто», «Травиата», «Трубадур», «Аида», «Отелло», «Вильгельм Телль», «Волшебная флейта», «Фиделио», «Кармен», «Богема», «Руслан и Людмила», «Русалка», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Майская ночь», «Царская невеста», «Обручение в монастыре» («Дуэнья») и многие другие. Мальчик становится ярым поклонником оперного искусства.

Постепенно отношения между Славиком и Бочаровым теряют дружеский характер и приобретают неприязненный оттенок. Видимо, попав под дурное влияние, Вова начинает грубить, а то и хамить Славику, из-за чего тот отказывается от помощи Бочарову.

Что касается девочек, то их учится на духовом отделении очень мало. Из них наиболее привлекательной Славику кажется Оксана Дмитриенко, занимающаяся в классе флейты. При этом Славика поражает не столько ее красота, сколько вольное, даже распущенное поведение. Иногда во время перемены кто-то из ребят сажает ее себе на колени и, не стесняясь присутствия других мальчиков, начинает целовать ее в губы и гладить грудь. Оксана, делая вид, что недовольна, говорит:

- Ну что ты делаешь! Оставь меня в покое! Я что тебе, жена? – и... продолжает ласкаться с очередным избранником! Вдруг в класс заглядывает Лариса Леонидовна.

- Чем это вы занимаетесь? – строго спрашивает она.

- А мы просто играем, – весело отвечает Оксана, спрыгивая с колен счастливчика.

- Вот вы однажды доиграетесь, – говорит, уже улыбаясь, Лариса Леонидовна, входя в класс и останавливаясь возле Оксаны. – Впрочем, я когда-то в юности тоже делала глупости. Не повторяйте моих ошибок. – Сказав это, она быстро уходит, хлопнув дверью.

Находясь со многими из ребят с духового отделения в хороших отношениях, Славик все-таки чувствует себя среди них не совсем уютно. Уж слишком узки их взгляды на жизнь, уж слишком ограничены их жизненные горизонты. Ничто их не интересует, кроме того, чтобы дуть в свои инструменты – ни книги, ни музеи, ни театры, ни природа, разве только физкультура и деньги. Вот почему Славик интуитивно тянется к студентам с других отделений, с которыми ему намного интересней общаться. На оркестровых занятиях он знакомится со скрипачом Колей Цуккерманом и сразу догадывается, кто он по национальности. Нередко они идут после уроков вместе по Мерзляковскому переулку в направлении станции метро «Арбатская», и Славик с огромным интересом слушает его рассказы о великих скрипачах, которые в своем большинстве оказывались евреями.

Однажды Коля обращает внимание друга на воробья, отбивающего кусочек выброшенного хлеба у вороны.

- Ты знаешь, как еще называют воробья? – спрашивает он Славика.

- Жидом, – отвечает Славик.

- А кого еще называют жидами? – продолжает он допрашивать Славика. И сам отвечает: – Евреев. Ведь ты тоже еврей?

- Да, – отвечает гордо Славик, – у меня мама горская еврейка.

- Значит, ты жид! – И горькая усмешка пробегает по лицу Коли. – Так нам на роду написано – быть жидами. Их не любят во всем мире, а Гитлер хотел всех уничтожить.

После слов Коли Славик впервые серьезно задумывается о своей еврейской судьбе...

Он заводит также дружбу со студентом фортепианного отделения Юлием Покровским, который ему импонирует мягким, деликатным характером и обширными знаниями в области истории фортепианного искусства. С большим уважением Славик относится к студентам теоретического отделения Коле Корндорфу и Мише Юровскому, с которыми он посещает занятия по физкультуре. Коля увлекается сочинением музыки, а Миша мечтает стать дирижером и с гордостью рассказывает Славику о своем отце – известном композиторе Владимире Юровском, авторе оперы «Дума про Опанаса», балета «Алые паруса», оратории «Подвиг народа», четырех симфоний и многих других произведений.

Значительными событиями в жизни Славика на первом курсе становятся прием в комсомол и вступление в профсоюз, с чем его поздравляет сама Лариса Леонидовна. Ребята избирают Славика комсоргом и профоргом на первом курсе духового отделения, и таковым «начальником» он остается до конца учебы в училище: кому охота иметь лишние заботы! В его обязанности входит собирание членских взносов, организация помощи отстающим студентам и проведение культурных мероприятий, с чем, как ему кажется, он справляется успешно...

Первое время Славик гордится, что он состоит в комсомоле, который повышает его авторитет в глазах детдомовских ребят. В райкоме комсомола Краснопресненского района Славику торжественно вручают комсомольский билет и значок. Потом он будет регулярно привозить туда членские взносы. Мальчик не сомневается в правоте дела и курса Компартии. На уроках обществоведения он изучает решения состоявшегося в октябре 1961 года XXII съезда КПСС, принявшего Программу построения коммунизма в стране. Славик считает важным не пропускать общие комсомольские и профсоюзные собрания,

особенно когда избирается новый состав комитета ВЛКСМ и профкома студентов. Профсоюзные собрания проходят очень долго, так как выборы на них тайные, с опусканием бюллетеней в специальный ящик. Обычно на этих собраниях с яркой речью выступает зам. директора училища по учебной работе Александр Иванович Лагутин, который требует от сидящих в зале студентов:

- Вы мало критикуете. Должно быть больше критики в адрес работы профкома и его председателя! Только тогда вы сможете поставить работу профкома на должную высоту! Критикуйте как можно острее! Это послужит на пользу дела!

Критика критикой, но главной заботой студентов были все-таки зачеты и экзамены...

ЗАЧЕТЫ И ЭКЗАМЕНЫ ЗА 1-Й И 2-Й КУРСЫ

В конце каждого полугодия – в январе и июне – в музыкальном училище проходит зачетно-экзаменационная сессия. Для Славика это самое трудное, напряженное время, ибо к сдаче каждой сессии он относится очень серьезно, стремясь получить только отличные оценки. Если в первом полугодии экзаменов очень мало и преобладают зачеты, то во втором полугодии бывает от пяти до семи экзаменов. Это уже не шутка! И, конечно, главным предметом его забот является экзамен по специальности. Мамед Мамедыч Оруджев предлагает ему для экзамена за первый курс Вторую сонату соль минор Генделя, которая намного труднее, чем Первая – до минор, с которой Славик поступал в училище. Со свойственной ему ответственностью он упорно готовится к экзамену, занимаясь на гобое 3-4 часа в день. Иногда ему кажется, что не преодолеет технические трудности сонаты, провалится на экзамене и вылетит из училища. Эта боязнь заставляет Славика еще более отча-

янно «дуть» на гобое, несмотря на физическую усталость от долгой игры. В итоге он получает так желаемую оценку «пять» за экзамен по специальности! Оруджев им очень доволен и ставит его в пример другим студентам своего класса.

На втором курсе Славик, желая еще дальше продвинуться в игре на гобое, продолжает рьяно заниматься на инструменте, стремясь приобрести красивый звук и более подвижную технику пальцев. Ему, наконец, меняют эбонитовый гобой на деревянный инструмент фирмы «Маркарт», сделанный в Германской Демократической Республике, что еще больше стимулирует его желание стать хорошим гобоистом. Поскольку трости он сам еще не делает, Оруджев рекомендует брать трости у Александра Ивановича Ананьина, играющего в оркестре МХАТа и изготавливающего трости чуть ли не для половины гобоистов, живущих в Москве. Славик ездит к нему домой в Вадковский переулок, что недалеко от станции метро «Новослободская, и покупает трости по рублю за штуку. Александр Иванович относится к нему благосклонно и рассказывает много интересного о Московском Художественном театре.

Имея теперь приличный инструмент и хорошие трости, Славик ежедневно по 2-3 часа занимается на гобое, для чего остается после восьми вечера в училище, когда освобождаются классы по окончании занятий, или приезжает в училище рано утром до начала уроков, т.е. до девяти утра. Сначала штудируются гамма и этюды – Ферлинга или Люфта, а затем идет упорная работа над произведениями. Для экзамена в конце второго курса Оруджев дает Славику играть Первую сонату фа мажор для гобоя известного советского композитора и профессора Московской консерватории Николая Ракова, с которым Мамед Мамедыч находится в дружеских отношениях. Музыка сонаты, написанная в классических традициях, Славику очень нравится, и он с удовольствием разучивает ее, не боясь технических трудностей. В результате – снова «пятерка»

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

го, легкие части из сонат Гайдна и Моцарта. Славик успешно выступает на вечерах, зачетах и получает свои «пятерки» на экзаменах...

Сдача экзаменов по музыкальной литературе на первом курсе для Славика также не составляет проблем. Он готовится к ним не только по конспекту, но и по учебнику Галацкой. Кроме того, по совету Ларисы Леонидовны он покупает в нотных магазинах недорогие брошюры о композиторах и музыкальных произведениях из серий «Книжки для юношества» и «Слушателю симфонических концертов». На экзамене за первое полугодие по Баху и Генделю Лариса Леонидовна ставит Славику «пять с минусом» и на его вопрос: «Почему с минусом?» отвечает:

- Материал ты знаешь хорошо, но не умеешь ясно выражать свои мысли. Читай как можно больше о музыке, слушай, как рассказывают о ней другие, и тогда у тебя не будет «минуса». Кроме того, полезно самому проигрывать темы из изучаемых произведений.

Во втором полугодии Славик учитывает эти пожелания – много читает, берет ноты в библиотеке училища и в итоге получает на экзамене по темам, посвященным Глюку, Гайдну, Моцарту и Бетховену, заветную «пятерку» без «минуса».

- Теперь ты можешь излагать материал ясным языком, – говорит ему довольная Лариса Леонидовна.

Предмет «музыкальная литература» и на втором курсе училища остается для Славика одним из самых любимых. Лариса Леонидовна переходит, согласно программе, к эпохе романтизма и рассказывает студентам-духовикам о жизни и творчестве Шуберта, Вебера, Шумана, Россини, Шопена, Листа, Вагнера, Верди, Бизе. Славик буквально заворожен их музыкой, открывая для себя новые имена и музыкальные красоты в их произведениях. Особенно ему нравятся «Неоконченная» симфония и песни из вокального цикла «Прекрасная мельничиха» Шубер-

та, увертюра к опере «Волшебный стрелок» Вебера, «Карнавал» и песни из вокального цикла «Любовь поэта» Шумана, увертюра и ария Фигаро из оперы «Севильский цирюльник» Россини, мазурки и Первая баллада Шопена, поэма «Прелюды» и пьесы из фортепианного цикла «Годы странствий» Листа, вступление и антракт к 3-му действию оперы «Лоэнгрин» Вагнера, некоторые сцены из оперы «Кармен» Бизе, арии из опер «Риголетто» и «Травиата» Верди. Славик пользуется учебником Левика и продолжает покупать книжки и брошюры о музыке, к которым теперь добавляется серия «Путеводители по операм». Он настолько чувствует себя уверенно, что Лариса Леонидовна вне всяких сомнений ставит ему за экзамен по музыкальной литературе в конце второго курса отличную оценку...

На том же втором курсе студенты проходят новый музыкальный предмет «Народное творчество», который ведет Тамара Семеновна Вызго, до того преподававшая в Ташкентской консерватории. Ее задача состоит в том, чтобы привить учащимся любовь к русской народной песне. Это очень нелегко, так как духовиков, выросших на современных шлягерах, меньше всего интересуют народные песни. Шума на ее уроках не меньше, чем у Ермишиной, но Славик относится к этому предмету серьезно и получает по народному творчеству «зачет».

На втором курсе Славик продолжает ходить на общеобразовательные предметы – русскую литературу, историю СССР, английский язык, математику, геометрию, физику, химию, гражданскую оборону и физкультуру. К некоторым из них он относится прохладно, что не мешает ему получить на экзаменах пятибалльные оценки, за исключением математики, химии и физкультуры, по которым ему ставят «четыре». Однако по итогам зачетно-экзаменационной сессии на первом и втором курсах у Славика в процентном отношении преобладают

отличные оценки, благодаря чему он продолжает получать повышенную детдомовскую стипендию...

ТЕАТРЫ. КОНЦЕРТЫ

Как бы сильно Славик не был загружен учебой в музыкальном училище, он находит время для посещения оперных спектаклей и симфонических концертов.

Статус свободного студента позволяет ему ходить туда, куда он хочет. От секретаря училища Софьи Георгиевны, весьма энергичной старушки, он узнаёт, что студенты имеют право получать контрамарки (бесплатные пропуска) на спектакли в Большой театр. На каждый день полагалось два пропуска, рассчитанные на четыре человека. Для Славика, никогда не бывавшего в Большом театре, это было настоящей находкой, и он чуть ли не ежедневно подходит к Софье Георгиевне с просьбой выдать ему пропуск на тот или иной спектакль. Первым становится балет «Конек Горбунок» Щедрина, в котором Славика покоряет своим танцевальным искусством Майя Плисецкая. С волнением, затаив дыхание, он обходит огромный зал, фойе и внутренние помещения театра, доступные для публики, восхищаясь золочеными люстрами и великолепной отделкой.

Славик хочет еще и еще смотреть спектакли Большого театра, но Софья Георгиевна ему говорит, что он не единственный, кто желает ходить в Большой театр, и все-таки раз в месяц она дает ему заветный пропуск. На первом курсе он побывает на операх «Евгений Онегин» с незабываемой Галиной Вишневской в роли Татьяны, «Сказка о царе Салтане», «Травиата», «Хованщина», «Князь Игорь», «Аида», «Руслан и Людмила», «Садко» и «Отелло» (гастроли Свердловского оперного театра). Какие-то оперы волнуют Славика больше (итальянские), какие-то меньше (русские), но постановки – декорации, костюмы,

световые эффекты – всегда приводят его в восторг. Из балетов на первом курсе он еще посмотрит «Жизель», от которой останется яркое впечатление.

На первом курсе Славик впервые начинает посещать симфонические концерты в Большом зале консерватории, в Концертном зале имени Чайковского и в Колонном зале Дома Союзов, на которые покупает дешевые билеты – в пределах рубля. При этом он отдает предпочтение Бетховену и Чайковскому, ставшим его любимыми композиторами. Каждый концерт превращается для него в настоящий, наполненный радостью праздник. Особенно запоминается Славику посещение первого для него концерта в Большом зале консерватории, на котором в качестве солиста выступил знаменитый Эмиль Гилельс, блестяще исполнивший Первый концерт Чайковского и Третий концерт Бетховена. Из произведений Бетховена Славик также слушает Пятую и Восьмую симфонии, увертюру «Эгмонт» под управлением Константина Иванова, а Чайковского – Четвертую симфонию, фрагменты из балета «Щелкунчик», «Итальянское каприччио», увертюру «1812 год» под управлением Натана Рахлина, потрясающего своим дирижерским искусством. Из сочинений других композиторов Славик впервые слушает Пятую симфонию и увертюру «Слава» Глазунова и Второй концерт Рахманинова в чудесном исполнении Марии Гринберг под управлением Геннадия Рождественского...

На втором курсе Славик из-за чрезмерной загруженности не столь активно бывает на спектаклях Большого театра. Из опер это «Фауст» Гуно и «Кармен» Бизе, на которую он решает взять билет, чтобы, сидя в первом ряду второго яруса, получить от оперы настоящее удовольствие. Ведь бесплатный пропуск давал только право на стоячие места в четвертом ярусе, с высоты которого постановкой особенно не полюбуешься. Если в «Фаусте» Славику в основном запомнилась «Вальпур-

гиева ночь» в конце оперы, то «Кармен» под управлением Мелик-Пашаева и с Ириной Архиповой в главной роли восхитила его целиком. Он также слушает в концертном исполнении в Колонном зале оперу «Золотой петушок» Римского-Корсакова, поразившую его ощущением в музыке страха перед падением самодержавия, и в оперной студии Московской консерватории оперу Россини «Севильский цирюльник», зарядившую его своим искристо-радостным настроем. Славик также исполняет свое давнишнее желание, побывав на балетах «Лебединое озеро» Чайковского (нет слов!) и «Раймонда» Глазунова (менее сильно).

Славик продолжает ходить на концерты в Большой зал консерватории, вновь отдавая предпочтение Бетховену и Чайковскому. Самое сильное впечатление, конечно, от бетховенской Девятой симфонии под управлением канадского дирижера Мюллера, его 8, 14, 15 и 23 фортепианных сонат в исполнении Исаака Михновского. Сочинениями Чайковского – Шестой симфонией, увертюрами «Франческа да Римини», «Буря», Первым фортепианным концертом (солист Яков Флиер), скрипичным концертом (солистка Ирина Бочкова) вновь бесподобно дирижирует Натан Рахлин. В Колонном зале Дома Союзов на концертах Большого симфонического оркестра под управлением Геннадия Рождественского Славик впервые слушает Третью симфонию Скрябина, Третью симфонию, Третий фортепианный концерт (солистка Мария Гринберг), фантазию «Утес» Рахманинова и кантату «Александр Невский» Прокофьева...

На втором курсе Славик также начинает посещать спектакли в драматических театрах, связанные с программой по русской литературе в училище. Это «Гроза» Островского в Малом театре (запомнилась актриса Елена Гоголева в роли барыни – полусумасшедшей старухи), «Горе от ума» Грибоедова также в Малом (блестящая премьера с Михаилом Царевым в роли

Фамусова) и «Мертвые души» Гоголя во МХАТе (при участии знаменитых мхатовских актеров, но... скучный спектакль).

В Малом театре Славик неожиданно встречается с гобоистом Мишей Ивановым – студентом 3-го курса в классе Оруджева и страстным поклонником театрального искусства, ради которого он оставит музыку... Славик также чувствует, что театр притягивает его всё сильнее и сильнее...

МАМА. КИНО. ЧТЕНИЕ

После поступления в музыкальное училище Славик продолжает ездить по выходным дням и в каникулы к маме, которая страшно гордится перед соседями и родственниками, что ее сынок – студент престижного учебного заведения! Каждый раз она откармливает его вкусно приготовленными обедами и по установившейся традиции везет за город дышать свежим лесным воздухом. Кроме любимой станции «Заветы Ильича», они раз в месяц едут до станции Томилино по Казанской железной дороге, где в детском доме воспитывается племянник мамы Иосиф, сын тети Сипро, который младше Славика на четыре года. После этих поездок, вернувшись из-за города домой, мальчик чувствует себя намного бодрее и лучше.

Мама также регулярно посещает со Славиком родственников – дядю Захара и дядю Гаврила. Дядя Захар, живущий с двумя дочками и женой Ириной Борисовной на улице Куусинена, всегда радушно принимает их, интересуется успехами Славика в учебе и с гордостью рассказывает об успехах своих дочек Аллы и Тани. Каждый год он приглашает маму и Славика к себе встречать Новый год, и новогодняя елка в их доме всегда богато украшена игрушками и горящими цветными гирляндами. По большим праздникам дядя Захар дарит им деньги – иногда двадцать пять, иногда тридцать рублей,

и маме они кажутся огромной суммой. Реже мама и Славик бывают у дяди Гаврила, живущего на улице Карбышева, – может, потому, что его жена и дочка Света не очень любят его родственников...

В те дни, когда они не ездят за город, мама, страстная поклонница кино, предлагает Славику пойти в кинотеатр «Уран» или трехзальный «Метрополь» посмотреть какой-нибудь новый фильм. Мальчик охотно соглашается, так как он тоже любит кино. В течение первых двух лет учебы в музыкальном училище, пока Славик находится в детском доме, они с мамой бывают в кино часто и смотрят самые разные фильмы – музыкальные и комедийные, военные и исторические, советские и индийские, французские и итальянские, английские и американские. Особенно Славика волнуют кинокартины «Пиковая дама» (по опере Чайковского) и «Аида» (по опере Верди), «Кер-Оглы», «Аршин мал алан» и «Мачеха» (Азербайджан), «Любовь в Симле» (Италия), «Три мушкетера» (итало-французский), «Леди Гамильтон» и «Путь в высшее общество» (Англия), «Отверженные» и «Граф Монте-Кристо» (Франция), «Неприкасаемая» и «Материнская любовь» (Индия), «Приключения Гекльберри Финна» (американский), а также «Человек-амфибия», «Женщины Востока», «Оптимистическая трагедия», «Фатима», «Под черной маской», «Любовь и второй пилот», «Талисман», «Семья Оппенгейм», «Грешница», «Анна на шее», «Адские водители», «Искусница», «Четыре дороги» и другие. После выхода из кинотеатра мама подробно обсуждает со Славиком просмотренный фильм, не стесняясь откровенно говорить с ним на тему любви. Иногда они ходят смотреть стереокино, расположенное на Сретенке, где через специальные очки показывают развлекательные картины в объемном изображении. Это Славику так нравится!

Мама также интересуется, что читает Славик. А читает он то, что задают на уроках русской литературы в музыкальном

училище: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Грибоедова, Островского, Льва Толстого, Чернышевского. Некоторые книги он читает в юношеском зале Ленинской библиотеки.

- И какая книга тебе больше всего пришлась по душе? – спрашивает Славика мама.

- Конечно, «Что делать?» Чернышевского! – выпаливает мальчик в ответ.

- И чем она тебе понравилась? – допытывается мама.

- Тем, – отвечает бодро Славик, – что в ней Чернышевский показывает новые отношения между мужчиной и женщиной, отношения равенства и взаимного уважения. Он горячо выступает за свободу и независимость женщины. Я хотел бы быть похожим на Кирсанова – очень чистого, честного и мужественного человека, готового пожертвовать своим благополучием ради счастья других людей.

- Что же, я одобряю, – говорит, улыбаясь, мама, – будь таким, как Кирсанов, но все-таки не забывай и о себе!

Со второго курса Славик начинает читать газеты и следить за событиями в стране и мире. В основном это газета «Правда», которая каждое утро вывешивается в Мерзляковском переулке, как раз напротив музыкального училища. Как и всех, мальчика очень волнует кризис, разразившийся осенью 1962 года в районе Карибского моря. Он мог окончиться ядерной войной, но, к счастью, Хрущев и Кеннеди смогли договориться друг с другом...

ОБЩЕЖИТИЕ НА УЛИЦЕ КОСМОНАВТОВ. ТРЕТИЙ КУРС

В начале сентября 1963 года в жизни Славика происходит поворотное событие: он уходит из ставшего ему ненавистным

детского дома и поселяется в общежитии на улице Космонавтов, недалеко от станции метро «ВДНХ» (Выставка достижений народного хозяйства). Кажется, он счастлив, как никогда! Сбросив детдомовские оковы, он упивается чувством долгожданной свободы, когда может вставать и ложиться в любое время, идти куда хочет, ни от кого и ни от чего не зависеть и ни перед кем не отчитываться!

Общежитие, куда поселяют Славика, принадлежит институту имени Гнесиных, которое выделило Музыкальному училищу при консерватории весь пятый этаж довольно нарядного пятиэтажного здания. От него открывается красивый вид на стоящую вдали церковь, которая каждое утро окрашивается в розовый цвет зари. Соседями Славика в комнате №198 на пятом этаже становятся Миша Мельниченко, заканчивающий училище по классу валторны, и два второкурсника – тромбонист Леша Бертенев и кларнетист Юра Муратов. Со всеми у Славика сразу устанавливаются дружеские отношения, хотя поначалу шла притирка характеров. Миша – самый старший из них (30 лет!), работает еще в двух местах и считается старостой комнаты, следящим за чистотой и порядком. Он составляет график дежурства по уборке комнаты и на правах старшего друга дает Славику разные жизненные советы. Вспыльчивый по натуре, он иногда выходит из себя, когда Славик говорит и делает не так, как, по его мнению, надо. Однажды Миша выругал его за то, что он якобы ничем не интересуется, кроме учебы, что доводит мальчика до слез. Славик говорит в ответ много жарких слов в свое оправдание, грозит пожаловаться директору (но так и не пожалуется), но вскоре они мирятся... К госэкзамену Миша разучивает сонату для валторны Бетховена, которая Славику очень нравится.

Более теплые отношения у Славика складываются с Юрой Муратовым – прекрасным кларнетистом, деликатным и культурным молодым человеком. От него Славик не слышит ни од-

ного грубого слова. К нему иногда приходил брат – пианист и чудесно играл Первую балладу Шопена. А вот отношения с третьим соседом, Лешей Бартеневым, в скором времени из дружеских превращаются в прохладные, а потом и вовсе неприязненные. Причина – в его непростом, скрытом и мнительном характере, когда ему кажется, что все люди настроены против него. Например, позднее утро, его товарищи по комнате давно поднялись, каждый занимается своим делом, а он еще лежит в постели, храпит, вдруг просыпается и кричит, что ему нарочно мешают спать. Леша изрядно попортил Славику нервы, и в то же время его неуживчивость, капризность удивительным образом сочетались с добротой и отзывчивостью, готовностью прийти на помощь...

В октябре в общежитии довольно бурно проходит собрание всех проживающих в нем студентов музыкального училища. В собрании принимает участие сама Лариса Леонидовна Артынова, которая выступает с яркой речью, призывающей всех к строгому соблюдению чистоты и правил внутреннего распорядка. Славику запоминается горячее выступление одной студентки, вылившей пуд грязи на какого-то студента струнного отделения. Потом Славик догадывается, что тот студент с ней дружил, обманул ее и бросил, и она за это мстит ему. На собрании говорилось, что все должны иметь пропуск в общежитие, что проживание посторонних в нем строго запрещено, что в местном буфете можно обедать и ужинать только в определенные часы и дни и что внизу, в подвальном помещении находятся классы-репетитории с пианино, где можно заниматься, предварительно записавшись. Славик каждый день записывается на занятия в репетитории, а вот обедает и ужинает не очень часто, так как ему не хватает денег на еду. Свою стипендию он в основном тратит на покупку книг, решив обзавестись собственной библиотечкой...

На собрании в общежитии говорилось и о том, что студенты третьего курса обязаны отработать несколько дней на овощной базе. В определенный утренний час их отвозят туда специально заказанные автобусы, и Славик, будучи законопослушным мальчиком, едет со всеми на базу. Однако проку от труда студентов по сортировке овощей и фруктов мало – они в основном занимаются поеданием арбузов, яблок и дынь, и Славик не отстает от них.

И все-таки на первом месте стоит учеба, в которую Славик вновь погружается с головой. По специальности на третьем курсе Оруджев дает ему более сложную программу – четырехчастный концерт Марчелло и две последние части до мажорного концерта Гайдна. Мамед Мамедыч на уроках, как всегда, требователен, доброжелателен и точен в указаниях, хотя сам играет редко. Однако Славик теперь занимается на гобое не так усердно, как прежде, и впервые задумывается над тем, является ли гобой его специальностью. Может, его призвание – сочинять музыку? Тем не менее, на обоих экзаменах – в середине и в конце учебного года – он получает «пять» и удостаивается похвалы не только от Мамеда Мамедыча, но и от концертмейстера Натальи Львовны Зломановой, отметившей, что гобой стал звучать у Славика лучше. Она потеряла во время войны отца и утешение находила в музыке обожаемого ею Моцарта...

Несмотря на похвалы Мамеда Мамедыча и Натальи Львовны и отличные оценки за экзамены по специальности, Славик чувствует, что мог бы сыграть намного лучше. От сильного волнения при виде экзаменационной комиссии он теряется, забывает ноты и даже перестает иногда слышать себя. Особенно заметно он волновался, когда играл на экзамене в конце 3-го курса концерт Гайдна: от страха он был готов провалиться сквозь землю. «А вот композитору, – думает про себя Славик, – не надо волноваться – он сочиняет музыку, а исполняет

ее, как правило, кто-то другой из музыкантов. Так зачем ему, Славику, мучиться, играя на гобое, когда можно перейти к такому более спокойному занятию, как написание музыки». Эти зародившиеся в нем сомнения в своем будущем как гобоиста с тех пор растут в нем всё больше и больше...

Сольфеджио и гармонию на третьем курсе ведет новый преподаватель Кожевникова, сменившая Еремину. Она сразу наводит дисциплину в группе духовиков, и на ее занятиях воцаряется долгожданный порядок. По музыкальной литературе также меняется преподаватель: вместо Ларисы Леонидовны Артыновой ее ведет Ирина Владимировна Коженова, которая знакомит студентов с музыкой русских композиторов. Перед Славиком открывается чудесный мир Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского, Рахманинова. На уроках слушаются отрывки из опер «Иван Сусанин», «Русалка», «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Снегурочка», «Садко», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Алеко», и восторг учительницы перед музыкой этих опер передается Славику. Во время прослушивания музыки ребята часто обмениваются фразами и смешками, и Славику это кажется диким – как можно болтать и смеяться, когда звучит такая божественная музыка? Славик продолжает ходить на общее фортепиано к преподавателю Татьяне Вениаминовне Сонинской, которая дает ему играть более сложные пьесы Баха, Грига, Шумана, Прокофьева, а из крупных вещей – вторую, медленную часть 15-й до мажорной сонаты Моцарта, в которую Славик просто влюблен...

На третьем курсе появляются новые музыкальные предметы: методика, дирижирование, инструментовка, чтение партитур. Методику обучения игре на духовых инструментах ведет профессор Московской консерватории, известный флейтист, композитор и доктор искусствоведения (в то время единственный среди духовиков!) Николай Иванович Плато-

нов. Он рекомендует студентам свой собственный учебник, а учебники других авторов ругает. У Платонова Славик постигает азбуку преподавания игры на духовых инструментах, в том числе на гобое, которая пригодится ему в дальнейшем.

Что касается дирижирования, то Славик попадает в класс руководителя симфонического оркестра Иссидора Аркадьевича Аркина, чему несказанно рад. Попасть к нему было непросто, и, видимо, мальчик ему приглянулся тихим поведением и добросовестным отношением к оркестровым занятиям. После первых уроков Аркин говорит Славику:

- Хороший дирижер из тебя вряд ли получится, но дирижировать духовым оркестром мы тебя научим. Кроме того, – добавляет он с улыбкой,– у тебя есть философский взгляд на жизнь, что так нужно дирижеру.

В первом полугодии Аркин дает Славику для дирижирования несложные пьесы, а во втором готовит его к экзамену с более сложной программой – знаменитым квартетом из оперы «Риголетто» Верди в обработке Листа. Благодаря своей усидчивости Славик получает за экзамен «пятерку».

А инструментовку и чтение партитур Славик проходит у Петра Ивановича Рюмина, у которого он учится искусству переложения фортепианных произведений для духового оркестра и чтению с листа духовых партитур.

Из общеобразовательных предметов на третьем курсе остаются русская литература, английский язык, обществоведение и физкультура, которая проходит в Филевском парке. По итогам летней зачетно-экзаменационной сессии у Славика одни отличные оценки, кроме, естественно, физкультуры...

На третьем курсе Славик еще более активно посещает спектакли Большого театра и не дает покоя Софье Георгиевне, прося у нее контрамарки. Он слушает оперы «Иван Сусанин», «Евгений Онегин», «Снегурочка», «Война и мир» (трижды!), «Аида», «Пиковая дама», «Риголетто», «Свадьба Фигаро», «Князь

Игорь», «Травиата», «Борис Годунов», «Хованщина», «Орестея» (гастроли Белорусского оперного татра), смотрит балеты «Паганини», «Спящая красавица», «Каменный цветок» (трижды!), «Ромео и Джульетта» (также трижды!), «Тропою грома». Славик не случайно трижды бывает на операх и балетах Прокофьева, ибо всё сильнее проникается любовью к его музыке.

Однажды на спектакле по опере Верди «Аида» во время перерыва Славик неожиданно встречается в буфете со своим учителем Мамедом Мамедычем Оруджевым.

- Если бы я знал, что на спектакле будет мой ученик, я бы очень волновался, – говорит полушутливо Мамед Мамедыч и тут же покупает смущенному мальчику бутерброд с черной икрой и лимонад. А Славик, конечно, в восторге от исполнения учителем знаменитого соло гобоя в 3-м действии «Аиды».

Еще чаще он посещает концерты симфонической и камерной музыки и, кроме любимых им Моцарта, Бетховена, Чайковского и Прокофьева, слушает произведения Шостаковича, Рахманинова, Танеева, Глазунова, Скрябина, Равеля, Мусоргского, Грига, Вагнера, Дебюсси, Хиндемита, Р.Штрауса, Кабалевского и других. Славик с удовольствием впервые слушает ораториальные произведения Верди (Реквием), Прокофьева («На страже мира», «Иван Грозный» в редакции Стасевича), Генделя («Мессия»), который становится его любимым композитором.

Несмотря на погружение Славика с головой в учебу и посещение Большого театра и концертов, он уделяет немало внимания чтению книг. В общежитии имеются библиотека и читальный зал, и мальчик составляет для себя довольно большую программу чтения, покупая часть книг на свою стипендию и читая в свободные вечера. Он прочитывает почти всего Гоголя, восхищаясь его юмором, романы «Анна Каренина» и «Воскресение» Толстого, чувствуя свою близость к нему, «Евгений Онегин» Пушкина (еще раз!), «Поднятая целина» Шолохова,

пьесы Шекспира («Цимбелин») и Шиллера («Разбойники», «Коварство и любовь», «Дон Карлос», «Валленштейн»), «Дон Кихот» Сервантеса, близко принимая к сердцу радости и страдания его героев.

Славик впервые обращается к чтению крупных книг о музыке. Это монографии о Бахе, Бетховене, Шопене, Берлиозе, критические статьи Серова, Стасова и Берлиоза, Мемуары того же Берлиоза, «Летопись моей музыкальной жизни» Римского-Корсакова (дважды!), сборники, посвященные Прокофьеву («Черты стиля», «Воспоминания, материалы, документы») и Шостаковичу («Черты стиля»)...

Интересуясь событиями, происходящими в стране и мире, Славик просматривает газету «Комсомольская правда», которую каждый день вывешивают в фойе общежития на первом этаже. Как и весь мир, его потрясает в ноябре 1963 года известие об убийстве президента США Джона Кеннеди. Оно совпадает с тяжелым душевным кризисом, который переживает Славик в то время. Эйфория, вызванная небывалым чувством свободы, сменяется приступом отчаяния и одиночества. Мама была далеко – на родине в Кубе, куда уехала летом и откуда посылала сыну письма и продуктовые посылки. Славик не решается писать маме, как ему плохо, и всю тоску одиночества изливает в письме вымышленному далекому другу. В конце ноября мама, наконец, возвращается в Москву, и в душе Славика вновь возрождается желание жить и учиться. Она начинает привозить ему обильно питание, включая супы, и мальчик постепенно физически крепнет.

И тут со Славиком случается то, что на время выбивает его из привычной учебной колеи. В конце марта мальчик, собираясь пить чай, по неосторожности вылил из чайника кипяток себе на правую ногу. Ступня сильно разбухает, болит, и в течение больше чем месяца, пока лечится нога, мальчик не в состоянии ездить на занятия в училище. Ребята – соседи по

комнате, включая Лешу, насколько могут, помогают ему. Кроме мамы, его навещают директор Лариса Леонидовна Артынова, обеспокоенная случившимся, Мамед Мамедыч и сокурсники-гобоисты, привозящие ему фрукты и конфеты. Славику также доставляют радость звуки «Аппассионаты» Бетховена, которые доносятся снизу. Это кто-то репетирует ее, играя в своей комнате этажом ниже. В начале мая он возвращается к занятиям и благополучно сдает летнюю сессию.

ЛЕТО 1964 ГОДА. ПАНСИОНАТ «ТИШКОВО»

К концу учебного года Славика всё сильнее обуревает желание попытаться выйти за пределы уготованной ему судьбой профессии гобоиста и попробовать себя в области музыкального творчества. Он ждет не дождется освобождения от гнета экзаменов и зачетов, чтобы приступить к осуществлению своих планов на лето. Но сначала ему, страшно утомленному от учебных занятий, надо хорошо отдохнуть. И тут не обходится без помощи Ларисы Леонидовны, которая дает указание профкому студентов училища выделить Славику бесплатную путевку в пансионат на водах «Тишково» под Москвой.

За день до отъезда в Тишково, 21 июня, Славик с мамой и Лешей Бартеневым едет из Москвы в Барыбино, чтобы навестить в детском доме №3 своего двоюродного брата Иосифа. В течение учебного года Славик начинает тяготиться частыми приездами мамы в общежитие, так как они отвлекают его от занятий и чтения. Но в какой-то момент ему становится стыдно, что он пренебрегает ее вниманием и заботой о нем, и, жалея маму, он дает себе слово, что будет исполнять все ее просьбы и желания. Вот почему он соглашается поехать с нею в Барыбино, хотя ему очень не хотелось этого. После случая с ошпаренной ногой улучшаются отношения Славика с

Лешей, который, потеряв недавно свою матушку, завязывает дружеские отношения с его мамой и охотно сопровождает их в поездке в Барыбино. От станции железной дороги им приходится проделать огромный путь пешком (12 км!), из-за чего мальчик натирает мозоли на обеих ногах. После свидания с Иосиком мама и Леша остаются на ночлег в детском доме, а Славик спешит на последний автобус, отходящий в восемь вечера. Он пробегает 3 км за полчаса и успевает!

На следующий день Славик, собрав свои вещи в маленький чемодан, отправляется в Тишково. До станции Мытищи его сопровождает сосед по комнате Миша Мельниченко, и от станции «Правда» мальчик, не дождавшись автобуса, добирается до Тишково на частном «Газике» всего за 20 копеек! В пансионате, расположенном на берегу большого Пестовского водохранилища в красивой лесистой местности, Славику выдают санаторную книжку, направление в столовую и поселяют в отдельной каюте на... теплоходе «Комсомолец», после чего ему становится понятно, почему это «пансионат на водах». Просто здесь используются старые речные надувные теплоходы, пришвартованные к берегу навечно...

В Тишково Славик, отдыхая, проводит 26 чудесных дней, и здесь он впервые начинает писать дневник, в который кратко заносит события каждого дня. Собственно, все дни похожи один на другой: до обеда купание, загорание, катание на лодке, после обеда – прогулки в лес, чтение, кино, спортивные игры, пинг-понг, бильярд. Тут он почти ни с кем не общается, много времени уделяя чтению. Несколько раз Славик бывает на приеме у врача, который прописывает ему ежедневные уколы с витамином В-1 (курс из 10 инъекций). Мальчик читает книгу о Шекспире из серии «ЖЗЛ» и в третий раз перечитывает роман Толстого «Анна Каренина», который превращается в его любимую книгу. Здесь он вновь читает Автобиографию

Прокофьева и сборники «Черты стиля», посвященные Прокофьеву и Шостаковичу.

В Тишково Славика навещают сокурсник Юра Лукинов, привозящий ему стипендию, и, совсем неожиданно, Леша Бартенев с подругой Лидой. Он привозит гостинцы от мамы и, сообщая, что через пару дней собирается ехать с ней на Кавказ, передает Славику ключи от квартиры в Варсонофьевском переулке. Благодаря коменданту пансионата Леша с Лидой устраиваются на ночлег в одной из кают теплохода. И вдруг, видя Лешу сильно подвыпившим, мальчик проникается глубоким сочувствием к Лиде, которой, видимо, придется терпеть его выходки всю жизнь. На следующий день Славик катает Лешу и его подругу на лодке, после чего прощается с ними. В один из дней он совершает паломническую поездку на дачу детского дома №50 близ станции «Заветы Ильича», где весело играет с детьми и встречается с воспитательницей Зинаидой Ивановной, предлагающей ему провести на даче 10 дней в августе. Славик не сразу, но принимает это предложение из материальных соображений, ибо это позволит ему сэкономить на питании 20 рублей.

В Тишково Славик находится в восторженно-музыкальном состоянии, и звучащие в нем темы Бетховена, Прокофьева и Шостаковича иногда перемежаются с его собственными мотивами, которые неожиданно рождаются в его голове. Он пишет письмо маме и второе письмо далекому другу, в котором изливает самое сокровенное, что есть у него на душе: страстное желание стать композитором! И Славик задумывает написать не больше, не меньше... оперу на сюжет «Анны Карениной»! Он даже составляет план-сценарий будущей оперы, мечтая о том, что она будет поставлена в Большом театре через два года...

17 июля наступает день отъезда из Тишкова. Славик очень доволен своим отдыхом здесь: поправился на один килограмм и 800 грамм и чувствует себя намного лучше, чем до приезда.

В этот день он записывает в дневник свои планы на оставшееся лето: «Настроение бодрое и веселое. С нетерпением жду возвращения в Москву, чтобы заняться любимым делом – изучением симфонических произведений Бетховена, Прокофьева и Шостаковича, для чего думаю купить электропроигрыватель, грампластинки и ноты (клавиры и партитуры). Кроме музыки, займусь чтением полного собрания сочинений В.Шекспира в 8 томах. Да здравствует будущее, таинственное, но прекрасное! Смело устремляюсь вперед, к полному овладению знаниями!»

Вернувшись в Москву, Славик поселяется в доме мамы в Варсонофьевском переулке в самом центре города. Дом в полном его распоряжении, так как мама с Лешей Бартеневым уехала на Кавказ, и уже на следующий день Славик приступает к осуществлению своих планов: обходит магазины и покупает проигрыватель (такой же, как у Миши Мельниченко), пластинки и ноты. Решив стать композитором, он считает, что должен учиться композиторской технике на лучших образцах классической и современной музыки. Пластинки он начал покупать еще в мае, живя в общежитии на улице Космонавтов, и с разрешения Миши прослушивал их на его проигрывателе. А теперь у него свой проигрыватель, и он может слушать музыку в неограниченном количестве! Прежде всего, это Бетховен – 3, 5, 6 и 9 симфонии, 3, 4 и 5 фортепианные концерты, Чайковский – 4, 5 и 6 симфонии, увертюры «Ромео и Джульетта», «Франческа да Римини», Прокофьев – 5, 6 и 7 симфонии, оперы «Война и мир» и «Семен Котко», балет «Ромео и Джульетта», 1-й скрипичный концерт, 1-я скрипичная соната, затем Шостакович 5, 6, 7, 9 и 12 симфонии, музыка к фильму «Гамлет» и Глинка – Камаринская и Вальс-фантазия. Однажды соседи выражают недовольство постоянно звучащей музыкой, Славик делает на несколько дней перерыв и затем возобновляет слушание музыки, уменьшив ее громкость. В один из дней мальчику приходится везти проигрыватель на ремонт, но, на

его счастье, ремонт делают быстро. Кроме того, он внимательно просматривает ноты 9-й симфонии Бетховена, 5-й симфонии Прокофьева и 12-й симфонии «1917 год» Шостаковича, которые становятся самыми любимыми его симфониями.

Важной частью плана на лето остается чтение, при этом предпочтение отдается книгам, написанным композиторами: «Записки» Глинки, «Хроника моей жизни» Стравинского, «Я – композитор» Онеггера. Прочитываются также воспоминания о Чайковском Ларош, русские сказки из 1-го тома Афанасьева, «Сказы» Бажова, брошюры о музыке, и в третий раз перечитывается «Война и мир» Толстого. При всей любви к музыке Чайковского, Славик делает для себя вывод, что сочинять музыку в традициях Чайковского не стоит и что надо искать собственный путь в музыкальном творчестве. Чтение пьес Шекспира приходится отложить, так как Славику не удается приобрести восьмитомное собрание его сочинений, зато он покупает пятитомное собрание избранных трудов Асафьева, чему очень рад.

Славику не сидится дома, и в выходные он стремится куда-нибудь выехать. В нем проявляется туристическая жилка, тяга к архитектуре, живописи, хоровому пению. Мальчик посещает парк имени Горького, где видит немало красивых зданий, несколько раз бывает в Третьяковской галерее, любуется высотным зданием Московского университета и жилыми ансамблями на Кутузовском проспекте, смотрит выставку, посвященную Тарасу Шевченко, дважды приезжает в Новодевичий монастырь, где в действующем Смоленском соборе с удовольствием слушает церковное хоровое пение. Особенно часто он ездит, беря с собой книги, в Филевский парк и на Ленинские горы, где ему так хорошо читается. Ленинские (Воробьевы) горы, с которых открывается чудесная панорама Москвы, становятся самым излюбленным его местом в столице.

А 10 августа Славик по приглашению Марии Артамоновны едет на 10 дней на дачу детского дома №50 близ той же станции «Заветы Ильича». Это первое лето, часть которого он проводит там, уже не являясь воспитанником детского дома. Однако и воспитатели, и дети относятся к нему хорошо, гордясь, что он студент музыкального училища. Его поселяют в качестве старшего в домике №5, где спят младшие девочки. Днем Славик весело играет с ребятами в «снайпер» и «рыбаки и рыбки», а вечером, перед сном рассказывает девочкам всякие случаи и истории или что-нибудь читает, как, например, рассказ о капитане Бурунце. Каждое утро он ходит по просьбе Марии Артамоновны на станцию за свежими газетами и несколько раз участвует в походе за грибами, которые очень любит в жареном виде. Из старших ребят он особенно дружит с Мишей Мухиным, который увлекается разведением кроликов...

21 августа Славик, довольный отдыхом, возвращается в Москву, по которой успевает соскучиться. Он получает фруктовую посылку от мамы, пишет ей ответ с благодарностью, продолжает много читать, посещает зоопарк и слушает оперу «Война и мир» в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Постановка приятно удивляет его мощью и слаженностью оркестра, хорошими голосами, прекрасным хором и особенно отсутствием купюр, чем страдает спектакль по той же опере в Большом театре.

Лето подходит к концу, и Славик имеет все основания быть довольным его итогами. Он не только отлично отдохнул, но и осуществил свою мечту слушать музыку на собственном проигрывателе. Благодаря пластинкам ему во всей глубине, трагичности и жизнеутверждении открывается музыкальный мир Бетховена, Чайковского, Прокофьева и Шостаковича, который также стал его любимейшим композитором. Славик еще больше укрепляется в своем желании стать композито-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Славик также дружит с другими ребятами, проживающими в общежитии в Дмитровком переулке, – кларнетистом Сашей Ивановым и тубистом Валерой Гагиным, с которыми он учится в одной группе на 4-м курсе. Саша выделяется среди ребят как отличный музыкант и почти постоянно ходит с кларнетом в руках, что не мешает ему увлекаться девочками. А с Валерой Славика единит большой интерес к философии и чувство юмора.

Славик рад, что его не поселяют вместе с Лешей Бартеневым: хотя их отношения улучшились, он больше не хочет жить с ним в одной комнате. Леша подробно рассказывает Славику о своей поездке с его мамой на Кавказ, которой он остался доволен, если не считать одного – они не нашли общего языка. Мама же высказывается об этой поездке более резко, сказав Славику, что Леша часто просил у нее деньги на еду. В результате он задолжал ей 40 рублей и мама потребовала, чтобы он возвратил ей эту сумму через Славика. Тогда Леша стал жаловаться, что ему трудно сразу выплатить всю сумму, и мама согласилась на ежемесячные выплаты по 10 рублей. Собственно, Славик предвидел, что их совместная поездка на Кавказ закончится крупной ссорой: уж больно не схожи были их характеры. Зато Леша с большой похвалой отзывается о двоюродном брате Славика Алике, который под его руководством сделал заметные успехи в игре на трубе... Мама еще осталась на некоторое время на Кавказе – на родине в Кубе, откуда посылала сыну продуктовые посылки.

После переселения в новое общежитие Славик приступает к занятиям на последнем – четвертом курсе музыкального училища. Хотя это выпускной курс, мальчик относится к урокам с некоторой прохладцей: он в будущем больше не видит себя гобоистом, а видит композитором, сочиняющим оперы и симфонии. Однако о его желании поменять профессию пока еще никто не знает: для этого еще не наступило время. Предметы ему

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

но, старается, вызывает удовлетворение педагога своим отношением к предмету, и в итоге на экзамене за первое полугодие ему ставят заветную «пятерку».

Но с особенным удовольствием Славик занимается по общему фортепиано у того же педагога Татьяны Вениаминовны Сонинской. На это были свои причины: ведь он собирается стать композитором, а композитор должен хорошо играть на рояле! Он просит Сонинскую дать ему что-нибудь посложней, и она ему назначает к зимнему экзамену Шестую сонату Бетховена (3-ю часть), Прелюдию и фугу ре минор из первого тома «Хорошо темперированного клавира» Баха и пьесу «Июнь. Баркарола» из «Времен года» Чайковского. Славик упорно работает над этими произведениями, отдавая домашним занятиям на фортепиано больше внимания и времени, чем гобою. Рвение мальчика вознаграждается еще одной «пятеркой» за зимний экзамен по общему фортепиано.

Другим любимым предметом у Славика на 4-м курсе остается музыкальная литература, которую с 3-го курса продолжает вести преподаватель Ирина Владимировна Коженова. Теперь период русской классической музыки сменяется советским периодом, а это такие громкие имена, как Давиденко, Глиэр, Мясковский, Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Кабалевский, Свиридов, Шапорин, Щедрин, известные композиторы-песенники и др. Многие из них знакомы Славику по книжкам и брошюрам о музыке, а с некоторыми он знакомится впервые. Правда, иногда мальчику на уроках музыкальной литературы бывает скучно, – это тогда, когда преподаватель рассказывает о том, что ему хорошо известно. Зато слушание музыки доставляет ему огромное удовольствие. А вот сольфеджио как предмет заканчивается у педагога Кожевниковой уже в конце первого полугодия отличной оценкой за зимний экзамен, что, конечно, не может не радовать Славика. К предмету «Гармония» у той же Кожевниковой Славик относится более

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

му строительства коммунизма в стране, действительно хотел улучшения жизни народа. Вот почему официальные причины смещения Хрущева с занимаемых им высоких постов Первого секретаря ЦК и Председателя Совета министров СССР кажутся Славику неубедительными, и ему от всего сердца жалко Никиту Сергеевича...

Еще более остро мальчик реагирует на смерть секретаря училища Софьи Георгиевны, снабжавшей его в течение трех лет пропусками на спектакли Большого театра и скончавшейся той осенью от инфаркта в возрасте 70 лет. Гражданская панихида проходит в зале училища, и Славик с содроганием впервые в жизни видит мертвое лицо старой женщины, которая еще за неделю до этого была жива. Почти все преподаватели и студенты пришли проститься с Софьей Георгиевной, и Славик, глядя на ее навеки закрывшиеся глаза, не может сдержать слез...

А в конце ноября в жизни мальчика происходит отрадное событие: он с группой студентов училища во главе с Ириной Владимировной Коженовой едет на экскурсию в город Клин! Славик знает, что там прошли последние годы жизни Чайковского, и он видит нечто символическое в том, что посещает дом, в котором создавались произведения великого русского композитора, в том числе его Шестая, «Патетическая» симфония. С каким волнением он смотрит на вещи, к которым прикасались руки Чайковского, – рояль, письменный стол, книги, ноты, одежда, дирижерская палочка. Затем студентов приглашают в зал, где им рассказывают об истории музыкальных инструментов и дают послушать в записи Шестую симфонию. После посещения Дома Чайковского в Клину Славик еще больше укрепляется в своем решении стать композитором...

Время от времени Славик выезжает на природу, без которой под влиянием мамы уже не представляет своей жизни. Особенно часто он бывает в полюбившемся ему Главном бота-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Славик не решается подойти и познакомиться с ней, подумав, что это можно будет сделать потом.

После того вечера Славик часто вспоминает о ней, иногда видит ее в коридоре, на лестнице, в репетиционных классах и с каждым днем ощущает, как в нем зарождается и растет чувство, название которому – любовь. Вскоре он догадывается, что она – пианистка, студентка фортепианного отделения училища, и, замечая Ее входящей для занятий в класс, с трепетом ощущает за дверью, как под ее пальцами возникают волшебные звуки Моцарта, Бетховена, Шопена, Равеля. Его охватывает неописуемый восторг, когда он случайно встречается с ней и вздрагивает от легкого шелеста ее большой разноцветной юбки. Славику хочется познакомиться с ней, но как это сделать? Ему, уже страстно влюбленному в нее, кажется нелепым говорить с ней о чем-либо другом, кроме любви, а о своей любви он пока говорить не мог!

Конец декабря. В общежитии устраивается новогодний вечер с карнавалом, концертом и танцами. Какой удобный случай познакомиться с нею! И что же? Славик опять не решается подойти к ней. И всё из-за этой проклятой стеснительности и боязни разрушить всё очарование этой Незнакомки. Снова Саша Иванов приглашает ее на танец, весело болтает с ней, а Славик вынужден, скрепя сердце, только наблюдать за нею.

Проходит месяц, второй, и Славик чувствует, как радость, восторг любви в его душе уступают место беспросветному унынию, невыносимой тоске и беспредельному отчаянию. Как никогда, он ощущает чувство одиночества и теряет всякий интерес к занятиям, учебе, жизни. Страдания его настолько велики, что ему кажется, что только смерть может его избавить от них. В январе 1965 года Славик пишет письмо маме в Кубу, сообщая ей, что он влюблен, что ему очень плохо, и умоляя ее как можно скорее вернуться в Москву. В ответном письме мама пишет ему, что он напрасно переживает, что любовь

ническом саду рядом с ВДНХ. А однажды, в один из октябрьских дней, он совершает ностальгическую поездку в Тишково и под непрерывным мелким осенним дождиком обходит места вдоль Пестовского водохранилища, где он провел счастливые дни летнего отдыха.

И вдруг в жизнь Славика врывается любовь, которая на длительное время выбивает его из налаженной учебной колеи...

ДЕВОЧКИ. НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ

Проходит шесть лет, как Славик испытал первую в своей жизни сильную любовь. Сказать, что с тех пор он больше не замечал девочек, было бы неправдой. Он, конечно, обращал на них внимание, кто-то нравился ему больше, кто-то меньше, но ни среди детдомовских девочек, ни среди его однокурсниц ему не встречалась та, которая заставила бы вновь сильно биться его сердце. Между тем, Славик жаждал настоящей и большой любви, мечтая о Той, которая бы озарила его нелегкую жизнь и согрела его одинокую душу. И вот, кажется, сама судьба заботится о том, чтобы предоставить ему такой случай.

7 ноября 1964 года, в очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, в студенческом общежитии организуется праздничное мероприятие. После торжественной части с речью директора училища Ларисы Леонидовны Артыновой и концерта с участием студентов Театрального училища имени Щепкина была веселая и шумная дискотека. Славик, стоя в стороне, обращает внимание на симпатичную девушку, которую приглашают танцевать Саша Иванов и другие ребята. Он как-то раньше не замечал ее, а в этот раз ее лицо, обрамленное каштановыми волосами, поразило его какой-то тонкой одухотворенной красотой. Однако

Славик не решается подойти и познакомиться с ней, подумав, что это можно будет сделать потом.

После того вечера Славик часто вспоминает о ней, иногда видит ее в коридоре, на лестнице, в репетиционных классах и с каждым днем ощущает, как в нем зарождается и растет чувство, название которому – любовь. Вскоре он догадывается, что она – пианистка, студентка фортепианного отделения училища, и, замечая Ее входящей для занятий в класс, с трепетом ощущает за дверью, как под ее пальцами возникают волшебные звуки Моцарта, Бетховена, Шопена, Равеля. Его охватывает неописуемый восторг, когда он случайно встречается с ней и вздрагивает от легкого шелеста ее большой разноцветной юбки. Славику хочется познакомиться с ней, но как это сделать? Ему, уже страстно влюбленному в нее, кажется нелепым говорить с ней о чем-либо другом, кроме любви, а о своей любви он пока говорить не мог!

Конец декабря. В общежитии устраивается новогодний вечер с карнавалом, концертом и танцами. Какой удобный случай познакомиться с нею! И что же? Славик опять не решается подойти к ней. И всё из-за этой проклятой стеснительности и боязни разрушить всё очарование этой Незнакомки. Снова Саша Иванов приглашает ее на танец, весело болтает с ней, а Славик вынужден, скрепя сердце, только наблюдать за нею.

Проходит месяц, второй, и Славик чувствует, как радость, восторг любви в его душе уступают место беспросветному унынию, невыносимой тоске и беспредельному отчаянию. Как никогда, он ощущает чувство одиночества и теряет всякий интерес к занятиям, учебе, жизни. Страдания его настолько велики, что ему кажется, что только смерть может его избавить от них. В январе 1965 года Славик пишет письмо маме в Кубу, сообщая ей, что он влюблен, что ему очень плохо, и умоляя ее как можно скорее вернуться в Москву. В ответном письме мама пишет ему, что он напрасно переживает, что любовь

приходит и уходит и что главное – это беречь свое здоровье. В следующем письме Славик, мучаясь от одиночества, вновь умоляет маму приехать к нему, и в этот раз мама, поняв, что с сыном происходит что-то серьезное, обещает вернуться в Москву в течение месяца.

Заручившись обещанием дорогой мамочки, Славик ищет спасения от несчастной любви в чтении и музыке. Теперь его привлекают только два великих писателя – Гете и Шекспир. Он вновь посещает Юношеский зал Ленинской библиотеки, где читает «Страдания молодого Вертера». Как ему близки и понятны описанные Гете чувства несчастного от безответной любви Вертера! Славик также чувствует, что настало время прочитать полное собрание сочинений Шекспира. Одну за другой прочитывает он в Юношеском зале шекспировские пьесы, не сдерживая смеха при чтении комедий и слез при чтении трагедий. Радости и страдания шекспировских героев воспринимаются им как собственные. Музыку он также предпочитает слушать в Ленинской библиотеке, в ее музыкальном отделе, по нотам. В основном, это оперы великих композиторов – Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Прокофьева, Бетховена, Верди, Бизе, которые он слушает в наушниках по партитуре. Как и переживания Вертера, ему близки и понятны переживания несчастного Мизгиря из оперы «Снегурочка», сначала отвергнутого Снегурочкой, а потом лишившегося ее, растаявшей прямо на его глазах...

Чтение и музыка помогают Славику на время отвлечься от преследовавшей его черной тоски по любимой, но когда он остается наедине с собой, то снова погружается в пучину отчаянья и одиночества. Больше всего его терзает невозможность встречаться и общаться с тою, в которую он страстно влюблен, тогда как Саша Иванов и другие ребята могут с Нею говорить когда угодно. Славик понимает, что так не может продолжаться бесконечно. Во время случайных встреч с нею

по выражению ее лица ему кажется, что и она к нему неравнодушна и испытывает похожие чувства. И тогда он решается на безумный шаг: объясниться ей в любви! Выбрав день и час, когда она обычно поднимается наверх в классы для репетиций, Славик с замирающим сердцем, собрав всё свое мужество, поджидает ее в коридоре, чтобы пасть пред нею на колени и сказать, как он ее любит. Но она так и не появилась! Почему? В этом Славик увидел неблагоприятный знак Судьбы. Значит, ему не суждено, чтобы его Возлюбленная была рядом с ним.

Прошло несколько дней. Вдруг на лестнице он встречает ее и невольно произносит «здравствуйте!» И она отвечает ему тем же «здравствуйте!» В этот раз он, присмотревшись к ее лицу, находит его осунувшимся и поблекшим. И очарование, исходившее от всего ее существа, вдруг исчезает. На смену ему приходит разочарование. Ее красота, ослеплявшая его глаза, оказывается иллюзорной. «Как я мог столько времени беззаветно любить ее?» – спрашивает себя Славик и не находит ответа.

В марте, наконец, приезжает мама, которая тут же окружает Славика теплом и заботой. Он постепенно приходит в себя, оттаивает от мучительной тоски и возвращается к нормальной жизни. Теперь все его помыслы заняты подготовкой к выпускным экзаменам.

А любовь? Ее уже нет. Только где-то в глубинах сердца Славик при случайных встречах со своей бывшей Возлюбленной ощущает приступы глухой незатухающей боли. Ее имя навсегда останется для него тайной...

ВЫПУСКНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

В феврале 1965 года, за месяц до приезда мамы, Славик принимает решение переселиться из общежития в Дмитровском переулке в квартиру мамы в Варсонофьевском переулке. Тому было несколько причин. Прежде всего, ухудшились отношения с товарищами по комнате. Даниэль и Саша стали приводить девушек, запирались на ключ, и в комнату невозможно было попасть. Затем общага с ее постоянным шумом, суматохой и беспорядком смертельно надоела Славику. И третья, главная причина – дома у мамы он мог когда и сколько угодно слушать музыку благодаря проигрывателю и пластинкам, чего он был лишен в общежитии. Переселение заняло всего один час, в течение которого он быстро собрал свои вещи и пешком дошел до Варсонофьевского переулка – благо, он находится недалеко от Дмитровского.

На новом месте, в обстановке тишины и покоя Славик чувствует себя намного лучше. Правда, в коммунальной квартире, кроме него, живут еще соседи. Но к Славику они относятся хорошо и даже иногда подкармливают его. Каждый вечер он слушает пластинки, которых у него значительно прибавилось. Теперь у него есть все симфонии и концерты Бетховена и Чайковского, лучшие симфонии и концерты Моцарта, Прокофьева и Шостаковича, оперы «Война и мир», «Семен Котко» и балет «Ромео и Джульетта» Прокофьева, музыка которого его захватывает сильней и сильней.

На 4-м курсе Славик бывает в Большом театре намного реже, посетив всего пять спектаклей. Три из них с музыкой любимого им Прокофьева: «Война и мир», «Ромео и Джульетта», «Каменный цветок» и два с музыкой Чайковского – «Евгений Онегин» и Глинки – премьера «Руслана и Людмилы», которая, как и «Евгений Онегин», становится его любимой оперой.

Основное время и внимание Славик теперь уделяет подготовке к выпускным экзаменам, два из которых – специальность и дирижирование – Государственные. Для Госэкзамена

Мамед Мамедыч Оруджев предлагает Славику программу, включающую первую часть Концерта ми-бемоль мажор для гобоя Моцарта, Вокализ Рахманинова и Сонату Платонова, которую юноша играл в первом полугодии. По сравнению со второй и третьей частями моцартовского концерта, его первая часть из-за обилия трудных пассажей была значительно труднее. И в этот раз Славик готов заниматься на гобое с утра до вечера, чтобы одолеть эти пассажи. А в Вокализе Рахманинова, наоборот, таились трудности мелодического характера: нужно было добиться безупречного легато и выразительного исполнения кантилены.

Для госэкзамена по дирижированию Иссидор Аркадьевич Аркин дает Славику одну из самых больших мазурок Шопена – опус 33 №4 си минор. Эта мазурка очень нравится мальчику, ибо она разнообразна по настроению – от задумчивой грусти до ликующего экстаза. Не всё получается у Славика сразу, но, упорно работая дома, он постепенно добивается в движениях рук того, чего от него требует педагог. Но одно дело работа над произведением в классе и дома и другое дело – работа непосредственно с оркестром. Под руководством опытного педагога по инструментовке Петра Ивановича Рюмина Славик перекладывает фортепианную мазурку Шопена на духовой оркестр и в апреле приступает к оркестровым репетициям с духовым оркестром училища. Три года назад он, играя в этом оркестре, участвовал в репетициях к Госэкзамену тогдашних дипломников, а теперь сам стоит как дипломник, с палочкой перед оркестром, страшно волнуясь. Дисциплина в оркестре, несмотря на присутствие в зале дирижеров Б.И.Слабакова и И.А.Аркина, по-прежнему хромает, да и духовикам-оркестрантам уж больно хочется подшутить над Славиком, а то и просто поиздеваться над ним. Приходится тратить время на водворение в оркестре порядка с помощью повышения голоса, и репетиция возобновляется.

И вот в начале июня наступает дата первого Госэкзамена – по специальности. В зале за большим столом, покрытым красивой скатертью, сидят члены Государственной комиссии во главе с профессором Московской консерватории по классу флейты Юлием Григорьевичем Ягудиным. Среди членов Госкомиссии – директор Музучилища Лариса Леонидовна Артынова, заместитель директора

Александр Иванович Лагутин, профессора Московской консерватории Н.Платонов, Б.Савельев, В.Полех, а также Мамед Мамедович Оруджев и другие педагоги духового отделения. В зале царит торжественная, праздничная атмосфера. Наконец, подходит очередь для выступления на Госэкзамене Славика. Он одет в накрахмаленную белую рубашку и новые брюки, купленные ему мамой по этому случаю, и, конечно, очень волнуется при виде такой солидной Госкомиссии. Не помня себя от страха, он играет в сопровождении концертмейстера Натальи Львовны Зломановой всю экзаменационную программу из произведений Моцарта, Рахманинова и Платонова и затем вместе с другими дипломниками в коридоре с волнением ожидает оценки. Наконец, после долгого ожидания всех приглашают в зал, и профессор Ягудин торжественным голосом объявляет оценки. «Давыдов – отлично», – слышит свою фамилию Славик и весь засиял от счастья. Он подходит к Ларисе Леонидовне и Мамеду Мамедычу, которые тепло поздравляют его с «пятеркой».

- Теперь тебе открыта дорога в Московскую консерваторию, – говорит Мамед Мамедыч, по-отечески обнимая Славика. – Передай мои поздравления маме.

- Молодец, не обманул наши ожидания, – добавляет от себя Лариса Леонидовна.

Через несколько дней проходит еще один Госэкзамен – по дирижированию. В зале, кроме духового оркестра, за столом сидит Госкомиссия в том же составе с участием И.А.Аркина

и Б.И.Слабакова. И снова праздничная обстановка, снова огромное волнение во время дирижирования мазуркой Шопена, снова долгое ожидание, и снова оценка «отлично»! Иссидор Аркадьевич сердечно поздравляет Славика с победой и желает ему большого музыкального будущего.

Кроме Госэкзаменов, Славик также на «отлично» сдает экзамены за 4-й курс по гармонии, музыкальной литературе, инструментовке, чтению партитур, педагогической практике и общему фортепиано, на котором он играет первую часть 15-й до мажорной сонаты Моцарта, ми-бемоль мажорную фугу и прелюдию Баха и пьесу Грига. В итоге он получает красный диплом с отличием, который ему вручает на торжественном выпускном вечере сама Лариса Леонидовна. В дипломе написано, что ему, Славику, присваивается квалификация преподавателя детской музыкальной школы, артиста оркестра, руководителя самодеятельного духового оркестра. Однако, как бы ни был он рад получению красного диплома, Славик остается тверд в своем намерении стать композитором и решает поступать в Московскую консерваторию, но не на духовое, а на композиторское отделение.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошли годы после окончания Музыкального училища при Московской консерватории. С тех пор Славик не раз с благодарностью вспоминал своих учителей, считая, что годы учебы в училище дали ему очень много в плане его роста как музыканта и как человека. Особую благодарность он испытывал к преподавателю музыкальной литературы и директору училища Ларисе Леонидовне Артыновой и педагогам Мамеду Мамедовичу Оруджеву и Иссидору Аркадьевичу Аркину. И в последующий период Славик навещал их, время от времени

бывая в своей родной Мерзляковке, которая значительно расширилась за счет присоединения к училищу здания средней школы. Это также было заслугой Ларисы Леонидовны.

Особенно ему запомнилось посещение училища в годы перестройки, когда в стране подули новые ветра. В частности, в музыкальном образовании и критике наметились тенденции ниспровергать прежние формы обучения и устоявшиеся авторитеты.

Славик посвятил Ларисе Леонидовне стихи, в которых говорилось о важности сохранения традиций в деле музыкального воспитания.

- Да, да, – горячо поддержал Славика присутствовавший при встрече завуч Александр Иванович Лагутин, – сохранение наших лучших традиций нам необходимо как никогда! Без них мы не можем двигаться вперед! Этому служит и мой учебник по музыкальной литературе для музыкальных школ.

- А у нас в музыкальной школе когда-то училась игре на виолончели Марина Цветаева, – не без гордости произнесла Лариса Леонидовна, поблагодарив Славика за стихи.

Также был рад каждому приходу Славика Мамед Мамедыч, который всегда интересовался новостями и здоровьем мамы. Иссидор Аркадьевич прожил еще несколько лет, и его неожиданная кончина глубоко опечалила Славика. А из товарищей Славика по курсу двое достигли заметных успехов в музыкальном исполнительстве. Гобоист Шурик Попов, мечтавший об оркестре Большого театра, не попал туда, но зато многие годы проработал в качестве солиста оркестра Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко и затем в Симфонической капелле под руководством Полянского. Кларнетист Саша Иванов стал лауреатом второй премии на Международном конкурсе исполнителей на духовых инструментах в Будапеште, был солистом Большого симфонического

оркестра Всесоюзного радио и телевидения, после чего переехал в Америку, где играл в крупных оркестрах.

Лариса Леонидовна Артынова возглавляла музыкальное училище в течение сорока лет и в постсоветский период была удостоена звания «Заслуженный деятель искусств РФ». Она скончалась в ноябре 2005 года, прожив 88 лет.

Славик не без смущения вспоминал о своем решении стать композитором, испытывая неловкость и даже вину перед Мамедом Мамедычем. Ведь в то время он еще не написал ни одной собственной ноты. Скорее всего, им владело желание выйти из назначенного ему судьбой узкого круга профессии духовика и попробовать себя в чем-то другом...

МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

Вернувшись внутрь, он заиграл
Не чью-нибудь чужую пьесу,
Но собственную мысль, хорал,
Гуденье мессы, шелест леса.
Борис Пастернак

ПРИЕМНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ. ЛЕТО 1965 г.

Имея твердое намерение поступать на композиторское отделение Московской консерватории, Слава еще весной 1965 года, до окончания музыкального училища, начинает серьезно готовиться к приемным экзаменам. Прежде всего его интересует юридическая сторона вопроса: имеет ли право абитуриент, окончивший училище по одной специальности (гобой), поступать в консерваторию по другой специальности (композиция)? Для этого он решает пойти на прием к тогдашнему проректору по учебной работе консерватории Борису Алексеевичу Лапчинскому.

Замирая от страха, Слава стучит в дверь кабинета проректора, расположенного на первом этаже.

- Пожалуйста, войдите, – слышит Слава за дверью голос Лапчинского и несмело входит в кабинет. За большим столом сидит невысокий, подвижный человек с лысиной на голове и любезно показывает Славе на стул, приглашая садиться.

- Так ты по какому вопросу? – спрашивает Лапчинский, роясь в многочисленных бумагах на столе, – но сначала, пожалуйста, представься.

Слава, продолжая испытывать волнение, представляется и, сбиваясь, излагает суть своего вопроса.

- Да, – говорит Лапчинский, – в юридическом плане ты имеешь полное право поступать на композиторское отделение консерватории после окончания любого среднего учебного заведения, но я тебе это не советую. Твои шансы поступить очень малы, поскольку у тебя нет достаточной подготовки по теоретическим предметам. Да и к экзамену по композиции у нас предъявляются довольно высокие требования. Среди поступающих у тебя будут серьезные соперники, намного лучше подготовленные, чем ты. Знаешь, послушай моего совета: оставь эту глупую затею и поступай сразу на духовое отделение. С твоим красным дипломом училища у тебя есть стопроцентный шанс поступить к нам как гобоист. Неизвестно, какой из тебя получится композитор, а дудка будет кормить тебя всю жизнь.

- Но у меня большое желание стать композитором, – парирует Слава слова проректора, – и я уже начал серьезно готовиться к приемным экзаменам.

- Что же, попытку ты можешь сделать, – несколько смягчает свой тон Лапчинский. – Мы не можем запретить принять у тебя документы на то отделение, которое ты хочешь. Но я почти уверен, что ты на приемных экзаменах провалишься. Впрочем, у тебя всегда есть возможность перевести документы на духовое отделение. Только имей в виду: я буду лично присутствовать на всех приемных экзаменах. До свидания. Желаю успеха!

Выйдя из кабинета проректора, Слава задумывается над его словами. Неужели он прав и лучше сразу поступать на духовое отделение? А как быть с мечтою стать композитором? Неужели она никогда не осуществится? Нет, Слава не готов с этим смириться! Он никак не может согласиться с тем, чтобы всю свою жизнь посвятить такой узкой специальности, как гобой. Кроме того, Слава не уверен, что из него выйдет настоящий гобоист-профессионал.

Прежде всего страстное желание юноши стать композитором опирается на уверенность в том, что в нем есть способность сочинять музыку. Только эта способность в силу неблагоприятных обстоятельств или отсутствия благоприятных обстоятельств себя пока не проявила. Славе кажется, что художественная литература, поэзия, искусство, природа, картины жизни рождают в нем такие образы, которые требуют своего выражения именно в звуках музыки. И когда он попадет в благоприятную для сочинения музыки обстановку, навсегда покончит с гобоем и поступит на композиторское отделение консерватории, тогда его творческие наклонности под руководством опытного педагога реализуются в полной мере.

Тогда же, весной, упорный в своих желаниях Слава обзаводится программой приемных экзаменов на композиторское отделение. Их, экзаменов, пять: композиция, гармония, сольфеджио (письменный и устный), музыкальная литература и общее фортепиано.

В июне в консерватории вывешивается график консультаций, и первый профессор, к которому Слава приходит на консультацию по композиции, – это известный композитор Сергей Артемьевич Баласанян, который заведует кафедрой композиции. К нему на консультацию Слава приносит вариации для фортепиано на собственную тему в тональности соль мажор, начатые еще полтора года назад. Сочинение это продвигалось довольно туго, и к показу были готовы только две вариации, стоившие Славе огромного труда. Баласанян, не скрывая улыбки, внимательно слушает первый опус начинающего автора и тут же обрушивается на него с беспощадной критикой. Во-первых, эта тема по своему строению не подходит для варьирования; во-вторых, две показанные вариации не получились: их даже нельзя назвать вариациями. Объяснив Славе строение периода, Баласанян дает ему задание:

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Это уже получше, но недостаточно для вступительного экзамена по композиции. Надо бы еще что-нибудь, более капитальное. Подумай, дорогой.

- Хорошо, я подумаю, – отвечает смущенно Слава. Он благодарит за игру Шуру, который быстро уходит, и спрашивает, можно ли ему остаться в классе послушать сочинения других абитуриентов.

- Почему бы и нет? Оставайся, – отвечает, улыбаясь, Баласанян, – тебе будет полезно послушать их произведения и сравнить их со своими.

За рояль садится девушка, приехавшая поступать в консерваторию из Воронежа, и играет Баласаняну музыку, похожую, как кажется Славе, на чистую какофонию, без формы и смысла. Однако на профессора она производит благоприятное впечатление. Он дает ей некоторые советы и говорит, что она вполне может поступать с этими произведениями на композиторское отделение. Слава, сильно удивленный и обескураженный услышанным, прощается с Баласаняном и покидает класс.

Вторым по значению после композиции вступительным экзаменом является сольфеджио (письменный и устный). Под письменным имеется в виду написание трехголосного диктанта. Слава легко пишет одноголосные диктанты, но в написании трехголосных у него опыта нет, и он договаривается со своим приятелем по музучилищу Валерой Гагиным, живущим в общежитии , что они будут наигрывать друг другу диктанты: Слава ему – одноголосные, а Валера Славе – трехголосные. Однако Валера при исполнении на фортепиано диктанта часто спотыкается, что, конечно, отражается на подготовке Славы к письменному экзамену. Зато по устному сольфеджио юноша ни от кого не зависит и, перепев все известные к тому времени сборники, включая «Хорошо темперированный клавир» Баха, чувствует себя в этом виде экзамена достаточно уверенно. Но

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Тогда ты пришел сюда правильно, – говорит Агафонников, оглядывая ребят строгим взглядом, – и здесь нет места смеху. Как тебя зовут?

- Давыдов, Слава.

- Хорошо. Садись, Слава, на любое свободное место, и чтобы в классе была тишина!

- Всё равно не поступишь, – шепчет на ухо Славе жирный Миша Юровский, – это тебе не духовое отделение!

- А вот возьму и назло тебе поступлю, – шипит ему в ответ Слава и садится на свободное место позади всех.

На этой и последующей консультации Слава со всеми сольфеджирует по учебнику, пишет трехголосные диктанты и слушает гармонические последовательности. Он чувствует, что заметно уступает ребятам в знаниях и умении, особенно в написании трехголосных диктантов, но продолжает упорно верить в свою звезду. На первой консультации он знакомится с одним пареньком – выпускником Гнесинского училища по имени Саша, который ему нравится как своей приятной внешностью, так и своеобразным, собственным взглядом на историю музыки. Так, он считает настоящими революционерами в музык трех композиторов – Вагнера, Чайковского и Скрябина, на творчестве которых надо учиться в первую очередь. Со своей стороны, Слава выражает Саше свое недоумение по поводу того, что училище и музыкальный институт носят имя Гнесиных, не сыгравших в истории музыки роли композиторов-революционеров. На это Саша возражает, что Гнесиным нет равных в деле музыкального образования не только в Советском Союзе, но и во всем мире...

Вступительного экзамена по гармонии Слава боится меньше, чем по композиции и сольфеджио. Сначала он делает гармонические задачи по знакомому ему учебнику Способина, а затем решает перейти на учебники Тюлина-Привано и Аренского, содержащие более сложные задачи. Однако проверять

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ки. Так, благодаря подготовке к вступительному экзамену по музыкальной литературе, он знакомится с большим количеством неизвестных ему ранее произведений, среди которых си минорная «Высокая» месса Баха, опера «Богема» Пуччини, «Фантастическая» симфония Берлиоза, 9 симфония «Из Нового света» и «Славянские танцы» Дворжака, музыка к пьесе «Сон в летнюю ночь» Мендельсона, 4 симфония Брамса, увертюра к опере «Тангейзер» Вагнера, «Тиль Уленшпигель» Р.Штрауса, Ноктюрны и прелюдии Дебюсси, некоторые фортепианные и скрипичные сонаты Бетховена, «Влтава» Сметаны, 2 скрипичная соната Грига, «Фантастические» пьесы Шумана и др.

Ознакомление с русской и советской музыкой для Славы оказывается еще более широким. Он впервые слушает 1 симфонию и «Исламей» Балакирева, 2 симфонию и 2 струнный квартет Бородина, оперу «Царская невеста» Римского-Корсакова, оперу «Иоланта» и 5 симфонию Чайковского, 1 концерт и фортепианные прелюдии Рахманинова, 3 симфонию и 5 сонату Скрябина, 5 симфонию и скрипичный концерт Глазунова, 5 и 21 симфонии Мясковского, 1, 5 и 11 симфонии Шостаковича, 1 и 3 фортепианные концерты, виолончельный концерт-симфонию и 1 скрипичную сонату Прокофьева, скрипичные концерты Кабалевского и Хачатуряна, балет «Красный мак» Глиэра и т.д. Нечего и говорить, что многие из этих сочинений вошли в число наиболее любимых произведений Славы...

Консультации по музыкальной литературе проводят Г.Г. Крауклис (зарубежная музыка) и А.П.Кандинский (русская и советская музыка). От них Слава узнаёт, что, кроме знания музыки, от поступающих на композиторское отделение также требуется знание биографий композиторов и умение разбирать форму их произведений. После консультации Слава тут же бросается в читальный зал нотной библиотеки консерватории и просматривает учебники по истории музыки. Материал огромный! Успеет ли он выучить биографии всех композито-

ров до экзаменов? И в последующие дни, как только выдается свободная минута, Слава бежит в читальный зал штудировать учебники.

В самый разгар подготовки к вступительным экзаменам в один из июньских дней в общежитие в Дмитровском переулке прибегает Сережа Карпенко, кончавший со Славой музучилище по классу гобоя, влетает в его комнату и прямо с порога кричит :

- Славик, скорее собирайся! Сейчас ты, я и Попов вместе с Мамедом Мамедычем должны идти в консерваторию на консультацию по специальности к профессору Солодуеву.

- Я ни на какую консультацию не пойду, – робко отвечает Слава.

- Как не пойдешь? Нас с тобой ждет Оруджев. Срочно собирайся!

- Я никуда не пойду, – более твердым голосом говорит Слава.

- Ты что, с ума сошел? – не унимается Сережа, – ведь мы сегодня должны показаться профессору Солодуеву!

- У меня есть причина.

- Что за причина?

- Я решил поступать, – впервые раскрывает свои карты Слава, – на композиторское отделение.

- Ну, ты совсем рехнулся! Что передать Оруджеву?

- Так и передай, что я не хочу больше играть на гобое, а хочу сочинять музыку. Понял?

- Теперь-то понял, – говорит сокрушенным голосом Сережа, – ладно, пока! Это твое дело!

Хлопнув дверью, Карпенко выбегает из комнаты, и Слава остается наедине со своими мыслями. Впервые он задумывается о том, хорошо ли он поступил в отношении своего педагога по специальности. Конечно, Мамеду Мамедычу будет неприятно узнать, что он, Слава, решил бросить гобой. Что же делать? Испытывая чувство неловкости, Слава решается сам

позвонить Оруджеву и сказать ему всю правду. Внимательно выслушав его, Мамед Мамедыч отвечает Славе невозмутимым голосом:

- Значит, Славуша, ты решил оставить гобой ради того, чтобы стать композитором? Что же, я не против, это твое право. Но я очень сомневаюсь в том, что ты поступишь на композиторское отделение. Посоветуйся сначала с ребятами и педагогами теоретического отделения училища. Может, они подскажут тебе что-то дельное.

25 июня Слава, страшно волнуясь, приходит в музыкальное училище на выпускной вечер, на котором уже с глазу на глаз встречается со своим педагогом. Мамед Мамедыч как ни в чем ни бывало тепло поздравляет его с отличным окончанием училища и горячо обсуждает с ним его решение поступать на композиторское отделение.

- Шансы у тебя малы, – говорит он Славе, трепля его правой рукой по плечу. – В крайнем случае, если не получится, наш завкафедрой духовых инструментов профессор Еремин всё сделает, чтобы тебя зачислили на духовое отделение.

Слава пропускает эти слова мимо ушей, ибо уверен, что на духовое отделение ему поступать не придется.

Начинается торжественная часть вечера, и отличников приглашают занять места в президиуме. Слово берет директор училища Лариса Леонидовна Артынова, которая от души поздравляет выпускников с окончанием училища и вручает отличникам – обладателям заветного красного диплома памятные подарки в виде книг о музыке и нот. Слава получает из ее рук монографию о Бородине и, запинаясь, благодарит ее и весь преподавательский состав за всё, что они для выпускников сделали. А затем состоялся праздничный ужин, во время которого ребят весело забавляют приглашенные артисты эстрады. По окончании вечера выпускники духового отделения, и Слава в их числе, шумно провожают Ларису Леонидов-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

на экзамен, чтобы при нем Слава еще раз убедился, насколько он ошибается, решив поступать на композиторское отделение.

- Ну, что я тебе говорил? – обрушивается он на бедного юношу. – Зря ты меня не послушал! С такими наивными сочинениями разве можно поступать на первый курс композиторского отделения?! Вот что – если ты хочешь учиться в консерватории и избежать призыва в армию, срочно поступай на духовое отделение! Потом будет поздно!

- Но я так хочу быть композитором, – побледнев от провала, жалобным голосом говорит Слава, – а на гобое мне не позволяет играть здоровье. У меня коченеют пальцы от малейшего холода.

К Лапчинскому присоединяются все три профессора по композиции и горячо убеждают Славу проявить благоразумие, отказаться от композиции и получить на духовом отделении специальность, которая будет кормить его всю жизнь.

- Это лучше, чем идти в армию, – громче всех говорит Баласанян.

- Хорошо, я подумаю, – отвечает Слава и, чуть не плача, выходит из класса.

Он еще на что-то надеется, но когда после долгого ожидания абитуриентам вручают экзаменационные листы и против графы «сочинение» он видит слово «плохо», ему становится не по себе. Слава потрясен! Все его надежды, планы и мечты рушатся, как карточный домик. С мокрыми глазами юноша подходит к композитору Баласаняну.

- Что же мне теперь делать? – спрашивает он, глотая слезы. Неужели мне не суждено стать композитором?

- Не надо так расстраиваться, – успокаивает его Баласанян, – специальность духовика – также хорошая и нужная профессия. Не всем суждено быть композиторами. Впрочем... дверь для композиторского творчества для тебя не закрыта. Посту-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Очень жаль, я тебе сочувствую, – произносит Лариса Леонидовна,- и что ты теперь собираешься делать?

- Поступать на духовое отделение, – выпаливает Слава.

- Это очень разумно. И чем я могу тебе помочь?

- Мне нужен инструмент для вступительного экзамена. Ведь я свой гобой сдал обратно.

- Сейчас мы выясним, – говорит Лариса Леонидовна.

Она тут же вызывает своего заместителя по хозяйственной части, который сообщает, что гобой Славы передан студенту Щетинину, живущему в общежитии.

- Срочно иди в общежитие и договорись с Щетининым об инструменте, – тепло напутствует она Славу. – Желаю тебе успеха!

Поблагодарив Ларису Леонидовну, Слава спешит в общежитие в Дмитровском переулке и не находит там Щетинина! От ребят он узнаёт, что Володя уехал с гобоем и неизвестно, когда вернется. Слава в отчаянии рассказывает ребятам свою историю и спрашивает, как ему быть. Но никто не может ему помочь.

На следующий день юноша является в консерваторию на прием к проректору Лапчинскому и признается ему, что принял решение поступать на духовое отделение, но при условии, что ему разрешат заниматься по композиции факультативно. Только ему нужен инструмент для сдачи экзамена по специальности.

- Ну, это уже совсем другой разговор, – улыбаясь, говорит Лапчинский, – ты принял правильное решение. С факультативом проблем не будет, а с инструментом мы тебе поможем. – Проректор что-то пишет на клочке бумаги и протягивает его Славе. – По этой записке тебе выдадут инструмент в нашей музыкальной мастерской. С красным дипломом тебе надо будет сдать только три экзамена – специальность, сольфеджио и

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Через несколько дней наступает, по мнению юноши, самое трудное – сдача коллоквиума, который принимает уже знакомый ему преподаватель Григорьев. Слава достаточно уверенно отвечает на его вопросы, пока тот не задает вопрос «на засыпку» – назвать, в каких тональностях написаны четыре симфонии Брамса. Слава перечисляет:

- Первая – в до миноре, вторая – в ре мажоре, третья – в фа мажоре и четвертая – в ми миноре.

- Не совсем так, – пытается поправить юношу Григорьев, – тональности четырех симфоний Брамса соответствуют четырем буквам английского слова cafe. Следовательно, вторая симфония написана не в ре мажоре, а в A-dur, то есть, в ля мажоре.

- Я не согласен с этим! – горячо отстаивает свою правоту Слава, – ибо уверен, что тональность второй симфонии Брамса – ре мажор!

- Нет, ля мажор.

- Нет, ре мажор. Давайте возьмем в библиотеке ноты и проверим!

- Ладно, пусть будет ре мажор, – видимо, испугавшись, что он проиграет в споре, соглашается Григорьев, – ставлю тебе зачет.

Довольный, Слава сдает свой экзаменационный лист в приемную комиссию и, имея одни пятерки на вступительных экзаменах, с красным дипломом училища автоматически зачисляется на первый курс духового отделения. Конечно, он безмерно счастлив, говоря маме, дяде Захару, родственникам, друзьям, что он блестяще выдержал вступительные экзамены и стал студентом Московской консерватории. Но где-то в глубине души его червоточило, что ему не удалось исполнить свое заветное желание. И все-таки радость, что он попал в консерваторию и избежал призыва в армию, перевешивала горечь

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

сочинений Шостаковича он знакомится с 6,7, 8, 9 и 10 симфониями, 1 скрипичным концертом, и среди них ему особенно нравится знаменитая 7 «Ленинградская» симфония, которую он готов слушать бесконечное число раз. Слава также заводит пластинки с новыми для него произведения Бетховена, Шопена, Бородина, Равеля и Дебюсси.

На втором месте после слушания музыки в планах на лето стоит чтение, причем главное внимание уделяется книгам о музыке, а из художественной литературы прочитывается только комедия Шекспира «Сон в летнюю ночь» – забавная, смешная сказка о влюбленных. Из книг о музыке основной упор делается на работы академика Бориса Асафьева из пятитомного собрания его избранных трудов, посвященные Бетховену и русским композиторам XIX-XX веков. Эти работы восхищают Славу не только прекрасным языком и глубоким проникновением в суть музыки того или иного композитора, но и раскрытием связи его творчества с эпохой, в которую жил композитор.

Из особой любви к музыке Прокофьева Слава читает большую монографию о нем И.Нестьева и... полностью разочаровывается в ней. Юношу выводит из себя желание автора искать почти в каждом произведении Прокофьева «модернистские» места и судить в целом о его творчестве с позиций музыкального искусства XIX века. Зато ему очень нравится книга В.Орлова «Симфонии Шостаковича», в которой автор обстоятельно анализирует каждую симфонию великого композитора. Слава только не согласен с оценкой, а точнее, недооценкой Орловым 9 симфонии, занесенной им в разряд второстепенных произведений Шостаковича. У Славы даже возникает желание написать в газету «Советская культура» статью в защиту 9 симфонии, которая ему нравится почти так же, как и Седьмая, но что-то мешает осуществить это желание...

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

глотал пищу. Почти каждый день Славу в больнице навещала мама, привозившая ему разные продукты и даже домашние супы. Это помогает ему быстро оправиться после операции и вовремя в начале сентября приступить к занятиям на 1-ом курсе Московской консерватории.

УЧЕБА. ПРЕДМЕТЫ. УЧИТЕЛЯ

1 сентября 1965 года Слава с волнением пересекает порог Московской консерватории, полный гордого сознания того, что он будет учиться в знаменитом высшем музыкальном учебном заведении, которое в разное время кончали известные на весь мир композиторы, теоретики, музыковеды, пианисты, скрипачи, виолончелисты, духовики, певцы, дирижеры. Их имена – окончивших Московскую консерваторию с отличием – он видел на мраморной почетной доске в фойе Малого зала консерватории: Танеев, Рахманинов, Скрябин, Аренский, Кабалевский, Рихтер, Гилельс, Ойстрах, Ростропович, Коган и многие другие. И Слава втайне думает про себя, что, может, он также окончит консерваторию с отличием, его имя попадет на мраморную доску почета и он прославится на весь мир, как композитор...

Однако занятия в консерватории начинаются не 1, а 15 сентября в связи с работой студентов на овощной базе в первые две недели учебного года. Это было веселое время! На базе студенты первого и второго курсов больше сачкуют, поедают фрукты и арбузы, чем трудятся. И Слава не держится в стороне, работает, как и все, но целиком занят мыслями о предстоящей учебе.

После окончания работ на овощной базе Славе в деканате сообщают, что он зачислен в класс гобоя Анатолия Викторовича Петрова. Его юноша знает давно как солиста Государствен-

ного симфонического оркестра СССР, в котором он играет со дня его основания в 1937 году. На концертах Слава с восхищением слушал, как Петров красиво и виртуозно играл соло гобоя в произведениях Бетховена, Чайковского, Рахманинова, Прокофьева, Шостаковича и других композиторов. Когда оркестр вставал на поклон, Петров среди музыкантов выделялся своим большим ростом и весьма внушительной фигурой. На Первом Всесоюзном конкурсе исполнителей на духовых инструментах в 1941 году ему были присуждены четвертая премия и звание лауреата, и с тех пор он входит в число лучших гобоистов Советского Союза.

Но, в принципе, Славе всё равно, у кого учиться, так как он по-прежнему видит себя в будущем композитором.

Петров принимает его в своем классе доброжелательно, но сразу дает ему понять, что он бездельников не любит и что на каждый урок два раза в неделю надо приходить в хорошей форме и с выученным заданием. При его высокой представительной фигуре эти слова звучали весьма убедительно.

- В Праге будущей весной, – говорит он Славе, – состоится очередной международный конкурс исполнителей на духовых инструментах, в котором каждый студент может принять участие. За это стоит побороться! У тебя есть все шансы стать лауреатом. Возьми в библиотеке ноты до мажорного концерта Моцарта, который стоит в программе конкурса, и на следующий урок приходи с выученной первой частью.

На первом занятии Слава не решается говорить Анатолию Викторовичу, что будет совмещать учебу на духовом отделении с факультативом по композиции, но дает обещание, что к следующему разу он принесет до мажорный концерт Моцарта. Попрощавшись с Петровым, он идет в деканат теоретико-композиторского факультета – узнать, когда в консерватории будет профессор Баласанян. Славику сообщают, что профессор приступит к работе только в конце сентября.

«Ждать еще целых две недели! – с грустью думает Слава, – но делать нечего, придется ждать». А пока надо взять в музыкальной мастерской инструмент и хоть немножко поиграть на гобое. В мастерской Славе выдают тот самый старый разбитый немецкий инструмент, на котором он сдавал вступительный экзамен. В библиотеке юноша берет ноты до мажорного концерта Моцарта и 24 этюда Люфта, но первую часть концерта проигрывает дома только раз. С такой «подготовкой» он приходит на второй урок к Петрову.

- Что же, послушаем, как ты играешь Моцарта, а наш концертмейстер Ирина Павловна тебе подыграет, – весело произносит Анатолий Викторович.

- С удовольствием, – говорит Ирина Павловна, ставя на подставку ноты.

Слава неуверенно, постоянно сбиваясь, играет первую часть концерта и, окончив, с ужасом ждет, что скажет доцент. Анатолий Викторович, не стесняясь в выражениях, громит игру Славы в пух и прах.

- Ну и гусь! Гусь лапчатый! Такое впечатление, что играешь концерт с листа. Ты, что, не занимался?

- Я тут ни при чем, – пытается оправдаться раскрасневшийся от стыда Слава, – посмотрите, какой у меня инструмент. На нем невозможно играть!

Анатолий Викторович берет в руки гобой и внимательно рассматривает его со всех сторон. Затем вставляет в него трость (мундштук из тростника) и пытается извлечь звук, вместо которого возникает «кикс».

- Да, ты прав, – соглашается Петров, – на нем действительно невозможно играть. Сегодня же я поговорю с проректором по хозяйственной работе Нужиным и попрошу его выдать тебе нормальный инструмент. Я знаю, у них есть хорошие французские гобои, но их прячут, не дают кому попало. А теперь скажи мне, – Анатолий Викторович пытливо смотрит Славе в

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

пассажа толком не сыграл! Не оправдал ты мои надежды, не оправдал! Что же мне с тобой теперь делать? Выгнать из класса?

- Не надо выгонять, – заступается за Славу концертмейстер Ирина Павловна Бидаренко, явно симпатизирующая ему, – он еще выучит концерт и будет играть его блестяще!

- Ну, лучше меня – вряд ли, – переходит на шутливый тон Анатолий Викторович и обращается к Славе: – Дай-ка мне свой инструмент. Проверю, как он звучит.

Юноша протягивает гобой Петрову, и тот мастерски играет первый пассаж концерта.

- Вот как надо играть – говорит он, протягивая Славе инструмент, – или ты окончательно решил заделаться теоретиком?

Слава молчит, не зная, что сказать.

- Ясно, как надо играть?

- Ясно, – отвечает чуточку осмелевший Слава.

- Ладно, Бог с тобой! – более благодушным тоном говорит Анатолий Викторович, – отставим концерт Моцарта в сторону. Видимо, не судьба тебе стать лауреатом Пражского конкурса. Придется нам поменять программу. Возьми в библиотеке концерт Марчелло и две пьесы Шишкова. Они полегче, чем концерт Моцарта, но чтобы на мой урок приходил с выученным заданием! К следующему занятию принесешь 1-й этюд Люфта и две гаммы – до мажор и ля минор.

- Хорошо, – говорит Слава, обрадовавшись такому повороту дела и утаив от Анатолия Викторовича, что он уже играл эти произведения в музыкальном училище. Значит, не надо будет их учить заново и он сэкономит на этом немало времени, так нужного ему для занятий композицией!

Хотя Слава видит для себя в игре на гобое лишнюю обузу, он вынужден заниматься на инструменте в день не менее часа, боясь гнева учителя и очередной «грозы».

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ное внимание обращает на постановку рук и музыкальность исполнения. Однако на вечерах кафедры общего фортепиано он от волнения играет иногда хуже, чем на уроках, хотя и получает хорошие оценки. Поэтому Нина Никитична начинает ему давать менее сложные вещи. На экзамене за 1-й курс Славе ставят «пять», как любит говорить Мусинян, «за старание».

По сольфеджио и гармонии Слава попадает в группу духовиков, которую ведет педагог из методического кабинета Скатерщикова. Видя, что ему у нее нечего делать, она предлагает сдать экзамены по этим предметам досрочно, что он и делает, сдав их в конце ноября на «пять». Это была, пусть и маленькая, но победа.

Из музыкальных предметов Славу особенно привлекает история музыки, которую на первом курсе оркестрового факультета ведет молодой преподаватель со странной двойной фамилией Гамрат-Курек. Он считается специалистом в области чешской музыки, по которой защитил кандидатскую диссертацию. На своем первом занятии Владимир Георгиевич объясняет студентам, в чем состоит разница между музыкальной литературой и историей музыки: если первая предполагает изучение отдельных композиторов и их произведений, то на второй прослеживается общий исторический процесс развития музыкального искусства от его истоков в Древней Греции до сегодняшнего дня. Он рассказывает материал интересно, но студенты, пользуясь его мягким, деликатным характером, нередко шумят на уроках и пропускают его занятия. Собственно, эти занятия состоят из лекций и семинаров, к которым Слава не всегда готовится, полагаясь на свою память и находчивость. Свой курс в первом полугодии Гамрат-Курек заканчивает музыкальным классицизмом (Гайдн – Моцарт – Бетховен) и, благоволя к усидчивости Славы, ставит ему на экзамене отличную оценку.

Историю музыки во втором полугодии первого курса ведет доцент Софья Николаевна Питина. Все знают, что она – член партийного комитета консерватории, и это отражается на ее лекциях, которые она читает монотонным, казенным языком. Хотя ее курс посвящен европейскому романтизму XIX века, любимому Славой, он явно скучает на ее занятиях, и только слушание музыки, без которого не проходит ни один урок, пробуждает его от скуки и спячки. Он не всегда готовится к семинарам и даже однажды отпрашивается у Питиной по придуманному предлогу, чтобы не провалиться. Тем не менее, за экзамен по истории музыки в конце учебного года умудряется получить «пятерку».

Во втором полугодии Слава начинает ходить на оркестровые занятия, которые проходят на сцене Большого зала консерватории. Младшим оркестром, состоящим из студентов 1 и 2 курсов, руководит профессор и первоклассный альтист Михаил Никитич Тэриан. Он весьма уважаемый в консерватории человек, обвешанный всевозможными званиями и наградами: народный артист Армянской ССР, один из основателей и участник струнного квартета имени Комитаса, бывший солист оркестра Большого театра, заведующий кафедрой оперно-симфонического дирижирования, основатель и дирижер Камерного оркестра Московской консерватории, наконец, лауреат Государственной (Сталинской) премии. Впрочем, хотя он был строг со студентами в отношении порядка и дисциплины в оркестре, Михаил Никитич никогда не смотрел на них свысока, а был прост в общении и наделен отличным чувством юмора.

- Разве так можно играть? – говорит он сердито скрипачке – концертмейстеру группы первых скрипок и просит студентку-альтистку дать ему альт, на котором тут же демонстрирует, как надо играть. При этом весь оркестр громко ржет.

- Что за чепуху ты играешь, – вдруг кричит Тэриан миловидной арфистке, – будешь играть так своему будущему мужу и ублажать его своей никудышной игрой перед сном, а сейчас будь добра играть так, как написано в нотах!

Однажды Тэриан, чем-то недовольный, обращается ко всему оркестру со словами:

- Да вы играете хуже, чем самый захудалый оркестрик где-нибудь на Чукотке или Камчатке! А в оркестр Большого театра даже и не мечтайте попасть!

Под руководством Тэриана консерваторский оркестр готовит программу, которая включает первую сюиту из музыки Грига «Пер Гюнт», 21-ю симфонию Мясковского и концерт для фагота Вебера, в котором солирует замечательный фаготист Валерий Попов, старший брат Шурика Попова. Слава сидит в группе гобоев за вторым пультом, а за первым, – естественно, Шурик. С выученной программой оркестр успешно выступает в Московском доме ученых, а затем в июне – на отчетном концерте в Большом зале консерватории. Михаил Никитич явно доволен игрой оркестрантов и каждому студенту с благодарностью жмет руку, говоря при этом:

- Так вы должны играть не только на концертах, но и на каждом занятии!

Кроме «музыкальных» предметов, Славе приходится проходить и «немузыкальные», которых на первом курсе было четыре: история КПСС, иностранный язык, гражданская оборона и физвоспитание. На первом месте, естественно, стоит история КПСС, лекции по которой читает доцент Журавлева, а семинары ведет доцент Попов. Слава относится к этому предмету довольно равнодушно, не понимая, зачем музыканту надо изучать съезды КПСС. Правда, он сторонник политики партии и ее руководящей роли в жизни советского общества, но это так далеко от его музыкально-творческих интересов! Слушать лекции Журавлевой он еще может, но семинары страшно не

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

того, Слава иногда посещает бассейн, где учится плавать. Теперь он чувствует себя в воде более уверенно и не боится, что утонет.

Однако все его помыслы теперь направлены на одно – на занятия по композиции...

ФАКУЛЬТАТИВ ПО КОМПОЗИЦИИ. 1-Й КУРС

Заручившись обещанием профессора Баласаняна, Слава нетерпеливо дожидается его прихода в консерваторию в конце сентября 1965 года и смело является к нему в класс.

- Да, да, я помню тебя. Был у нас об этом разговор на приемном экзамене, – любезно говорит Сергей Артемьевич. – Напомни только свою фамилию и имя.

- Вячеслав. Давыдов, – выпаливает обнадеженный юноша.

- Хорошо. Давыдов. Ты поступил на духовое отделение?

- Да, поступил и теперь хочу заниматься факультативно по композиции.

- Это похвально, дорогой. Я буду рад твоим успехам. У нас этот факультатив называется подготовительным курсом для поступающих на композиторское отделение консерватории. Кроме композиции, ты должен будешь посещать сольфеджио и гармонию. Без сдачи экзаменов по этим предметам ты не сможешь поступать на композиторское отделение. Пока я подыщу тебе преподавателя по композиции, начинай заниматься по сольфеджио и гармонии.

- У кого? – спрашивает Слава.

- Ты должен подойти к декану теоретико-композиторского факультета профессору Федору Федоровичу Мюллеру, который тебя направит к педагогам по сольфеджио и гармонии. В добрый путь!

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Мне нужно посещать сольфеджио и гармонию на подготовительном курсе композиторского отделения.

- Тогда обратитесь к профессору Агажанову. Желаю успеха! Всего доброго!

Слава благодарит Скребкова, но чувствует себя явно растерянным. Фамилия профессора Агажанова ему ни о чем не говорит. Проходит еще неделя, и Слава, волнуясь, подходит к профессору Агажанову, обращаясь к нему с тем же вопросом.

- Да, да, – говорит, куда-то спеша, Агажанов, – профессор Скребков мне что-то сказал про вас. Но сольфеджио на подготовительном курсе я не веду. Можете ходить ко мне на гармонию, но только как вольный слушатель.

Этот ответ Славу не удовлетворил. Что значит – как вольный слушатель? Получается какой-то заколдованный круг! Юноша до сих пор не знает, какие у него преподаватели на подготовительном курсе! Становится неловко беспокоить то одного, то другого профессора. Это так противно ему, что он начинает подумывать: не отказаться ли от мысли стать композитором, не оставить ли «борьбу»?

И когда Слава был уже близок к отчаянию, он в середине октября в фойе консерватории неожиданно встречается с профессором Баласаняном.

- У меня, Вячеслав, для тебя есть приятная новость, – говорит он, пожимая юноше руку. – Мне, наконец, удалось подыскать тебе педагога по сочинению.

- И кто это? – вне себя от радости, вскрикивает Слава.

- Это наш молодой композитор и преподаватель Анатолий Дмитриевич Быканов, окончивший недавно аспирантуру. Возьми в деканате его телефон, свяжись с ним и договорись о расписании занятий.

- Большое спасибо, – еле сдерживая себя, восклицает Слава. – А кто у меня по сольфеджио и гармонии?

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Тебе сказали, что мы будем заниматься по композиции и гармонии в течение всего учебного года, по окончании которого ты должен будешь сдать экзамены? – спрашивает Быканов.

- Да, сказали, – бодро отвечает Слава, – и я всё сделаю для того, чтобы поступить на первый курс композиторского отделения.

- Что же, дерзай, Слава. А я постараюсь тебе помочь. Что ты хочешь показать мне сегодня? Сыграй, пожалуйста.

Слава ставит на подставку рояля свою толстую нотную тетрадь и играет по ней десять сочиненных им мелодий, после чего нетерпеливо ждет, что ему скажет молодой преподаватель.

- Прямо скажу, что хвалить пока нечего, – говорит серьезным тоном Быканов, – темы квадратны, однообразны по ритму, неинтересны по мелодике и к тому же плохо звучат без гармонического оформления. К следующему занятию ты должен принести мне три-четыре пьесы полностью законченные, с гармоническим сопровождением и интересно сделанные.

- Что значит: интересно сделанные?

- Это значит, чтобы они звучали современно, остро, без избитых штампов и ритмов. Тебе понятно?

- Да, понятно, – отвечает приунывший Слава, – я буду стараться.

- Это хорошо, что ты будешь стараться. Не бойся новизны! А теперь перейдем к гармонии. Здесь наша задача, в отличие от сочинения, состоит в обратном – в усвоении основ классической гармонии. Ты должен правильно играть гармонические последовательности и точно определять их на слух. Особенно важное значение в гармонии имеет модуляция, то есть умение переходить из одной тональности в другую.

- Я знаю, – с уверенностью в голосе произносит Слава, – мы это проходили в музыкальном училище.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

критикует Славу за банальность его тем и гармоний. Юноша пытается спорить с ним:

- Я пишу музыку так, как я ее чувствую, и меньше всего думаю о том, банальная она или не банальная.

- Вот это и плохо, – горячо возражает Анатолий Дмитриевич. – Композитор должен сочинять такую музыку, которая была бы интересна не только ему, но и другим людям. А пока твоя музыка, Слава, меня не задевает. Вот что. Попробуй-ка к следующему уроку сделать одну-две обработки русских народных песен. Некоторые композиторы, такие, например, как Балакирев и Римский-Корсаков, выпускали целые сборники народных песен в своей обработке, а многие великие композиторы использовали народные темы в своем творчестве. Самый яркий пример – русская песня «Во поле береза стояла», которую Чайковский включил в финал своей Четвертой симфонии. Народное творчество всегда питало композиторов разных эпох и стран, и даже такие крупные современные композиторы, как Прокофьев и Шостакович, делали обработки народных песен. Кстати, тебе нравится их творчество?

- Да, очень, – отвечает Слава, кивая головой.

- Значит, тебе не чужда современная музыка?

- Нисколько! Наоборот, я ее очень люблю.

- Вот мы и нашли с тобой общий язык. Возьми в нотной библиотеке консерватории один из сборников русских народных песен и принеси мне к следующему уроку одну-две обработки. Идет?

- Идет! – бодро отвечает Слава. – Мне нравится эта идея. Попробую что-нибудь сделать.

- Вот и договорились, – широко улыбается Анатолий Дмитриевич. – Только обработай народные песни так, чтобы они звучали по-современному, без доминант и субдоминант.

- Хорошо, я постараюсь.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Обязательно позабочусь, – отвечает весело Слава и, загоревшись теперь желанием писать романсы, спешит домой, чтобы перечитать имеющийся у него томик Тютчева и отобрать стихи для музыки. Он отбирает три стихотворения, посвященные природе: «Вечер», «Еще земли печален вид», «Здесь, где так вяло свод небесный», и в течение месяца с воодушевлением сочиняет к ним музыку, принося на урок к Быканову каждую неделю по одному романсу. Первым был «Вечер», пленивший Славу следующими стихами:

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, -
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день,
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

Однако Анатолий Дмитриевич разругал романс в пух и прах:

- Твой романс вряд ли можно спеть. Да и гармония слишком простая. О чем мы с тобой говорили?

- О том, чтобы романс был мелодичный, а гармония – современной.

- Попробуй теперь спеть свой романс.

- Славик начинает петь, но вскоре спотыкается, натолкнувшись на неудобный мелодический оборот.

- Видишь, петь твой романс невозможно! А почему такая простая гармония?

- Потому что в стихотворении Тютчева говорится о тихом летнем вечере, и я подумал, что ему больше всего подходит классическая гармония.

Быканов не может сдержать смеха:

- Ты, Слава, слишком прямолинейно мыслишь. И для этих стихов можно подыскать более современную гармонию. Ты должен полностью переделать романс!

Слава невольно соглашается с учителем. И в таком же духе проходит работа над другими романсами на стихи Тютчева, пока они не принимают вид, удовлетворяющий Анатолия Дмитриевича.

Между тем, наступает весна следующего, 1966 года, и Быканов напоминает Славе, что пора подумать об экзаменах за подготовительный курс для поступающих на композиторское отделение.

- Экзаменационная сессия в этом году будет проходить несколько раньше, чем обычно, в связи с проведением 3-го Международного музыкального конкурса имени Чайковского. До экзаменов остается всего два месяца, и тебе надо будет отчитаться за год наших факультативных занятий. А поскольку ты еще и гобоист, я предлагаю тебе написать к экзамену штук пять пьес для гобоя и фортепиано. Это будет красиво и покажет твою связь со своей специальностью.

- Я согласен с Вами, – отвечает Слава, – тем более, что я уже поступал на композиторское отделение с двумя пьесами для гобоя и фортепиано.

- Да, да, я знаю, – улыбается Быканов, – мне рассказывал об этом профессор Баласанян. Тогда тебя постигла неудача, и ты должен извлечь из нее уроки. Пьесы должны быть написаны в современном стиле! Кроме того, ты знаешь, что должен сдать еще два экзамена – по гармонии и сольфеджио. По гармонии я в общем за тебя спокоен. Выполнение программы идет по плану, но теперь следует уделять больше внимания гармоническо-

му анализу, для чего будем брать пьесы Шопена, Чайковского, Скрябина и других композиторов. А как обстоят твои дела по сольфеджио?

- По сольфеджио я хожу в подготовительную группу педагога Мамедбекова, – бодро отвечает Слава, – и там у меня всё в порядке. Свободно пишу диктанты и пою упражнения.

Однако он не стал говорить Быканову, что требования у Мамедбекова невысокие и программа по сольфеджио для него легкая.

В течение двух месяцев, в марте и апреле, Слава сочиняет пять пьес для гобоя и фортепиано, над которыми с увлечением работает за роялем. Однако Быканов на занятиях одобряет только одну из них – скерцо си минор, а остальные безжалостно бракует.

- Почему? – спрашивает огорченный Слава.

- Потому что ты опять в своих пьесах опираешься на классическую гармонию.

- А для чего тогда мы ее изучаем?

- Снова сказка про белого бычка! – повышает голос Анатолий Дмитриевич. – Сколько раз я тебе говорил, что классическая гармония не подходит для современной музыки! Предмет «гармония» существует сам по себе, а творчество – само по себе. Гармонию мы проходим потому, что она входит в программу консерваторского обучения. А теперь сделаем гармонический анализ одной из прелюдий Скрябина.

Быканов достает с полки ноты и ставит их на рояль.

- Возьмем для примера фа мажорную прелюдию опус 42. Назови: какие здесь аккорды и модуляции? – спрашивает учитель, проигрывая ноты на рояле.

Слава отвечает, хотя и чувствует некоторую неуверенность.

- Что же, в основном правильно. Между прочим, со Скрябина начинается эпоха современной музыки. Слушай как можно больше композиторов XX века, особенно таких, как Малер,

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

в музыкальном училище при консерватории, сыграть с ним программу, состоящую из скерцо для гобоя и фортепиано и обработок четырех народных песен. Во время репетиции на вопрос Славы: «Как?» Валера отвечает: «Недурно».

И вот настает 28 мая – день экзамена по сочинению, который проходит одновременно у учащихся подготовительного курса и студентов четвертого курса композиторского отделения. За длинным столом, покрытым зеленой скатертью, восседает экзаменационная комиссия. Это сам Арам Ильич Хачатурян, которого Слава видит так близко впервые, композиторы Баласанян, Голубев, Фере, Сидельников и, конечно, его педагог Быканов. Общая атмосфера в зале, расположенном на первом этаже в новом корпусе консерватории, праздничная, торжественная, как будто все находятся в ожидании чего-то нового, необычного. Экзаменующиеся страшно волнуются, и, кажется, Слава – больше всех. Сначала слушают сочинения «подготовишек», и одним из первых со своими опусами выступает на гобое в сопровождении Валеры Афанасьева Слава. Во время игры он чувствует на себе пытливый, прожигающий до костей взгляд Хачатуряна и потому от страха играет хуже, чем мог бы сыграть. По окончании игры Слава с надеждой смотрит на Быканова, который в знак одобрения кивает головой. После двухчасового ожидания решения своей судьбы он по окончании экзамена подходит к Анатолию Дмитриевичу и с замиранием сердца спрашивает: «Как?»

- Экзаменационная комиссия отметила, – невозмутимо говорит Быканов, – что ты сделал определенные успехи по сочинению, но при этом считает, что для поступления на первый курс композиторского отделения ты еще не созрел. Мы ставим тебе оценку «удовлетворительно» и предлагаем, чтобы ты еще один год занимался на подготовительном отделении. А там будущий экзамен всё покажет. Твоим заданием на лето будет сочинение не менее 30 пьес в форме периода. Желаю успеха!

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ским, с которым он посещает занятия по физкультуре, и Светой Козловой, чьи сочинения он слушал на консультации перед приемным экзаменом по композиции, восприняв их как чистую какофонию. Это была скромная, не очень красивая девушка, вся одержимая творчеством. Слава нередко видит Свету с мамой, кормящей ее пищей из своей сумки. Чувствовалось, что они очень нуждаются, и однажды юноша предлагает им деньги в долг без возврата. Из всех студентов на первом курсе у Славы не складываются отношения только с трубачом Степурко – явным антисемитом с Украины. Этот негодяй часто пристает к нему, и юноша, не имея обыкновения жаловаться кому-либо, сам дает ему решительный отпор. При этом ребята обычно бывают на стороне Славы, и Степурко приходится ретироваться. Жуткий, отвратительный тип, хотя и хороший трубач.

Зимой Славу назначают старостой группы, в обязанности которого входит отмечать в журнале присутствие студентов на занятиях. Предыдущий староста оказывается в этом деле недобросовестным, и тогда секретарь оркестрового факультета Ольга Федоровна предлагает Славе занять его место. Декан факультета Татьяна Алексеевна Гайдамович была настоящей грозой для студентов, которым от нее сурово доставалось за пропуски уроков без уважительных причин. Нужно вести строгий учет прогульщиков, и Слав попадает в сложное положение: с одной стороны, ребята просят отмечать их «присутствие» во время отсутствия, с другой стороны, он не может обманывать Ольгу Федоровну и Татьяну Алексеевну. И Слава находит компромиссный выход: он отмечает в журнале только тех студентов, которые полностью или хотя бы частично бывают на занятиях. Особые проблемы создает для него Боря Ривчун, имеющий обыкновение опаздывать на уроки и при этом произносить свою любимую фразу: «Виноват. Стечение обстоятельств», после чего весь класс дружно ржет. Доволь-

ная добросовестным отношением Славы к обязанностям старосты, Татьяна Алексеевна, ведущая в консерватории класс ансамбля, благоволит к нему и даже однажды говорит, что его глаза похожи на глаза Христа... А вот ректора консерватории профессора Александра Васильевича Свешникова, сменившего на этом посту композитора Шебалина еще в 1948 году и совмещающего ректорство с руководством Государственным академическим русским хором СССР, Слава видит довольно редко.

Юноша продолжает покупать и слушать дома пластинки в большом количестве. Но ему это кажется недостаточным, и узнав, что в консерватории имеется кабинет грамзаписи с огромным выбором произведений композиторов разных эпох и стилей и с возможностью слушать музыку по нотам, выдаваемым в библиотеке, он становится одним из самых активных его посетителей. Слава неожиданно увлекается составлением полных списков произведений наиболее известных композиторов, которые помечали свои сочинения опусными номерами. Беря в библиотеке всевозможные справочники и монографии, он просиживает за этим делом в читальном зале часами и аккуратно выписывает в специальной тетради перечень произведений Моцарта (каталог Кёхеля), Бетховена, Шуберта, Шумана, Брамса, Дворжака, Чайковского, Римского-Корсакова, Прокофьева, Шостаковича и других композиторов. Однако, догадавшись, что это нисколько не приближает его к заветной цели стать композитором, он оставляет это занятие, освободив время для сочинения музыки и чтения.

Большую часть времени у Славы забирает слушание музыки, поэтому на чтение его остается не так много. В читальном зале консерватории он регулярно читает прессу – газеты «Правда», «Советская культура», журнал «Новое время» и внимательно следит за событиями в стране и мире. Его бесконечно радуют успехи СССР в космосе – запуск на Луну космических аппара-

тов «Луна-9» и «Луна-10», интересуют материалы XXIII съезда КПСС, он испытывает глубокое сочувствие к вьетнамскому народу, страдающему от американских бомбардировок. Из прочитанных книг сильное впечатление на него производят «Игрок» Достоевского (невиданным накалом страстей), «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина (бесцельностью жизни Иудушки Головлева), пьеса «Пеллеас и Мелизанда» Метерлинка (поэтичностью и загадочной символикой), монография «Гендель» Ромена Роллана (обстоятельным разбором жизни и творчества великого композитора). Слава с интересом знакомится с новой для него поэзией Тютчева, Рождественского и Евтушенко, из которых ему особенно близок первый. Он начинает читать «Фауста» Гете и первую часть исследования «Интонация как процесс» Асафьева, но не доводит их чтение до конца: Гете он еще не в состоянии оценить, а Асафьев труден для понимания...

Жизнь Славы за пределами стен консерватории протекает не менее интересно. Он живет в Варсонофьевском переулке с мамой в коммунальной квартире на первом этаже и пользуется всеми благами свободы, недоступными ему в детском доме. У мамы нелегкий, тяжелый характер, и сыну приходится терпеть ее брань, когда она бывает чем-то недовольна. Она по состоянию здоровья не работает, получая небольшую пенсию по инвалидности, и вместе со стипендией Славы им денег на жизнь явно не хватает. И вот в октябре мама просит сына поехать к ее родному брату, дяде Захару, за помощью. Ведь он еще летом обещал помогать племяннику при условии, если он поступит в консерваторию. Слава поступил – и за чем теперь стоит дело? Но ему противно и унизительно просить помощь и Слава под всяческим предлогом отказывается ехать. Матери это надоело, и она, угрожая, кричит на него:

- Пока не съездишь к дяде Захару, никакого обеда не получишь!

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Вместе с тем, Слава чувствует, что в нем пробуждается туристическая жилка. В доме на стенах висят карты Москвы, Советского Союза, Европы, Америки, на столе стоит глобус, в сумке лежит атлас, и он мечтает побывать в близких и дальних странах. Для этого нужны деньги, и большие деньги. И тогда он покупает лотерейные билеты аж на 7 рублей в надежде выиграть «Москвич». Но не выигрывает даже и рубля! Впрочем, Слава не очень переживает по этому поводу, так как впереди его ждут летние каникулы, во время которых он намечает осуществить свои многочисленные планы...

КОМСОМОЛ. КУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА

Слава, как бы ни был загружен учебой, совмещая занятия на духовом отделении с факультативом по композиции, не отказывается от несения общественной нагрузки и вновь переизбирается комсоргом у духовиков на 2-ом курсе. В списке группы к тому времени уже состоит 19 человек, это, кроме него, флейтисты Валера Рябченко, Люда Кондратьева, Лия Манилова, Света Рахимова, гобоист Леша Петров, кларнетисты Саша Иванов, Лева Киракосян, Боря Ривчун, фаготисты Витя Соломатин, Леня Горохов, трубачи Саша Балашов, Витя Фомичев, валторнист Толя Шарапан, тромбонисты Леша Лукьянченко, Володя Мухутдинов, Толя Саркисян, тубист Саша Басов, «ударник» Юра Годин. Любопытно, что комсомольцами не были гобоисты Шура Попов, Сережа Карпенко и «ударница» Алла Мамыко, говорившие, что они могут прекрасно прожить и без комсомола. Хотя в комсомольскую ячейку входят ребята разных национальностей, характеров и взглядов, отношения в группе достаточно дружеские, и часто не обходится без различных шуток и хохм. Все они - хорошие музыканты, каждый занят своими проблемами и больше всего - борьбой за суще-

ствование, чтобы где-то подработать. Особенно тесно Слава дружит с Лешей Петровым, Сашей Ивановым, Витей Соломатиным и Витей Фомичевым, почему-то называющим его «стариком».

Что касается девушек, то Слава не равнодушен к миниатюрной и привлекательной студентке из Башкирии Свете Рахимовой, живущей в общежитии, но когда случайно узнает, что она замужем, то осознает, что его шансы биты. Из всех девушек на курсе умом, образованностью и начитанностью выделяется Алла Мамыко из Украины, занимающаяся в классе ударных инструментов и консультирующая иногда юношу по английскому языку.

В обязанности Славы, как комсорга, по-прежнему входит собирание членских взносов (10 копеек в месяц), прием в комсомол новых членов, выбор кандидатов на комсомольские конференции, продажа лотерейных билетов, организация помощи в подготовке к экзаменам, а в этом учебном году прибавляется кампания по обмену старых комсомольских билетов на новые. На курсовом комсомольском собрании в присутствии профессора Юлия Григорьевича Ягудина каждый студент должен был выступить и рассказать, что он сделал для комсомола. По решению собрания всем утверждают обмен билетов, кроме Толи Шарапана, честно признавшегося под общий смех собравшихся, что он не знает, для чего состоит в комсомоле. Зато на 2-ом курсе в комсомол принимают флейтиста Витю Маковеева - застенчивого и успевающего по всем предметам юношу.

По своей должности Слава не пропускает ни одного вузовского комсомольского собрания или конференции. Особенно интересным ему показалось собрание 2 ноября 1966 года в Малом зале консерватории, на котором происходит встреча с выпускниками 30-ых, 40-ых и 50-ых годов. Славе запоминается яркое выступление композитора Владимира Василье-

вича Бунина, говорившего о благотворной роли комсомола в студенческой жизни его времени. На собрании инструктор Московского горкома комсомола под дружные аплодисменты вручает комсомольской организации консерватории почетную грамоту горкома. А чуть позже на комсомольском собрании оркестрового факультета, проходившем довольно весело при участии того же профессора Ягудина, Славу избирают в члены бюро и редколлегию стенной газеты «Оркестрант».

30 ноября в большом 21-ом классе проходит отчетно-выборная конференция всей комсомольской организации консерватории, на которой с большой и содержательной речью выступает первый секретарь Фрунзенского райкома комсомола. Его речь, посвященная проблеме воспитания чувств у молодого поколения посредством искусства и роли в этом музыкантов - студентов консерватории, производит на Славу неизгладимое впечатление. Вместе с тем он впервые задумывается над тем, нужен ли вообще комсомол, членство в котором для многих носит скорее не подлинный, а формальный характер. Не лучше ли будет создать молодежную секцию в самой Коммунистической партии? Тогда тысячи молодых людей автоматически расстанутся с комсомолом, в котором, как сказал валторнист Шарапан, они сами не знают, для чего находятся, и в молодежную секцию партии вступят лишь те, кто имеет к этому желание. Слава делится этой идеей с профессором Ягудиным, который ее не приветствует...

12 декабря консерватория прощается с известным композитором, профессором Юрием Александровичем Шапориным, не дожившим год до своего 80-летия. Автор оперы «Декабристы», трех ораторий, вокальных и камерно-инструментальных произведений, он оставил заметный след в советской музыке. Слава, присутствовавший на гражданской панихиде в Малом зале консерватории как представитель комсомольской организации оркестрового факультета, к своему стыду, мало зна-

ком с его творчеством. Он слушал на концертах в Большом зале консерватории оратории «На поле Куликовом» и «Доколе коршуну кружить», которые своей героико-эпической музыкой произвели на него большое впечатление.

А 8 февраля 1967 года уходит из жизни крупнейший музыкальный теоретик, профессор Сергей Сергеевич Скребков, о смерти которого Слава узнает из некролога, помещенного в газете «Правда». Проживший, как и Прокофьев, 62 года, он оставил после себя значительные труды по гармонии, полифонии, анализу музыкальных произведений и стилей, по которым училось не одно поколение советских теоретиков и композиторов. Слава с трепетом вспоминает свою единственную встречу с Сергеем Сергеевичем осенью 1966 года, когда он обратился к нему с просьбой дать ему педагога по гармонии...

1-го марта Слава, как комсорг, присутствует в помещении партбюро на собрании комсомольского актива оркестрового факультета, на котором обсуждаются вопросы слабой комсомольской работы, успеваемости, посещаемости политчасов, обмена комсомольских билетов и т.д. На нем с критическими речами выступают секретарь комитета комсомола консерватории Олег Иванов, декан оркестрового факультета Татьяна Алексеевна Гайдамович и профессор Юлий Григорьевич Ягудин, курирующий комсомольскую организацию. Славе досадно, что он единственный из комсоргов, кто пришел на этот актив, и сожалеет о напрасно потерянном, так не хватающем ему времени.

И вот наступает число 23 марта, когда юноша едет во Фрунзенский райком комсомола, где ему и большому количеству студентов оркестрового факультета на торжественной церемонии вручают взамен старых новые комсомольские билеты. С этим событием их поздравляют проректор по учебной работе консерватории Рюмин, сменивший Лапчинского, и какой-то старый большевик, пожавший Славе руку и сказавший

ему: «Будь как великий Ленин!». Юноша продолжает верить в дело Ленина и потому испытывает воодушевление при вручении ему нового комсомольского билета. Он возвращается домой в восторженном состоянии, которое так гармонирует с сияющим на синем небе весенним солнцем. А через месяц с небольшим он соглашается принять участие в первомайской демонстрации на Красной площади, представляя духовое отделение своего курса. Впереди большой консерваторской колонны идет военный духовой оркестр, состоящий из курсантов Военно-дирижерского факультета и бравурной музыкой создающий радостное праздничное настроение. Кругом красные флаги, транспаранты, портреты руководителей партии и правительства, цветы, воздушные шары, сияющие, улыбающиеся лица. На Красной площади все глаза устремлены на трибуну мавзолея, с которой высшее руководство во главе с Брежневым тепло приветствует многочисленные колонны трудящихся. Разве такое забывается?

Однако состояние эйфории длится недолго, и после праздников Слава вновь погружается в дела и заботы повседневной жизни. Все его мысли по-прежнему заняты музыкой, и почти все свое свободное время он делит между ее сочинением, слушанием и проигрыванием на пианино. Справедливо полагая, что ему, как будущему композитору, необходимо знать как можно больше музыки, Слава каждый месяц после получения стипендии покупает пластинки , превращая обход музыкальных специализированных магазинов на улицах Арбат, Горького, Садовой-Триумфальной , Кирова , в ГУМе и в «Детском мире» в некий священный обряд. При покупке новых пластинок он испытывает огромную радость и спешит домой, чтобы как можно скорее их послушать. По-прежнему приоритет отдается его любимым композиторам Бетховену, Чайковскому, Прокофьеву и Шостаковичу, чьи произведения приобретаются в первую очередь с целью со временем иметь дома полное

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

также покупает пластинки с записью голосов Шаляпина, Собинова, Неждановой, русских, азербайджанских, грузинских, армянских и массовых песен.

Наряду со слушанием музыки Слава любит проигрывать на пианино особенно важные для него ноты. Это сборники русских народных песен в обработке Римского-Корсакова и Балакирева, клавиры опер «Сказание о граде Китеже и деве Февронии», « Пиковая дама», «Война и мир», партитуры симфоний Бетховена и Шостаковича, песни из цикла «Прекрасная Мельничиха» Шуберта, романсы Глинки и др.

На 2-ом курсе Слава неожиданно для себя увлекся литературными записями, начав с поэмы «Владимир Ильич Ленин» Маяковского в блистательном исполнении Астангова. Это ему настолько понравилось, что он затем покупает пластинки с записями композиций по книгам «Витязь в тигровой шкуре» Руставели и «Декамерон» Боккаччо в исполнении Кочаряна, поэмы «Медный всадник» в исполнении Журавлева и повести «Метель» Пушкина в исполнении Ильинского, поэмы «Демон» в исполнении Мордвинова и повести «Бэла» в исполнении Ливанова, голосов русских писателей (1 серия). Особенно сильное впечатление на Славу производит образ лермонтовского Демона, близкого ему ощущением полного одиночества и отчужденности среди людей. Отныне литературные записи входят в его жизнь так же, как и музыкальные, и постепенно приобретаются пластинки со стихами Пушкина в исполнении Журавлева, Лермонтова в исполнении Качалова, Некрасова в исполнении Ильинского, Блока в исполнении Аксенова, баснями Крылова в исполнении Грибова.

А вот на концертах Слава за неимением времени почти не бывает. Так, на концерт студентов духового отделения в ноябре в Малом зале консерватории он приходит не по желанию, а по просьбе своих однокурсников. Зато в его памяти остаются три совершенно особых концерта. 23 декабря 1966 года

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Слава вновь встречается с Георгием Михайловичем, а также с его бывшим учеником Игорем Ключинским и преподавателем по классу флейты и ансамбля Александром Трофимовичем Зыковым, который сообщает ему, что его приятель по музыкальной школе Коля Марков оставил музыку и поступил в институт автомобильного транспорта. Начавшийся затем концерт так затягивается, что Слава, не дождавшись его окончания, уезжает домой.

О дневном концерте оркестра итальянской академии «Санта Чечилия» в Большом зале консерватории 19 мая юноша узнает случайно и поэтому, опоздав, успевает только на его второе отделение. Оркестр играет три пьесы Бузони, прелюдию «Послеполуденный отдых Фавна» и сюиту из балета Стравинского «Жар-птица» и встречает восторженный прием публики. Слава, впервые слышащий « живой» иностранный оркестр, кажется, аплодирует сильнее всех, внимательно вглядываясь в лица итальянских музыкантов.

Третий необычный концерт, на который юноша также попадает случайно , состоялся на открытом воздухе 28 мая 1967 года. В тот день, проходя мимо библиотеки имени Герцена, он видит афишу, призывающую всех желающих на праздник песни у Большого театра , и тут же из любопытства направляется туда. У театра его глазам открывается удивительная картина: в окружении огромных толп народа прямо у колонн сидит оркестр, за ним на ступенях размещается хор, а за пультом стоит дирижер Большого театра Борис Хайкин. Исполнялась музыкальная композиция, посвященная 50-летию Октябрьской революции: хоры из опер Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, «Сеча при Керженце» и революционные песни. Надо ли говорить, что с каким восторгом Слава слушает концерт, по окончанию которого кричит со всеми «браво!» , жалея о том, что такие концерты проходят так редко...

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

посколько существующие в воображении Славы образы героев Гоголя совпадали с тем, как их воплощали своей игрой артисты. В комедии весело высмеиваются чиновники провинциального городка России первой половины Х1Х века, которые настолько погрязли во взяточничестве и безделье, что, боясь разоблачения, принимают за ревизора молодого беспутного хвастуна. Юрий Соломин в роли Хлестакова и Евгений Весник в роли городничего были великолепны. Прекрасно играли и другие актеры: Владиславский (смотритель училищ), Головин (Земляника), Буренков (Тяпкин-Ляпкин), Попов (почмейстер), Любезнов (Осип), Еремеева (жена городничего), Пирогова (дочь городничего) и другие.

В феврале Слава идет в Художественный театр на спектакль «Мария Стюарт» , поставленный по известной драме Шиллера - немецкого поэта и драматурга, высоко им чтимого. В основу пьесы положена одна из переломных страниц в английской истории ХУ1 века: противоборство английской королевы Елизаветы и претендентки на английский престол Марии Стюарт. Хотя Елизавета подписывает ей смертный приговор, духовная победа остается за Марией, чью уверенность в своей правоте и душевную чистоту прекрасно передает знаменитая Алла Тарасова, тогда как Елизавета в исполнении Елены Ханаевой показана пусть и царствующей, но неуверенной в себе, колеблющейся женщиной. Хорошо играют свои роли Массальский (граф Лейстер), Тарханов (Берли), Губанов (Мортимер), Марков (Мельвиль) и другие. Общее впечатление от спектакля превосходное.

Не менее сильное впечатление у Славы остается от спектакля «Живой труп» в театре имени Вахтангова, который он посещает в марте впервые. Пьеса Льва Толстого прежде всего поражает его образом главного героя Федора Протасова, опустившегося, но честного человека, решившегося на самоубийство, чтобы сделать счастливыми свою жену Лизу и любящего

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ливцев, которые восстают против торгашеского и лицемерного мира помещицы Гурмыжской. Их роли психологически точно играют Г.Вицин и И.Соловьев. Хочется также отметить артистов В.Павлова (Буланов), В.Щеглова (Восьмибратов), Д. Фивейского (Карп), Губину (Улита) и др. А вот Э.Урусова в роли Гурмыжской не произвела особенного впечатления. Но в целом спектакль удался!

К киноискусству, как и к театру, Слава не равнодушен, хотя и не всегда у него получается смотреть фильмы регулярно. Чаще всего он бывает в кинотеатрах «Метрополь» с его тремя залами, «Уран», «Россия»,«Эрмитаж» и Повторного фильма, расположенных недалеко от его дома или консерватории. Из просмотренных им на 2-ом курсе кинокартин ему особенно запоминаются «Никто не хотел умирать», «По тонкому льду», «Летят журавли», «26 бакинских комиссаров», «Сколько лет, сколько зим», «Берегись автомобиля», «Ноктюрн», «Горные мстители» (польский), «Игра без ничьей», «Смерть зовется Энгельхен» (чехословацкий), «Человек, которого я люблю», «Огонь» (венгерский), «Ярость», «Встреча на Эльбе», «Два года над пропастью», «В городе С», «В 26-го не стрелять», «Катерина Измайлова» (экранизация оперы Шостаковича с великолепной Галиной Вишневской в главной роли). А после просмотра документального фильма «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», как и спектакля «Москва - Волоколамск», у Славика возникает большой интерес к истории Великой Отечественной войны.

Другой важной частью своей культурной программы юноша считает посещение московских музеев и выставок. Если в Третьяковской галерее он бывал и раньше, то с музеем изобразительных искусств имени Пушкина знакомится впервые. Здесь он открывает для себя прекрасное искусство Древней Греции и эпохи Возрождения, итальянскую, французскую, немецкую , голландскую и испанскую живопись XУ11 - X1X

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

концертмейстера Наталью Львовну Зломанову, которые всегда рады его приходу. Не так часто он бывает в районе Таганки в гостях у Елизаветы Григорьевны Браславской, чей сын Саня вместе со Славой был воспитанником 50-го детского дома. Она отдает его в виолончельный класс по линии педпрактики при консерватории, но мальчик совершенно равнодушен к музыке, проявляя настоящий интерес лишь к автомобилям. У него довольно грубый характер, и Славе не раз приходится быть свидетелем не очень приятных сцен между матерью и сыном. Впрочем, проучившись музыке с грехом пополам два года, Саня бросил виолончель.

Зато намного приятнее Славе бывать у своих новых друзей Вали Спасского и Олега Жухина. С ними интересно говорить об искусстве, музыке, литературе, политике и делиться своими впечатлениями от увиденного, услышанного и прочитанного. И все-таки чувство одиночества не покидает Славика, ибо он лишен в жизни главного - любви...

ЛЕТО 1967 г. МАМА. ЧТЕНИЕ. ИСТРА

20 июня в консерватории заканчивается экзаменационная сессия, по случаю успешной сдачи которой мама дарит Славе новый красивый портфель серого цвета. Начинаются летние каникулы, на которые юноша, как всегда, составляет обширные планы. Теперь основное время он проводит дома и чаще, чем раньше, общается с мамой Несмотря на это, рядом с ней он чувствует себя несколько одиноко, чему есть свои причины. С одной стороны, она заботится о нем, следит за его питанием, одеждой, чистотой, здоровьем, при скромном достатке тратя на него основную часть семейного бюджета и жертвуя собственным благополучием. С другой стороны, имея нелегкий, вспыльчивый, деспотичный характер, она нередко

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ведение искусства, то как проявляется внутренняя красота? Юноше тогда еще не известно выражение Достоевского «красота спасет мир», но он исподволь чувствует, что мир не может существовать без красоты.

Во время второго выезда на природу мама и Слава посещают Иосика, которого он не видел полгода, а мама и того больше. Через Мосгороно она узнает, что он находится в интернате, расположенном в районе станции метро «Молодежная». «Какой он теперь? Такой же или изменился к лучшему?» - думает про себя Слава, не в состоянии забыть душевную боль, которую причинил ему неуправляемый тогда мальчик в период проживания осенью на их квартире с тетей Сипро. И все-таки он не может скрыть радость при виде своего двоюродного братца после шести месяцев разлуки. Впрочем, эта радость была обоюдной, а о маме и говорить не приходится. Мальчика отпускают из интерната на свидание с родственниками на два часа, и, пройдя вглубь растущего по соседству леса, они втроем усаживаются на поляне у дороги и принимаются за обильную пищу, привезенную из дома мамой. Затем Слава предлагает Иосику прогуляться с ним по лесу и, убедившись во время их беседы , что он стал другим , а точнее, вновь воспитанным, благоразумным и послушным мальчиком, каким был до поездки на Кавказ, прощает ему все нанесенные им обиды.

Третью поездку мама со Славой совершают в Измайловский парк, преследуя при этом две цели: внести очередную плату за прокат пианино и вновь пообщаться с природой. Гуляя по парку, который юноша хорошо знает по зимним лыжным прогулкам, они вдруг слышат звуки баяна и дуэт двух женщин, задорно поющих под него русские частушки. Подойдя поближе, мама и Слава видят, как их сменяет другая женская пара, которая после пения тех же частушек пускается в пляс. Слушание частушек наводит его на вопрос, который до этого возникал в его голове не раз: в чем проявляются особенности

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

случае, если что-то случится. В-3-их, чтобы Славик пришел к нему за сентябрьской «получкой» в конце августа, В-4-ых, его старшая дочь Алла окончила в этом году школу-десятилетку с золотой медалью и стала победительницей на юношеских соревнованиях по плаванию в Венгрии. И, в-5-ых, тетя Сипро сейчас находится в бакинской больнице.

Поблагодарив дядю Захара за помощь и поздравив его дочку Аллу с большими успехами, Слава едет домой и по дороге вновь задумывается о своей будущей судьбе, с ужасом вспоминая свое фиаско на экзамене по композиции и пытаясь более объективно взглянуть на страстное желание стать композитором. Да, он будет и дальше продолжать сочинять музыку и попробует написать камерное произведение для духового квартета или квинтета, после исполнения которого на него на кафедре композиции, возможно, обратят внимание и сами предложат перейти на композиторское отделение. Так или иначе, он теперь твердо решает гобой не бросать и кончать консерваторию как гобоист. Придя домой, Слава с грустью записывает в дневнике, стремясь понять свое состояние: «Мне кажется, что я нахожусь в стороне от крупных событий, от общественной жизни страны. Меня пока никто не знает, ибо я еще ни в чем не проявил себя. А ведь люди только и стремятся к тому, чтобы чем-то выделиться, получить известность, прославиться, находя в этом удовольствие. Вот и я попался на ту же удочку, только мое желание столкнулось с невозможностью его осуществить».

И Слава с еще большим рвением берется за музыку: сочиняет пьесы для фортепиано, штудирует учебники, слушает купленные им пластинки с записями классической, современной и народной музыки, занимается дома на пианино, проигрывая гаммы, этюды, инвенции Баха, сюиты Генделя, сонаты Моцарта и Бетховена и упорно разучивая ре минорную прелюдию и фугу и 1 тома «Хорошо темперированного клавира» Баха и 1

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

на его долю несчастьями, преодоление страдания на пути к свету и радости. Как можно жаловаться на свою жизнь, если у Бетховена была жизнь в сто раз тяжелей? Слава видит также большую пользу в знакомстве с литературным наследием великих композиторов, читая статьи о музыке Чайковского, Бородина, Шумана, Дебюсси, Мясковского, «Летопись моей музыкальной жизни» Римского-Корсакова, письма Мусоргского, Прокофьева и др. Из пособий юноша внимательно изучает «Учение о гармонии» Тюлина, «К вопросу о теории канонической имитации» Корчинского и малый энциклопедический словарь «Спутник музыканта», статьи из которого значительно обогащают знания Славы в области истории и теории музыки.

Юноша продолжает активно читать и художественную литературу, причем книги он берет как в консерваторкой библиотеке, так и в районной имени Герцена на улице Петровские линии, недалеко от дома. Летом Слава предпочитает ходить в библиотеку-читальню имени Тургенева на Сретенском бульваре и в хорошую погоду сидеть за чтением здесь же, на бульваре, облюбовав одну из скамеек. Он серьезно увлекается драматургией Шиллера и, кроме «Марии Стюарт», прочитывает пьесы, составляющие трилогию о Валленштейне: «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна», посвященные борьбе Католической лиги против Евангелической унии во время тридцатилетней войны в Германии в первой половине XУ11 века. Из пьес Шекспира Слава читает только «Гамлета», зато обращается к таким вершинам древнегреческой и римской литературы, как поэмы «Илиада» Гомера и «Энеида» Вергилия, погружающие его в далекие события древней эпохи, которые тогда не происходили без активного участия богов...

Но еще больше Слава читает русскую литературу, при этом основное внимание уделяя творчеству Пушкина, которое, к своему стыду, знал плохо. В этот раз он стремится охватить

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

века, не нашедшего себе места в тогдашнем русском обществе и обреченного на скуку и бездействие. Из рассказов Чехова, кроме «Палаты № 6», которую Слава читал вторично, он выделяет «Ионыча», в котором повествуется о несостоявшейся любви уважаемого в уездном городе доктора к молоденькой пианистке Кате. «Взгляните, люди, на себя, поймите , как вы низки, убоги и тогда только увидите, как хороша жизнь», - такими словами заканчивает Чехов свою повесть. Что касается трилогии Погодина о Ленина, то Славе нравится, как в ней показан образ вождя революции, забавного и беспомощного в быту и страстного, бескомпромиссного в борьбе за победу идей коммунизма.

Наряду с художественной литературой Слава с удовольствием читает некоторые философские работы, среди которых «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» Энгельса и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Под влиянием этих трудов юноша становится яростным материалистом и атеистом, не признающим существование Бога, что мешает ему в дальнейшем иметь более объективный взгляд на мир. Находит он время и для чтения книжек по астрономии из серии «научно-популярная литература», проявляя большой интерес к покорению человеком космоса, строению Солнечной системы и всей Вселенной.

Желая также знать, что происходит в стране и мире, и не только в области политики, но и культуры, Слава регулярно прочитывает в читальном зале прессу, отдавая предпочтение газетам «Правда» и «Советская культура», журналам «Новое время» и «Советская музыка». Наиболее важные события: празднование в декабре 1966 года 25-летия Московской битвы, открытие у Кремлевской стены могилы Неизвестного солдата, вручение Леониду Ильичу Брежневу Золотой звезды Героя Советского Союза по случаю его 60-летнего юбилея, продолжающаяся война во Вьетнаме и бомбардировка американ-

ской авиацией Ханоя, отправка на Луну нового космического аппарата Луна-13, подписание договора о деятельности государств в космическом пространстве, культурная революция и антисоветская истерия в Китае, убийство Роберта Кеннеди в феврале 1967 года в Новом Орлеане. Со всей страной Слава тяжело переживает кончину в апреле министра обороны, маршала Советского Союза Р.Я.Малиновского, неудачный полет космического корабля «Союз-1» и гибель летчика-космонавта Владимира Комарова, переворот «черных» полковников в Греции, смерть скульптора Манизера. Вместе тем, он радуется победе Юрия Темирканова на Всесоюзном конкурсе дирижеров в Ленинграде, присуждению Ленинской премии композитору Кара Караеву и руководителю Ансамбля народного танца Игорю Моисееву, награждению Д.Д. Шостаковича высшей наградой Австрии.

В начале июня газета «Правда» публикует тезисы ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Читая их, Слава впервые задумывается над тем, насколько прав был Ленин, решив в 1917 году захватить власть в свои руки. И хотя сами цели революции - всеобщее братство, равенство и счастье - были благородны и справедливы, результатом насильственного захвата власти большевиками стало возникновение в мире двух враждующих общественных систем - социалистической и капиталистической. Их непримиримое противоборство постоянно является источником международной напряженности и угрозы всеобщему миру...

Особенно широкий резонанс в мире получает шестидневная война между Израилем и арабскими странами, разразившаяся в июне 1967 года. Под влиянием антиизраильской пропаганды и не зная всей правды об этой войне, Слава с мамой сочувствуют арабским странам, подвергнувшимся, как писали советские газеты «агрессии со стороны израильской военщины». Когда становится очевидной победа Израиля над арабскими

странами, Советский Союз предпринимает все усилия ,чтобы остановить войну и спасти от окончательного краха арабские режимы в Египте и Сирии. С этой целью в Нью-Йорке срочно собирается Совет Безопасности и открывается Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на которую прибывает председатель Совета министров СССР Косыгин. Он дважды встречается с президентом США Джонсоном и добивается решения ООН о прекращении на Ближнем Востоке всех военных действий, тем самым предохраняя арабские страны от полного поражения. Только потом, спустя годы, Славе будет ясна грязная политика Советского Союза перед началом и во время шестидневной войны. Ведь тогда были разорваны дипломатические отношения с Израилем и на многих предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях проходили бурные собрания в пользу поддержки арабских стран и осуждения Еврейской страны. Хорошо, что такого позорного собрания не было в Московской консерватории...

Наступает июль, и перед Славой встает кардинальный вопрос: где провести два оставшихся летних месяца? Ему очень хочется вновь поехать в Пансионат на Клязьменском водохранилище, где он так хорошо отдыхал в прошлое лето, но в профкоме консерватории ему сказали, что бесплатная путевка студенту полагается только один раз и что теперь он должен заплатить 35 рублей. Юноша говорит об этом маме, но она не советует ему покупать путевку (слишком дорого!) и вместо Пансионата агитирует ехать с ней в третий раз на Кавказ. Но у Славы свои летние планы относительно занятий по музыке, чтения и культурной программы, и он наотрез отказывается от дальней поездки. Поэтому в это лето он остается с мамой в Москве, регулярно выезжая с нею за город на природу и посещая московские музеи и достопримечательности. Чтобы больше успеть сделать и прочитать, Слава решает изменить режим дня, когда утром он вставал очень поздно и вечером ложился

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ки кантаты Шостаковича «Над Родиной нашей солнце сияет» Слава проникается духом великой эпохи, в которую он живет.

Спустя две недели Слава отправляется к Красной площади, на которой видит множество иностранцев - участников и гостей Московского международного кинофестиваля. В этот раз он хочет побывать в соборе Василия Блаженного, в котором до этого никогда не был. Восхищенный внутренним убранством собора, Слава через Боровицкие ворота проходит в Кремль, где также впервые посещает три главных собора - Успенский, Архангельский и Благовещенский, а также церковь Ризположения и Патриаршие палаты. Как и собор Василия Блаженного, они удивляют его великолепными фресками, иконостасами, предметами богослужения и переносят его в допетровское время русской истории, наполненное усилением христианской веры, народными бунтами, войнами, смутами и казнями . Особенно сильное впечатление на Славу производит Архангельский собор, в котором находятся могилы русских царей и выделяющаяся среди них могила Ивана Грозного. А через неделю он посещает Исторический музей, поражающий его обилием и богатством своих экспонатов. Вместе с тем, Слава с грустью думает о том, что людей, представленных на картинах, портретах и фотографиях, давно уже нет, и что та же участь рано или поздно ожидает всех ныне живущих , в том числе и его. И тут к нему является спасительная мысль, заряжающая его историческим оптимизмом: люди уходят, а Россия остается...

Из загородных поездок Славе особенно запоминается поездка 9 июля в Домодедово на авиационный парад, о билете на который он позаботился заранее. Из-за болей в животе юноша опаздывает на последнюю электричку, шедшую до станции Космос, и ему приходится идти туда от станции Домодедово лесной дорогой пешком 5 км. Парад, посвященный 50-летию Октябрьской революции, уже подходил к концу, но Слава

успевает досмотреть его «остатки»: низко летящие над лесом истребители, транспортные самолеты, вертолеты, от которых все вокруг ревело и гудело. Через большое овсяное поле среди необозримого простора он по тропинке вместе с другими опаздывающими, наконец, выходит к месту парада, окруженному длинной оградой и оцепленному многочисленной милицией. Здесь уже сидят тысячи зрителей, с восторгом наблюдающих за авиапарадом. В эти последние минуты показывается самое интересное: петля Нестерова и другие фигуры высшего пилотажа, с необыкновенной точностью выполняемые группой легких истребителей, маневры одиночных сверхзвуковых истребителей, полеты тяжелых бомбардировщиков «тройками» и другие «чудеса». По окончанию парада народ по бетонной дорожке огромного летного поля устремляется в сторону выставки летательной техники, где рядами стоят самолеты и вертолеты различных видов ,размеров и назначений . На ней представлена в большом количестве как военная, так и гражданская авиация, и, конечно, внимание Славы прежде привлекают старые самолеты, на которых сражались в Великую Отечественную войну. Проходя мимо современной авиатехники, он останавливается возле самолетов-гигантов М-130, ИЛ-62, АН-24 и «Антей», поражаясь их огромным размерам. Это не ТУ-104, на котором Слава летал в 1963 году из Минеральных вод в Москву. Возле каждого самолета стоят военные летчики, отвечающие на вопросы многочисленных посетителей, а в некоторые разрешалось войти и посмотреть внутри. Восхищенный увиденным на параде и выставке, Слава влюбляется в авиацию и мечтает как летать на самых современных лайнерах...

В последнее воскресенье июля Слава, думая, куда бы ему в этот раз направиться за город, вдруг решает ехать в Истру, где рядом в деревне Полевшина он 11 лет назад полгода жил в санаторно-лесной школе. Им овладело ностальгическое чув-

ство и захотелось увидеть места, связанные с воспоминаниями о счастливых днях его детства. Мама не возражает против его поездки, но при условии, что вместо брюк, предназначенных для консерватории, он наденет шаровары, на которых она тут же зашивает довольно большую дырку. Объяснив Славе, как от станции Истра добраться до санаторно-лесной школы № 10, куда она несколько раз приезжала к нему с продуктами, она просит его собрать побольше грибов, до которых была большой охотницей. Доехав поездом от Курского вокзала до Истры, юноша затем идет прямо по длинной, перпендикулярной железной дороге улице Ленина, которая через два км переходит в шоссейную дорогу. От окраины города до Полевшины идти еще не менее 5 км, но Слава, обуреваемый страстным желанием как можно скорее увидеть места своего детства, готов прошагать весь этот путь. Однако, поглядывая на небо, которое постепенно покрывается черно-серыми тучами, он начинает сомневаться, успеет ли до начала дождя дойти до места назначения. Продолжая идти вдоль дороги лесом, в котором, не встречая грибов, он лакомится земляникой, малиной и лесными орехами, Слава слышит слабое громыхание дальнего грома и вновь с тревогой посматривает на небо, на которое надвигалась огромная черная туча. И действительно, вскоре после страшного удара грома хлынул ливень, от которого Слава прячется под деревом, покрывшись взятой с собой пластмассовой клеенкой. Все вокруг темнеет, с небывалой силой звучат раскаты грома, между ними на небе вспыхивают ослепительные зарницы молний, и Слава, оказавшись один в лесу во время грозы, испытывает настоящий страх. «Да, - думает он, вспоминая «Илиаду» Гомера,- не случайно у древних греков главным богом был громовержец Зевс, - так они боялись его громов и молний!»

Через полчаса дождь начинает стихать, пока не прекращается совсем, и на освобождаемом от туч небе вновь появляется

ласковое солнце. В природе наступает долгожданное умиротворение, которое проникает в душу Славы и вызывает в нем музыкальное настроение. Слыша в себе нежную, грустную музыку, он садится на пенек у дороги и сразу записывает в нотную тетрадь, которую постоянно берет с собой, две новые пьесы в си минорной тональности. Часы между тем показывают «пять», идти в Полевшину уже поздно, и Слава, закусив, возвращается набитой до предела электричкой в Москву, не очень жалея о том, что не попал сегодня туда, куда хотел: «Ничего страшного, попаду в другой раз. Зато был на природе и попал в настоящую грозу!» Выйдя из электрички на Рижском вокзале, он с радостью слышит и видит залпы разноцветного салюта в честь праздника военно-морского флота. Дома Слава рассказывает маме о своей не очень удачной поездке в Истру, сожалея , что не смог привезти грибов. Она успокаивает сына, говоря, что в следующий раз поедет в Истру вместе с ним и тогда они соберут много грибов...

На смену жаркому июлю приходит более прохладный август, и Слава решает для разнообразия поменять место чтения на Сретенском бульваре на что-то новое. С 1 августа он начинает почти каждый день ездить в любимый Измайловский парк, привлекающий его отдаленностью от городского шума и близостью к природе. Тут, сидя под большим развесистым дубом, он продолжает выполнять свою летнюю программу: сочиняет фортепианные пьесы из задуманных трех серий, много читает, записывает воспоминания о своем детстве и отрочестве. Иногда знакомые ему серо-черные тучи приносят дожди, от которых он спасается той же самой пластмассовой клеенкой.

4 августа Славу неожиданно тянет поехать в Новодевичий монастырь, где он бывал и раньше. Обойдя величественный Смоленский собор, трапезные палаты и другие древние постройки, он останавливается у огромного развесистого дерева (может быть вяза?), которому не менее пяти столетий, и ду-

мает о том, что оно могло быть свидетелем многих драматический событий в русской истории. Затем через старинные ворота Слава входит на территорию старого кладбища, где похоронены выдающиеся деятели русской науки, культуры и искусства. Идя по участку, где лежат известные музыканты и поэты, он останавливается возле могил Н.Рубинштейна, С.Танеева, А.Скрябина, В.Брюсова, Б.Асафьева, Н.Голованова, А. Неждановой, А.Александрова, Н.Мясковского, С.Прокофьева, Г.Нэллепа, С.Самосуда, А.Мелик-Пашаева, недавно скончавшегося, низко склоняя перед ними голову. Из старого участка кладбища Слава переходит на новый, но начинается дождь, постояв у могилы драматурга Н.Погодина, он спешит к выходу.

Гуляя по кладбищу, Слава вновь задумывается о смерти, которая неминуемо ждет всех живущих на Земле , и ему на душе становится жутко. Неужели люди рождаются на свет только для того, чтобы потом умереть? Нет, это было бы слишком бессмысленно и несправедливо! И к Славе приходит спасительная мысль: нет, люди живут не напрасно! От них после смерти что-то остается: деяния, дела их рук, архитектурные сооружения, произведения искусства и литературы, которые служат последующим поколениям. Главное, как прожить жизнь! Вспомнилось знаменитое выражение писателя Николая Островского: « Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за напрасно прожитые годы». Одни люди ищут в жизни материальную выгоду , радости и наслаждения, не оставляя после себя ничего, тогда, как другие стремятся что-то открыть, построить, создать, сотворить, порою жертвуя при этом своим покоем, благополучием, материальным достатком. Слава относит себя ко вторым, видя в творческой деятельности смысл жизни...

Через три дня мама предлагает Славе поехать за город по Курской железной дороге на юг. На юг, так на юг! Вначале

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ка, и затем подходит к обрыву, с которого открывается изумительный по красоте вид на просторные окрестности в розовом свете заходящего солнца.

Переночевав на террасе в домике у Ивана Алексеевича (так звали старичка), мама со Славой возвращаются утром на прежнее место и, позавтракав, он отпрашивается у нее, чтобы пойти одному в Полевшину, которую ему так не терпится увидеть.

- Я не против. Иди, прогуляйся, посмотри, какой стала санаторно-лесная школа. Дорога приятная, идет лесом. Заодно соберешь грибы, только возьми с собой бидон и не возвращайся поздно!

Радостный, Слава отправляется в путь и через полчаса проходит мимо того места под деревом, где он неделю назад переждал грозу. Теперь небо ясное, дождь не предвидится, и можно бодро шагать дальше. Позади остается деревня Андреевка, еще час пути, и, наконец, Слава видит у дороги большое знакомое дерево. Не та ли самая это елка, в сторону которой он маленьким мальчиком в составе своей группы зимой совершал ежедневные утренние прогулки? Как он не любил эти прогулки! Потому что от мороза зябли руки и ноги, а падающий пушистый снег забирался ему под воротник. А вот и ворота, на которых написано: «Пионерский лагерь санаторно-лесной школы № 10». Значит, Слава не ошибся дорогой и пришел туда, куда хотел! Он видит желтый барский особняк, где размещалась школа, и рядом во дворе здания столовой и медицинского изолятора. Здесь он учился полгода во 2-ом классе, поправлял слабое здоровье и весело проказничал! Слава вспоминает воспитателей , педагогов и старшую пионервожатую Валю, над которой любил подшучивать. Но почему все здания кажутся ему меньших размеров? Вроде тогда были длиннее и выше. Отсюда близко слышны звонкие голоса ре-

бят, играющих в баскетбол или лапту, но Слава не решается войти внутрь школы...

Знакомой ему тропинкой юноша направляется в сторону горки, на которой была и до сих пор стоит деревушка Максимовка. Когда-то здесь он катался с ребятами на санках и играл с ними в снежки. Счастливое, беззаботное детство! Где сейчас его товарищи по играм? Кем стали? Чего добились? Наверное, не узнает об этом никогда! Слава возвращается к санаторно-лесной школе, от которой спускается вниз в овраг, переходит знакомый ручей и входит в густую лесную чащу . Тут ему начинают попадаться грибы, в основном сыроежки, лисички и рыжики и, увлеченный их сбором, он не замечает как оказывается в какой-то просеке. Часы показывают уже 5.30, и Слава решает возвращаться в город к маме, пойдя обратно той же тропой, которой шел до этого . И что же ? Тропа выводит его к той же просеке! Потеряв дорогу, Слава кидается то в одну, то в другую сторону и вдруг с ужасом понимает, что он заблудился! Что теперь делать? Как выбраться из этой чащи? Он думает о маме, которая будет страшно беспокоиться, если он не появится во время в городе, и чувствует, как холодный пот выступил на его лице. И тут Слава слышит вдали чьи-то голоса, обрадовавшись, бежит на них и там, где просеку пересекает проселочная дорога, видит рыжего мужчину и толстую женщину, собирающих грибы.

- Где здесь дорога в пионерлагерь, - спрашивает он, запинаясь от волнения.

- Пионерлагерь? - переспрашивает мужчина.

- Да, это санаторно-лесная школа. Она находится в Полевшине.

- В Полевшине? Тогда знаю. Вот иди по этой проселочной дороге налево и как раз попадешь в Полевшину.

Слава, весь красный от мысли, что до темноты он не успеет добраться до города, бежит в указанном ему направлении,

встречает у дороги еще одного грибника, который теперь ему говорит свернуть направо, и через 20 минут бега с радостью видит какие-то дома. Вот она, Полевшина! Но местный деревенский житель говорит ему, что это Максимовка, а в Полевшину ведет дорога под горку, которую юноша, к счастью, хорошо знал. Он спасен и во время, до наступления темноты вернется к маме! Это было похоже на чудо!

Часы показывают 7 вечера, когда Слава выходит из ворот школы и оставляет Полевшину, направляясь в сторону Истры. Но на душе у него грустно. С болью в сердце он думает о том, что жизнь человека устроена так, что за детством неминуемо следует юность, за ней зрелость, затем старость и смерть, и что никогда не вернутся юные годы. Неужели жизнь дана человеку только для страданий и мучений? Нет, это не так! Жизнь дана прежде всего для радости, которую человек познает через любимое дело, творчество, дружбу, общение с природой и, главное, через любовь. В ней, любви, есть спасение и исцеление человека от жизненных бурь, бед и потрясений! И, пока он, Слава, не встретит в жизни настоящую любовь, он будет мучиться и страдать...

Вечером мама со Славой не поехали в Москву и опять остаются ночевать у Ивана Алексеевича. Перед сном мама варит из принесенных Славой грибов вкусный суп, который они с аппетитом съедают вместе с хозяевами. На следующий день во время утренней прогулки они случайно забредают во двор пустующего детского сада, где мама собирает растущий в изобилии щавель. Им здесь так нравится, что они проводят во дворе целый день, греясь на солнце и кушая в находившейся во дворе деревянной беседке. Под вечер в детском саду вдруг появляется неизвестный старик высокого роста с коротко остриженными волосами и представляется как здешний сторож. Мама и Славик напуганы его неожиданным приходом, но старик успокаивает их своим ясным старческим голосом:

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

показа дома, сада и огорода, он предлагает маме ночевать на террасе, Славе - спать в сарае, а готовить и кушать во дворе, где стоит печка. Маме и Славе ничего не остается делать, как согласиться, - в конце концов, Истра - это не курорт. Мама собирается ехать в Москву за деньгами и продуктами на пару дней, и Слава составляет для нее список, какие книги, ноты и письменные принадлежности ему надо привезти из дома. После ее отъезда Макарыч сооружает в сарае для Славы кровать из досок и покрывает их сеном. Первую ночь в сарае юноше проводит тревожно: пугали непонятные шорохи и он долго не мог заснуть.

Встав пораньше и позавтракав со старичком, Слава идет к своему любимому месту у обрыва, где сочиняет новые пьески для фортепиано, читает «Энеиду» Вергилия, оды Ломоносова и продолжает писать воспоминания о своем детстве и отрочестве, особенно о девочках и девушках, в которых влюблялся. Возвращаясь в дом старичка , он становится свидетелем странного зрелища: Макарыч, будучи пьяным, взламывал забор вокруг дома, при этом страшно ругаясь со своей Хрузкой. Вскоре его вместе с нею увезла милиция, и Слава был готов лечь в сарае не солоно хлебавши, как вдруг его позвала пожилая женщина - соседка по дому, предложившая у нее поужинать и переночевать. Во время ужина она говорит Славе, что старик и старуха постоянно ссорятся и ругаются друг с другом, и ей уже столько лет приходится все это переносить и терпеть. Юноше грустно это слушать, и под впечатлением от случившегося к нему долго не приходит сон... Наконец, из Москвы в Истру приезжает мама, нагруженная сумками, что сразу поднимает настроение Славе. Она вновь заботится о его полноценном питании и договаривается с владелицей коровы Зиной о покупке парного молока, которым поит сына каждый день. Хотя погода их не балует,- то солнце, то дождь, - мама использует любую возможность, чтобы совершать со Славой

прогулки в лес. В один из дней к ним присоединяется в поход за грибами дядя Макар, с которым, если он не пьян , юноше приятно о многом поговорить. А за неделю до отъезда Слава вновь совершает паломничество в страну своего детства - Полевшину, памятуя о том, что с лесом шутки плохи. Он много думает о своем будущем, то (в который раз!) сомневаясь в себе , как композитор, то веря в свои творческие способности. Юноша постепенно приходит к мысли, что он должен более серьезно относиться к занятиям на гобое, чтобы не подводить своего профессора Петрова и в какой-то степени оправдать его надежды. С чувством удовлетворения своим пребыванием в Истре и выполнением летних планов Слава утром 31 августа возвращается с мамой в Москву, чтобы продолжить учебу на третьем курсе Московской консерватории...

Гобой или Перо?
ЧТО ДЕЛАТЬ?

И сквозь покой пространства мирового
До самых звезд прошел девятый вал...
Откройся, мысль! Стань музыкою, слово,
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!

Николай Заболоцкий

УЧЕБА НА 3-ем КУРСЕ. КОМСОМОЛ

В начале сентября 1967 года Слава после летних каникул приступает к занятиям на третьем курсе Московской консерватории. Конечно, он испытывает радость от встречи со своими учителями, сокурсниками, друзьями, весело обменивающимися рассказами, где и как они провели лето. Ему приятно словесное жужжание студентов возле памятника Чайковскому, в фойе, коридорах консерватории, которым всегда сопровождается начало нового учебного года. Особенно Слава радуется встречам с близкими друзьями Валей Спасским, Шурой Поповым и Юрой Капитоновым, с которым летом отдыхал в пансионате на Клязьменском водохранилище.

На третьем курсе остались такие предметы, как специальность, общее фортепиано, история музыки, оркестр, английский язык, физкультура, и появились новые – камерный ансамбль, эстетика, история искусств. Но теперь у Славы нет факультатива по композиции, что напоминало о его неудаче на весеннем экзамене по сочинению. Несмотря на это, он полон решимости продолжать и дальше писать музыку и таким образом сделать учебу на третьем курсе консерватории более целенаправленной и осмысленной.

С 1 сентября Слава без особого энтузиазма начинает ходить занятия по специальности к Анатолию Викторовичу Петрову,

который, кажется, потерял всякую надежду направить его на «путь истинный». На первый урок он приносит свое летнее задание - первую часть фа мажорного концерта для гобоя Баха, представляющего собой авторскую обработку ми мажорного фортепианного концерта. Юноша играет его в сопровождении концертмейстера Ирины Павловны Бидаренко без каких-либо эмоций и спотыкаясь на пассажах. По окончанию наступает тяжелая пауза, и Слава с со страхом ждет, что скажет ему учитель.

- Не порадовал ты меня сегодня, не порадовал,- сокрушенным голосом говорит Анатолий Викторович,- такое ощущение, что ты не брал гобой в руки. Чем же ты занимался летом, если не секрет?

- Летом я отдыхал! – бодрым голосом отвечает Слава.

- И где же? На каком курорте? – продолжает допытываться Петров.

- Под Москвой. В Истре! Отдохнул там отлично!

- То, что ты отдохнул, это хорошо. Теперь надо всерьез браться за гобой. Ведь ты уже на третьем курсе и спрос с тебя будет больше. Понял?

- Понял. Буду стараться.

- Так вот, чтобы к следующему уроку пришел с выученным концертом! Баха нельзя играть так безобразно! – В голосе Анатолия Викторовича зазвучали сердитые нотки. – Иначе вылетишь из консерватории ко всем чертям! Понятно?

- Понятно, - тихо отвечает Слава и , пристыженный, выходит из класса.

На следующее занятие юноша приходит уже лучше подготовленный и получает некоторое одобрение учителя. В классе Петрова появились новые ученики, среди которых - Амман Курбаналиев, приехавший из Киргизии, и москвичка Наташа Дыдычкина, поразившую Славу красивым звуком и хорошей технической подготовкой. Иногда Анатолия Викторовича во

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Буцко и фортепианный концерт Галынина, а также разучивает с оркестром 1-ую симфонию Шостаковича и 5-ую Глазунова. Играть Шостаковича и Глазунова в оркестре для Славы – одно удовольствие, да и остро современную музыку Буцко и Галынина он находит довольно свежей, хотя уровень исполнения ее оркестром (пока без хора и солиста) его не удовлетворяет. На одном из оркестровых занятий Дима обращается к студентам с просьбой помочь ему в съеме квартиры в Москве, и, к счастью, его просьба не остается без ответа... Наконец, 1 декабря в Большом зале консерватории после многих общих и отдельных репетиций состоялся долгожданный праздничный концерт. В 1-ом отделении младший консерваторский оркестр с хором под управлением Тэриана исполняет «Песню о Ленине» Холминова, три русские песни в обработке Макарова и новую увертюру Шостаковича «Октябрь», а во 2-ом отделении старший оркестр с дирижером Китаенко выступает с программой из сочинений Буцко и Галынина. Концерт в переполненном зале проходит с большим успехом, и Слава горд, что в этом есть и его участие...

Из музыкальных предметов первое место у Славы, как и прежде, занимает история музыки, но теперь зарубежную сменяет русская музыка. Ее у духовиков на третьем курсе сначала ведет доцент Юлия Андреевна Розанова, которая начала историю русской музыки с композиторов доглинкинского периода Фомина, Бортнянского, Алябьева и Вертовского, Славе почти не знакомых. А в октябре ее сменяет молодая преподавательница Елена Геннадьевна Сорокина, посвятившая свои занятия в первом полугодии учебного года творчеству Глинки, Даргомыжского и композиторов, входивших в знаменитую Могучую кучку – Балакирева, Мусоргского, Бородина и Римского-Корсакова. Со многими их произведениями Слава хорошо знаком благодаря покупаемым им пластинкам, но ярко эмоциональные лекции Сорокиной, дополняемые музыкаль-

ными иллюстрациями в ее исполнении и записи, раскрывают для него какие-то новые стороны и особенности их творческого наследия.

На третьем курсе у Славы появляется еще один новый предмет – камерный ансамбль, по которому он попадает в класс преподавателя Игоря (Юрия) Ивановича Чалышева. Это весьма подвижный, общительный и музыкально эрудированный человек, к которому юноша с первого же занятия начинает испытывать симпатию, особенно после того, как узнает, что он еще и дирижер. Игорь Иванович включает Славу в состав квинтета деревянных духовых и валторны и дает ему разучивать квинтет советского композитора Таранова. Потом они переходят к квинтету для деревянных духовых и фортепиано Моцарта, но он оказывается для студентов крепким орешком, и тогда Чалышев предлагает играть трио-сонату для двух гобоев, фагота и фортепиано соль мажор Генделя. Ее вместе со Славой разучивают второкурсник из класса Петрова Валера Ананьев, фаготист Женя Горшков и студентка из Монголии Эрден. Игра в ансамбле доставляет юноше большое удовольствие, и пусть у него еще не все получается, ибо партия гобоя в трио-сонате не из легких, он очень старается. И в дальнейшем ансамблевое исполнительство становится для Славы одним из с любимых видов музицирования.

Из новых немузыкальных предметов на третьем курсе Славе особенно нравятся эстетика и история искусств. Эстетику преподает Елена Петровна Калиничева, которая своими знаниями и блестящим рассказом умеет увлечь своим предметом духовиков. Юноша давно испытывает интерес к этому предмету и потому с большим вниманием слушает лекции Елены Петровны, посвященные истории эстетических воззрений, начиная с Древней Греции и кончая Марксом и Лениным. Иногда, когда она уезжает в командировку, ее заменяет один из самых уважаемых профессоров консерватории Семен Христо-

форович Раппопорт, перед которым Слава просто благоговеет. Такие категории эстетики, как прекрасное и безобразное, форма и содержание, трагическое и комическое он воспринимает как откровение. Иногда в личной беседе с Еленой Петровной Слава затрагивает политические вопросы, выражая удивление по поводу тех или иных событий в стране.

- А что Вы хотите? – восклицает однажды Елена Петровна. - Ведь у нас диктатура!

- Понятно, какая диктатура, - понимающе отвечает Слава, - диктатура пролетариата!

- Если бы только пролетариата, - возражает Елена Петровна. – У нас в стране диктатура одного человека!

- Кого же?

- Не трудно догадаться. Генсека!

-Брежнева?

- Да, Леонида Ильича.

Эта смелость в высказывании Елены Петровны поражает Славу, но еще больше то, что она не скрывает от него своего отношения к политике. В декабре, вернувшись из своей очередной поездки, на этот раз в Чехословакию, Елена Петровна рассказывает студентам много интересного об этой стране и показывает иллюстрации с картин Пикассо и Дали, раскрывая их содержание с точки зрения эстетики.

Слава также с большой охотой ходит на уроки по истории искусств, которые ведет старший преподаватель Олег Владимирович Семенов, необыкновенно образованный в своей области человек. Рассказывая об искусстве Древнего Египта, затем Древней Греции, Рима и эпохи Возрождения, он рассматривает его в свете своей оригинальной концепции соотношения времени и пространства. Его лекции каждый раз сопровождаются показом слайдов произведений искусства из различных музеев мира, и Слава узнает на них много нового для себя и интересного. Олег Владимирович не замыкается

на истории изобразительных искусств, но также обращается к искусству кино и даже к литературе. Благодаря ему, Слава основательно знакомится с творчеством великого итальянского кинорежиссера Федерико Феллини, только на уроках Семенова поняв всё его значение в истории кино. Одно из занятий Олег Владимирович посвящает творчеству Пушкина, раскрывая тайный смысл поступков главных героев «Евгения Онегина». После каждого занятия он помогает Олегу Владимировичу уносить аппаратуру и заодно обсуждает с ним только что пройденную тему...

Из немузыкальных предметов Слава по-прежнему большое внимание уделяет английскому языку, который продолжает преподавать в группе духовиков Мария Абрамовна Жак. Как и раньше, она подбирает довольно сложные тексты из английской истории и литературы и много задает на дом, будучи очень требовательной к студентам. Как и прежде, Слава не жалеет для английского времени, всегда приходя на ее уроки с подготовленным домашним заданием. Что касается физкультуры, занятия которой проходят попеременно в спортивном зале консерватории (под аккомпанемент фортепиано), на стадионе Метростроя и в бассейне Дома пионеров, то юноша старается их не пропускать, зная, как они важны для здоровья.

На 3-ем курсе Славу вновь переизбирают комсоргом, и, наряду с учебой, он с головой погружается в общественную жизнь консерватории. Вместе с ребятами своего курса он участвует в воскресниках на строящемся Калининском проспекте, ездит на овощную базу, где сортирует овощи, ходит на комсомольские собрания. В октябре на общевузовском собрании, посвященном подготовке к празднованию 50-летия Октябрьской революции, он получает грамоту, которой награждают его группу, как одну из победительниц соцсоревнования, но решительно отказывается от слова. Ведь после пламенной речи старой большевички, приглашенной на собрание, он уже не

знает, о чем говорит. А 7 ноября он вместе с Амманом Курбаналиевым и Наташей Дыдычкиной в составе большой группы от консерватории участвует в праздничной демонстрации, посвященной октябрьскому юбилею. На улицах – радостно возбужденные толпы народа, флаги, портреты, цветы, музыка духовых оркестров. Когда они проходят по Красной площади, Слава поворачивает голову в сторону Мавзолея, где на трибуне стоят руководители партии и правительства, но милиционеры торопят людей, просят не задерживаться и проходить дальше. Только потом юноша осознает всю подоплеку отрежиссированного сверху выражения народом своих верноподданнических чувств...

Но особенно Славе запомнилась вузовская отчетно-выборная конференция, проходившая 9 декабря в большом 21-м классе. В президиуме – ректор Свешников, проректор Рюмин, первый секретарь Фрунзенского райкома ВЛКСМ Роткин, секретарь комитета комсомола консерватории Селова и другие. В докладе и выступлениях, как всегда, говорили об успехах и недостатках в работе, пожеланиях на будущее, о наличии в консерватории комсомольском актива и пассива, о необходимости воспитывать студентов в духе гражданственности и политической зрелости, об отпоре нечестной статье о консерватории в 9-ом номере журнала «Москва» и т.д. Слава не читал этой статьи, но ему понравилось выступление Роткина, видящего задачу музыкантов в развитии у советской молодежи посредством музыкального искусства высоких и благородных чувств.

В докладе Селовой также говорилось о деле студента теоретико-композиторского факультета Л., который был исключен из комсомола, согласно формулировке, «за неэтичное отношение к женщине». Это решение наделало много шума в консерватории. Все началось с того, что студентка того же факультета Т. представила на экзамен не свою, а чужую письменную

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Селова и некоторые другие выступавшие подчеркивали также его враждебное отношение к соседу-арабу и все, что отсюда следовало. Разумеется, его исключили из комсомола как «оскорбившего женскую честь», но когда в декабре на заседании Фрунзенского райкома ВЛКСМ это решение утверждалось, присутствующие уже именовали его «сионистом». Однако случилось чудо, и, исключив Л. из комсомола, Селова и те, кто ей помогал в этом, не смогли исключить его из консерватории. Профессор В.В.Протопопов, который был научным руководителем Л., вступился за него. Ему дали закончить консерваторию, но путь в аспирантуру Московской консерватории для него был закрыт. Клеймо «сиониста» лежало на нем еще два десятилетия, вплоть до Перестройки. Тем не менее, отслужив в Советской Армии, Л. поступил в аспирантуру в Ленинграде, защитил диссертацию и даже успел получить звание профессора незадолго до репатриации в Израиль. «Дело» Л. для студента консерватории Славы стало тем пробным камнем, который посеял в его душе первые сомнения в необходимости комсомола в Советском Союзе...

В один из погожих сентябрьских дней Слава идет со цветами в родное Музыкальное училище при консерватории и с приятным удивлением видит новшество: училище переехало в соседнее здание 110-ой школы, а музыкальная школа осталась в прежнем, старом здании. Здесь по традиции он навещает директора Ларису Леонидовну Артынову, своего педагога по специальности Мамеда Мамедовича Оруджева и его концертмейстера Наталью Львовну Зломанову, поздравляет их с новосельем, рассказывает , как сдал экзамены за 2-й курс, как провел лето под Москвой в Истре и получает от них доброе напутствие на новый учебный год. Потом Слава будет приходить в училище, чтобы заниматься в отсутствие Оруджева с его учениками Володей и Аликом по линии педпрактики.

К Р И З И С. РЕВАНШ НА ГОБОЕ

Между тем, хотя юноша продолжает жить с мамой в Варсонофьевском переулке, на него все сильнее находит чувство одиночества. Тут в его жизни возникают обстоятельства, которые усугубляют его внутреннее состояние. В начале сентября к Славе подходит его однокурсник с теоретико-композиторского отделения Алексей Виноградов и спрашивает:

- Тебе нужны деньги?

- Что за вопрос! Деньги всегда нужны!

- Так вот я могу дать тебе возможность подзаработать.

- Каким образом?

- Самым простым! У меня есть для тебя работа.

- Какая? Уж не вагоны ли выгружать? Такая мне не нужна!

- Ну, ты скажешь! Речь идет не о вагонах, а о работе по специальности. То есть в оркестре.

- И что за оркестр?

- Оркестр, правда, самодеятельный, но хороший, а дирижер вообще великолепный!

- И где это?

- Во Дворце культуры города Люберцы.

- И сколько я буду получать?

- В месяц тридцать дубов, то есть тридцать рублей.

- Это меня устраивает. Я согласен.

- Отлично! По рукам!

- Когда надо ехать и как добираться?

- Мы репетируем обычно по выходным. Приезжай в ближайшее воскресенье в 5 вечера. А добираться туда просто. До станции Люберцы на электричке, а оттуда на городском автобусе до остановки «Дворец культуры». Только не опаздывай. Наш дирижер любит начинать вовремя.

- Постараюсь без опоздания.

В назначенный день Слава с хорошим запасом времени приезжает в Люберцы и во Дворце культуры попадает на праздник цветов. Здесь он встречается с Алексеем, который сначала проводит отдельную репетицию с духовиками. За первым пультом – гобоист Коля, который радушно принимает Славу и дарит ему свою трость. Репетируется фортепианный концерт Грига, в музыку которого Слава влюблен, зная его по пластинке в исполнении Артура Рубинштейна. Затем репетиция уже всего оркестра продолжается на сцене в зале. Каково было удивление Славы, когда за дирижерским пультом он видит Диму Китаенко – того самого, с которым он играл в консерваторском оркестре! Дима, также узнав его, приветливо кивает головой и, как ни в чем не бывало, продолжает репетицию. После концерта Грига он приступает к разучиванию двух частей сюиты из музыки Шостаковича к фильму «Падение Берлина», которая Славе также очень нравится, хотя самой картины он еще не смотрел.

Потом Слава еще несколько раз приезжает в Люберцы на репетиции оркестра, причем не только в выходные, но и в будничные дни. Приближался Всероссийский конкурс самодеятельных оркестров, и Китаенко начал назначать дополнительные репетиции. Эти поездки не вызывали восторга у юноши, так как отнимали много времени, так необходимого ему для собственных занятий, прежде всего для композиции. Более того, игра в люберецком оркестре не уменьшила в нем чувства одиночества, а, наоборот, только усилила его. Он ощущает атмосферу отчужденности в оркестре, отсутствие между оркестрантами духовной близости, родства, хотя, казалось бы, должно было быть обратное. Все это вместе взятое приводит Славу к решению плюнуть на 30 рублей и оставить оркестр в Люберцах, ибо желание быть свободным и независимым для него дороже всяких денег.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ческой работы, не станет ли это помехой композиторскому творчеству? Ведь свидания и гуляния с любимой будут отнимать много времени, а мысли о ней отвлекать от сочинения музыки и уносить в другую сторону. Вот он – камень преткновения, который еще предстоит преодолеть! Что важнее: любовь или музыка? Но без того и другого он не может жить, а как объединить их, Слава не знает. И он в отчаянии мечется между тем и другим, между непреодолимой тягой к женщине и неистребимым желанием заниматься музыкой.

Чтобы как-то отвлечься от противоречивых дум, Слава решает поиграть на пианино и затем на гобое. И вдруг – сильный стук в окно. Мама открывает его и видит двух милиционеров. Оказывается, звуки музыки не давали спать соседям, и они вызвали милицию.

- Что вам от нас надо ? – кричит мама.

- Скажите сыну, чтобы он перестал играть, - слышит Слава недовольный голос милиционера, - время уже позднее и люди из-за него не могут заснуть!

- А до какого часа можно играть? – волнуясь, спрашивает мама.

- До десяти, не позже! А сейчас скоро одиннадцать. Если будете нарушать порядок, оштрафуем!

- Хорошо, я скажу ему. Только не штрафуйте!

Слава, слыша весь разговор, тут же перестает играть.

- Чтобы после десяти не играл! Никакой музыки! – строго говорит Славе мама, - через несколько минут сядем за стол. Пора ужинать!

Во время ужина мама, как обычно, много щебечет и учит сына уму-разуму. Слава пропускает ее слова мимо ушей и думает о чем-то своем. Конечно, хорошо, что у него есть мама, которая так заботится о нем, о его здоровье, еде и благополучии. Но ей нет никакого дела до его внутреннего состояния, до того, чем он живет и дышит. Вот почему даже рядом с мамой

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Юноша, оставив навсегда сочинение, начинает усиленно заниматься на гобое и с ужасом осознает, что он, как исполнитель, уступает не только своим однокурсникам, но и поступившим в класс Петрова позже него. Ему ясно видятся все его недостатки и теперь предстоит решить проблемы, связанные с дыханием, губным аппаратом, пальцевой техникой, строем и музыкальностью исполнения. К ним еще добавляется проблема с тростями, от качества которых зависит 50 процентов успеха гобоиста. Полный решимости добиться реванша в игре на гобое, Слава рьяно разучивает первую часть фа мажорного концерта Баха и уже в середине октября приносит его на урок к Петрову наизусть, прося учителя выпустить его на ближайший вечер духового отдела. Анатолий Викторович, не скрывая удивления по поводу такого сюрприза, считает нужным похвалить непокорного ученика и, подмигнув концертмейстеру Ирине Павловне, тихо говорит ей:

- Неужели наш гусь взялся за ум?

- Дай Бог, - улыбаясь отвечает Ирина Павловна.

- Я не против, Слава, выпустить тебя на вечер. То, что ты выучил Баха наизусть, это хорошо, но тебе надо еще доучить, некоторые пассажи, кое-где выровнить строй и прибавить выразительности в фразировке. Тогда сможешь смело выступить на вечере в конце октября.

Юноша внимательно слушает указания учителя, жадно впитывая каждое его слово, и жалуется на трость.

- Да, я слышу, что трость неважная, -говорит Анатолий Викторович,- пора, дружок, уже самому научиться делать трости. Ладно, на следующий урок я принесу тебе новую трость. Так что учти все мои замечания и не забудь играть дома гаммы и этюды. В классе не всегда есть время их проигрывать, но они были, есть и будут основой техники. До вечера остается не так много времени, поэтому, я думаю, тебе понадобятся дополнительные репетиции с Ириной Павловной.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

евреев талантливых, гениальных музыкантов! Ты знаешь, что Давид Ойстрах, у которого я также работаю концертмейстером, тоже еврей? А ведь он один из величайших скрипачей в мире и к тому же золотой человек! Мухи не обидит. Так что, есть с кого брать пример! Дерзай, Славик, больше занимайся на гобое и также достигнешь многого!

Слава еще дважды приезжает к Ирине Павловне на репетицию и в конце октября, как ему кажется, удачно выступает на вечере духового отдела. После вечера Петров, довольный его игрой, поздравляет Славу с получением «пятерки» и просит принести на ближайший урок вторую и третью части фа мажорного концерта Крамаржа и пьесу для гобоя Арутюняна. Желая вновь удивить Анатолия Викторовича, Слава играет обе части концерта наизусть, хотя технически не всё гладко, и говорит, что хотел бы сыграть Крамаржа на следующем вечере.

Ну, ты даешь! - говорит изумленный Петров, - молодец, Слава! Я не против, чтобы ты играл на очередном вечере, только надо еще хорошенько поработать над концертом. Сам знаешь, у тебя еще не всё получается. Кроме того, твое исполнение должно быть музыкально осмысленным, а не простым чередованием нот. Советую тебе послушать, как играют другие гобоисты в моем классе. У них есть, чему поучиться, особенно в отношении качества звука, который у тебя оставляет желать лучшего. Играй каждый день длинные звуки с усилением и уменьшением громкости. Понял?

- Понял, - улыбаясь, отвечает Слава и следуя совету учителя, каждый раз остается в классе после своего урока, чтобы послушать других гобоистов. Большое впечатление на него производит исполнение Наташей Дыдычкиной квартета для гобоя и струнных в переложении для фортепиано Моцарта, Юрой Кисляковым сонаты Сен-Санса, Володей Рендюком концерта Рихарда Штрауса, Валерой Ананьевым концерта Брунса, Витей Надельштейном сонаты Платонова и даже Амманом Кур-

баналиевым Вариаций на тему Глинки Римского-Корсакова. И юноша загорается желанием переиграть все эти произведения, кроме уже игранной им сонаты Платонова, и доказать себе, что они ему также под силу!

7 декабря из трехнедельной гастрольной поездки с Госоркестром за границу возвращается Петров и дарит Славе сувенир в виде шариковой ручки. На 12 декабря назначен очередной вечер духового отдела, и поэтому все внимание на уроке уделяется 2-ой и 3-ей частям концерта Крамаржа. Юноша уверенно играет их наизусть, но небезупречно: не всегда получаются пассажи штрихом «стаккато» и Анатолий Викторович требует в оставшиеся дни над ними как следует поработать. Слава занимается на гобое как вол, но на вечере ему ставят «4+».

- Ты играл в целом хорошо, - объясняет ему Анатолий Викторович, – но технически концерт немного не доработал. Принеси-ка ко мне на урок послезавтра этюд Шишкова? Полезный в плане стаккато, и тогда поговорим о новой программе.

Совершенно расстроенный, Слава идет домой и, злой, сразу набрасывается на этюд Шишкова, желая принести его на урок наизусть. На занятии 14 декабря Петров хвалит его и говорит, что в апреле следующего года состоится очередной международный конкурс исполнителей на духовых инструментах в рамках фестиваля «Пражская весна» и что следует на нем попытать счастья. В программе по специальности «гобой» опять будет до мажорный концерт Моцарта, а также концерт Гидаша и соната Сен-Санса.

- Я думаю, Слава, - говорит Анатолий Викторович, - что с программой ты справишься, но надо будет заниматься дома в два раза больше.

- Это сколько же часов? – спрашивает удивленный юноша.

- Не менее пяти, если ты хочешь завоевать звание лауреата.

- Пять значит пять, - отвечает, расхрабрившись, Слава, - я согласен, раз надо для дела.

- Рассуждаешь правильно, - напутствует его Петров, - но заниматься надо с умом, с толком. Возьмешь ноты всех произведений в библиотеке, а сейчас поиграем концерт Моцарта, - благо, у меня есть ноты с собой. Только небыстро, - ведь прошло два года, как ты его проигрывал. И не забудь, что у тебя еще есть вторая и третья части концерта Баха, от которого тебя еще никто не освобождал.

Слава с удовольствием играет в сопровождении Ирины Павловны первую часть концерта Моцарта и наизусть вторую часть концерта Баха, и Анатолий Викторович делает попутно замечания и пояснения.

- На этом пока закончим, - говорит он Славе. - Знай, что в середине января у тебя будет зачет по английскому рожку. Еще есть месяц, чтобы потренироваться. Рожок возьмешь у моего студента Рендюка. А вот с тростью я тебе помочь не смогу, так как для рожка не делаю. Придумай что-нибудь сам.

Слава вспоминает о своем первом учителе по гобою Георгии Михайловиче Кичко, созванивается с ним по телефону и едет к нему за тростью. Прошел год, как юноша не видел учителя, но он совсем не изменился: такой же простой, добродушный и словоохотливый. Георгий Михайлович дает ему новую трость для рожка и подробно расспрашивает о его консерваторских и домашних делах. Слава говорит, что решил готовиться к международному конкурсу «Пражская весна» и Кичко от души желает ему победы на этом конкурсе.

А пока юноша начинает готовиться к зачету по родственным инструментам 11 января, взяв на время английский рожок у Рендюка. Ему нравится этот инструмент, но он сразу не может привыкнуть к тому, что рожок звучит на квинту ниже гобоя. Наступает день зачета 11 января. Петров просит его сыграть два известных соло для рожка из увертюры к опере «Виль-

гельм Телль» Россини и увертюры «Римский карнавал» Берлиоза и, довольный, ставит ему в зачетку оценку «пять». Слава без особого труда сдает зимнюю экзаменационную сессию на «отлично» и намеревается в зимние каникулы как можно больше времени уделить гобою, готовясь к международному конкурсу «Пражская весна». Но тут на одном из последних уроков перед началом каникул Петров, осматривая его инструмент, неожиданно находит в нем большую трещину и требует немедленно отдать гобой в ремонт. Славе ничего не остается, как отнести гобой знакомому мастеру Камбергу, который ремонтирует духовые инструменты хорошо, но долго. Он задумывается над тем, чем бы ему заняться в зимние каникулы, и вдруг неожиданно судьба предоставляет ему случай провести их наилучшим образом.

ПОЕЗДКА В ЛЕНИНГРАД

В конце зимней сессии Славу попросили зайти в комитет комсомола для разговора с секретарем комитета Светланой Селовой. Юноша недоумевает: для чего это? Селова сообщает Славе, что в зимние каникулы планируется поездка группы студентов консерватории – отличников учебы и активистов комсомольской работы в Ленинград в порядке дружеского обмена с Ленинградской консерваторией. Он также включен в эту группу, как один из самых достойных студентов, и только нужно его согласие. После недолгих раздумий Слава с радостью соглашается, узнав, что эта поездка ему ничего не будет стоить, так как все расходы на дорогу, проживание и питание берет на себя консерватория. Ленинград привлекал его с трех сторон: как один из самых красивых и музейных городов России, как город славных исторических и революционных событий, который в течение двух столетий был столицей

Российской империи, и как город, в котором жили и творили выдающиеся писатели, композиторы, художники и архитекторы.

За день до отъезда Слава звонит студенту Алику Волкову, также едущему в Ленинград, от которого узнает, что поезд отправляется с Ленинградского вокзала 25 января в 9.45 вечера. Весь следующий день у него уходит на сборы, вечером перед выходом из дома он ест приготовленную мамой рисовую кашу, слушает ее напутствия в дорогу, прощается с ней и на метро приезжает на вокзал за полчаса до отхода поезда. Слава обходит весь поезд, но свою группу не находит, так как Алик не сообщил ему главного: номер вагона! Он в отчаянии, ибо его поездка в Ленинград находится под угрозой срыва! Что делать? И тут юноша догадывается, что нужно срочно звонить домой маме Алика, которая единственная могла ему помочь в этой, казалось бы, безвыходной ситуации. Мама Алика, к счастью, была дома и назвала номер вагона: десятый! Слава бежит вдоль всего поезда к десятому вагону и за несколько минут до отхода поезда, как стрела, влетает в него, где его, волнуясь, уже ждет вся группа из 15 студентов во главе с профессором консерватории Раппопортом. Семен Христофорович, с которым Слава знаком по его лекциям на занятиях по эстетике, слегка журит его и, улыбаясь, произносит:

- Все хорошо, что хорошо кончается.

Юноша получает свое место в плацкартном вагоне, где его соседом по купе оказывается профессор филологического факультета Ленинградского университета! Он ему много рассказывает о Некрасове, который был не только прекрасным поэтом, но и пьянчугой и бабником. После этой беседы Слава долго не может заснуть, думая о том, что жизнь состоит из двух сторон: возвышенной, связанной с любовью, дружбой, патриатизмом и т.д., и низменной, связанной с преступно-

стью, пьянством, развратом и т.д., и что нередко обе стороны соединяются в одном человеке...

Прибыв в Ленинград в 5.40 утра, вся группа еще в полной темноте садится у Московского вокзала в заранее присланный автобус, который привозит ее к общежитию Ленинградской консерватории на Краснопутиловской улице, где студентам из Московской консерватории предстояло прожить шесть дней. Их распределяют по комнатам, и Славу поселяют с двумя соседями, один из которых – тот самый Алик Волков, который забыл ему сообщить номер вагона. Отдохнув и позавтракав в местном буфете, вся группа вместе с профессором Раппопортом отправляется к ближайшей станции метро, шагая через Комсомольскую площадь мимо Кировского завода. Начинает понемногу светать, и, как в сказке, постепенно вырисовываются деревья, покрытые мохнатым пушистым снегом.

Через час мы прибываем на Театральную площадь и входим в Ленинградскую консерваторию, которая является главной целью нашего приезда в город на Неве. Здесь нас встречает проректор консерватории по учебной работе и предлагает пройти в органный зал, где в скором времени должен состояться Госэкзамен у дирижеров-хоровиков. Звуки органа (конечно, Баха) сменяются мощным звучанием консерваторского хора, исполняющего под управлением выпускницы дирижерско-хорового факультета кантату Танеева «Иоанн Дамаскин». Слава слушает ее впервые, получая огромное удовольствие от музыки . Прослушав другие сочинения для хора, группа студентов из Москвы покидает органный зал, и профессор Раппопорт разрешает им использовать оставшееся свободное время до вечера по своему усмотрению, сообщив студентам, что в Ленинграде живет его брат, которого он не видел много лет...

Слава решает с тремя девушками из группы доехать на метро до Дворцовой площади и прогуляться по центру города. Дворцовая площадь поражает его своими размерами и Алек-

сандрийским столпом с фигурой ангела наверху. Именно здесь произошло Кровавое воскресенье 9 января 1905 года и именно отсюда, через арку Главного штаба, в ночь с 25 на 26 октября (по старому стилю) начался штурм Зимнего дворца, положивший начало наступлению новой, социалистической эры в истории России. Затем Слава в той же компании девушек прогулялся по Дворцовой набережной мимо Эрмитажа, Летнего сада до Марсова поля с памятником Суворову, откуда по Садовой они вышли на Невский проспект и сели в метро, на котором доехали до общежития. До вечера оставалось еще несколько часов и Слава договорился со студентом фортепианного факультета Сашей Мальтером снова поехать к центру города. Дойдя до Исаакиевской площади, они полюбовались на грандиозный Исаакиевский собор, на Адмиралтейство с его знаменитой иглой, воспетой Пушкиным, и подошли к площади Декабристов (бывшей Сенатской) с ее прекрасным памятником Петру Великому. Именно здесь 14 декабря 1825 года члены Северного тайного общества подняли восстание против нового царя Николая Первого. После его поражения пятеро декабристов были приговорены к смертной казни через повешение. По дороге в общежитие Слава и Саша много говорят о своем любимом композиторе Прокофьеве и его Седьмой сонате, которую Саша играл на экзамене по специальности зимой.

На следующий день Слава, не успев попасть на автобусную экскурсию, решает прогуляться по центру города самостоятельно. Сначала, пройдя над Невой по Дворцовому мосту, он выходит к Каменному (бывшему Заячьему) острову, затем едет к площади Искусств с ее известным памятником Пушкину, где осматривает великолепные здания Ленинградской филармонии, Русского музея, Малого театра оперы и балета. Затем проходит через Большую Конюшенную площадь, где был убит Александр Второй, к улице Желябова, на которой видит красивые здания театра имени Комиссаржевской и Хоровой ка-

пеллы имени Глинки. В другой день Слава едет с профессором Раппопортом на Петроградскую сторону, где Семен Христофорович рассказывает студентам о ленинградской архитектуре и показывает огромное здание мечети с двумя минаретами.

Во время пребывания в Ленинграде Славе удается побывать в Исаакиевском соборе с его знаменитым маятником, Петропавловской крепости, где похоронены русские императоры, в музее городской скульптуры и Александро-Невской лавре, где находятся могилы известных русских композиторов, музыкантов, актеров и художников. Он подолгу стоит у могил Чайковского, Глинки, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, музыку которых обожает. Слава также посещает Русский музей с его богатейшим собранием картин русских и советских художников и дважды знаменитый Эрмитаж, где в первое посещение смотрит парадные залы русских царей, включая Тронный, Галерею героев Отечественной войны 1812 года, залы древнегреческой и римской скульптуры, французской живописи ХУ111 века и русского искусства эпохи Петра Первого. Во второй раз он посещает Эрмитаж вместе со своей группой, для которой экскурсию по залам французских импрессионистов и художников ХХ века, включая Пикассо, проводит сам Раппопорт. Свой рассказ о сути творческой манеры того или иного живописца Семен Христофорович сопровождает шутками и веселыми анекдотами, что повышает настроение слушающим его студентам. Впечатление об Эрмитаже у Славы, конечно, остается грандиозное!

В один из дней Раппопорт заказывает для всей группы экскурсию в Репино, где в своей усадьбе «Пенаты» последние 30 лет жизни прожил один из лучших российских художников Илья Ефимович Репин. По прибытию в «Пенаты» Слава из рассказа экскурсовода узнает, что к тому времени, когда Репин в 1903 году поселился в усадьбе, он был уже прославленным художником, автором известных картин «Иван Грозный», «Бурлаки»,

«Арест пропагандиста», «Заседание Государственного Совета», многих портретов, членом Товарищества передвижных художественных выставок. профессором и ректором Академии художеств и руководителем ее художественной мастерской. В то время поселок, располагавшийся на берегу Финского залива, носил название Куоккала, а сама усадьба «Пенаты» названа в честь римских богов – хранителей домашнего очага.

В «Пенатах», Репин, несмотря на уже солидный возраст, много и плодотворно работал, создавая картины на исторические сюжеты, библейский цикл, автопортреты и множество портретов. В его доме на знаменитых «репинских средах» и просто так бывали М.Горький, К.Чуковский, В.Стасов, А.Куприн, И.Бунин, Л.Андреев, В.Маяковский, С.Есенин, А.Глазунов, А.Лядов, В.Хлебников, С.Черный и многие другие. В 1918 году, когда Финляндия получила независимость, Куоккала вошла в состав Финского государства и Репин оказался за пределами России. Он скончался в 1930 году, завещав себя похоронить здесь в «Пенатах» без гроба с посадкой дерева на могиле. Согласно завещанию его жены Натальи Борисовны Нордман усадьба после смерти художника отходила в распоряжение Академии художеств, но при условии, что в ней будет создан музей Репина. Это условие было выполнено, и музей открылся в 1940 году после финской войны, когда Куоккала вместе с Карельским перешейком вернулась в состав уже Советской России. Во время войны усадьба «Пенаты» была вся разрушена и после активных восстановительных работ вновь открылась для посетителей в 1962 году. Еще раньше, в 1949 году поселок Куоккала был переименован в Репино.

В ходе экскурсии по дому Слава с волнением осматривает мемориальные комнаты Репина: его кабинет, где были написаны воспоминания «Далекое – близкое», Гостиную, Веранду, Столовую, Художественную мастерскую, где на мольберте находится последний автопортрет художника, выполненный в

1920 году. Во время прогулки по территории усадьбы группе из Москвы показывают Чугуевскую горку, названную в честь малой родины Репина, артезианский колодец, названный «абиссинским», скамью «великого гнева», где Репин критиковал молодых художников, садовый театр-беседку «Храм Осириса и Изиды», смотровую башню «Беседка Шахерезады» и площадь Гомера, украшенную гранитными глыбами и вывороченными корнями деревьев, покрытых Репиным смолой. В процессе экскурсии Семен Христофорович фотографировался со студентами, шутил, смеялся и весело играл с ними в снежки. Эта чудесная поездка в Репино надолго останется в памяти Славы.

Во время пребывания в Ленинграде юноша находит время для посещения Кировского оперного театра (б.Мариинского), где слушает оперу «Питер Граймс» Бриттена. Надо сказать, что пышно отделанный зал театра производит на него большее впечатление, чем непростая музыка самой оперы. А в кинотеатре «Знание» на Невском проспекте он смотрит документальный фильм «Падение династии Романовых», в котором обосновывается историческая необходимость свержения самодержавия в результате февральской буржуазно-демократической революции. Петроград, переименованный в Ленинград, стал также «колыбелью» социалистической революции. В итоге Россия получила гражданскую войну со всеми вытекающими отсюда последствиями. Об этом думал Слава после просмотра фильма, впрочем, продолжая верить в правоту дела Ленина и созданной им Коммунистической партии...

Вечера, как правило, юноша проводит в общежитии Ленинградской консерватории, где отдыхает после утомительных дневных прогулок, играет с ребятами в шашки, карты и домино, читает купленный им путеводитель по Ленинграду и газеты, смотрит телевизор, слушает радио или просто болтает с

товарищами по группе. Среди них – пианист и органист Сергей Диденко, поехавший в Ленинград со своей невестой Олей.

Шесть счастливых дней пребывания в Питере проносятся незаметно, и 31 января наступает день отъезда. Вся группа из 16 человек вместе с профессором Раппопортом садится в поезд с сидячими местами, который отправляется ровно в 4.50. Слава везет в обратный путь более увесистый чемодан, потяжелевший от купленных им книг, открыток и пластинок. Смотря через окно поезда на пробегающие мимо ленинградские улицы и дома, он с грустью расстается с великим городом, в который успел влюбиться. По прибытию в Москву поздним вечером того же дня, он уже испытывает глубокую тоску, прощаясь с ребятами и Семеном Христофоровичем, и даже встреча с мамой не радует его.

На следующий день Слава запишет в своем дневнике: «Как хорошо, привольно и весело было в Ленинграде! Какой это чудесный, красивый город! Прощай, моя туристская беспечность! Придется снова привыкать к Москве с ее тесными, кривыми переулками и серой, будничной жизнью. Я снова один!..»

ВТОРОЙ СЕМЕСТР. ЛЕТНЯЯ СЕССИЯ

Славе понадобилась еще пара дней, чтобы прийти в себя после поездки и снова погрузиться в обычное рабочее состояние. Однако ленинградские впечатления еще долго сладостно бередят его душу и не дают покоя уму. Маме он подробно рассказывает о Ленинграде, его музеях и достопримечательностях, показывая привезенные с собою открытки, и она сожалеет, что никогда не была в этом городе, приговаривая:

- Ну, если не я, то зато ты, Славик, побывал в Ленинграде, - это уже хорошо! А я когда-нибудь обязательно туда поеду.

В каникулы Слава вновь с жадностью «набрасывается» на музыку: пока гобой в ремонте, занимается на рожке и пианино и слушает пластинки, привезенные из Ленинграда. Это – опера Глюка «Орфей и Эвридика», 12 кончерто-гроссо, опус 6, Генделя, испанские песни Шостаковича в исполнении Нины Исаковой и 1-ая сюита из балета «Тропою грома» Кара Караева. Музыка всех этих произведений юноше очень нравится, и он в восторге от их приобретения!

Каникулы подходят к концу, и 7 февраля в консерватории начинается второй семестр. В этот день Слава, наконец, получает из ремонта свой гобой, сумму, которую ему удалось сэкономить во время своей поездки в Ленинград. Он вновь начинает усиленно заниматься на гобое и твердо намерен взять реванш, записывая в своем дневнике: «Теперь я чувствую, что из мечтателя начинаю превращаться в человека действия. Неужели два года моей жизни ушли на мечты, – именно мечты! – о моем блестящем композиторском будущем? Неужели мне казалось, что самой судьбой мне предназначено быть композитором, творцом музыки? Прошло 4 месяца, как я опомнился и теперь живу совсем простыми, житейскими интересами. И вот на первом плане для меня стоит гобой, и теперь я хочу стать отличным гобоистом. И вновь мне кажется, что это возможно, - стоит только как следует позаниматься и я достигну исполнительского мастерства.

На первом после каникул уроке по специальности Слава рассказывает Петрову о своей поездке в Ленинград, сообщает, что только вчера забрал из ремонта гобой, после чего играет в сопровождении Ирины Павловны 2 и 3 части сонаты Баха. Играет, конечно, неважно, но Анатолий Викторович не сердится:

- Все понятно. В каникулы ты не занимался и спроса с тебя нет, поскольку гобой находился в ремонте. Кроме того слышу, что твоя трость свое отслужила. Будешь играть на моей, – Ана-

толий Викторович вынимает из футляра трость, кладет ее в баночку с водой и, подмигнув Славе, спрашивает:

- А как насчет «Пражской весны» - не передумал?

Слава как раз собирался спросить педагога о «Пражской весне» и потому тут же радостно восклицает:

- Нисколько! Я очень хочу принять участие в конкурсе!

- Тогда прямо со следующего урока приступаем к разучиванию конкурсной программы. Принесешь ноты до мажорного концерта Моцарта, сонаты Сен-Санса и концерта Гидаша. Ясно? А теперь поиграем еще раз Баха и потом отставим его на время.

Но и во второй раз Слава играет не лучше и потому, взяв в библиотеке ноты для «Пражской весны», возвращается домой в расстроенном состоянии. Что же делать? Как он ни старается, сколько ни занимается, его игра целиком зависит от трости!

Придя домой, Слава звонит другу Шуре Попову и советуется с ним, как ему быть.

- Пока ты не научишься сам делать трости, - говорит Шура, - будешь все время мучиться. Никто лучше не знает, какие трости ему нужны, как сам гобоист. Петров дает трости, которые он делает в расчете на себя, и потому они тебе не очень подходят.

- А как мне научиться их делать? – чуть не с мольбой в голосе спрашивает Слава.

- Вот что, - подбадривает его Шура, - приходи ко мне послезавтра вечером, я тебе покажу. Только принеси с собой несколько новых штифтов. Их можно купить у Александра Ивановича Ананьина, у которого ты раньше заказывал трости. На всякий случай закажи у него две новые трости. Вдруг у тебя сразу не получится.

Кончив говорить с Шурой, Слава тут же звонит Ананьину и договаривается с ним, что приедет к нему за штифтами

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

звучать. Процесс изготовления трости оказывается сложным, трудоемким, и Слава, пробуя сделанную трость, которая ему сразу подошла, с грустью видит, что ему еще этому учиться и учиться. Кроме того, для изготовления надо иметь станок и разные инструменты, чего у него пока нет. Шура предлагает другу поиграть с ним один из этюдов для двух гобоев Люфта, после чего говорит:

- Техника, Славик, у тебя есть, а вот над звуком надо еще поработать. Играй каждый день по утрам длинные звуки крещендо и диминуэндо, а также медленные пьесы . Это помогает. Что касается тростей, возьми ту, что я сделал, но в идеале лучше играть на своих, когда ты научишься делать. А пока бери трости у Ананьина. Он делает так, чтобы его трости подходили тем, кто их заказывает, к тому же умеет подогнать их к губам.

- А как обстоит у тебя дело со стаккато? – интересуется Шура, кладя перед Славой лист с нотами, - попробуй сыграть соло гобоя из увертюры к опере «Шелковая лестница» Россини. Только в настоящем темпе - Аллегро.

Слава тут же играет и уже на втором такте спотыкается, говоря:

- Это для меня очень трудно!

- Тогда послушай, как я играю, - произносит Шура и блестяще играет это соло на своем гобое.

- Как это тебе удается? – не скрывает своего восхищения Слава.

- Очень просто. С помощью двойного стаккато. Если при обычном стаккато языком делается движение на один слог «та-та-та-та», тот при двойном – на два слога – «та-ка-та-ка-та-ка-та-ка». Попробуй!

Слава пробует, но у него ничего не выходит.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

и т.д., а во время исполнения учеником произведения любит дирижировать правой рукой и громко подпевать тему. Слава просит Анатолия Викторовича дать ему какую-нибудь пьесу для развития стаккато, и педагог предлагает ему взять в библиотеке Жигу Генделя, довольно трудную в отношении этого штриха.

Наступает март и на одном из уроков Петров говорит Славе:
- Тебе не следует участвовать в конкурсе духовиков «Пражская весна».

- Почему? – Восклицает от удивления юноша.

- Видишь ли, сейчас у нас в Малом зале идет отборочное прослушивание кандидатов от консерватории, и я думаю, что тебя еще рано выпускать.

- Но я так старался, так хотел участвовать! – В голосе Славы послышались нотки отчаяния.

- Это хорошо, что ты старался. Твои старания не пропадут даром, - сочувственно говорит Петров, - но ты должен сам понимать, что не готов к участию в конкурсе. Во-первых, ты не знаешь всю программу наизусть.

- Как не знаю! Я уже играю наизусть первую часть концерта Гидаша и первую часть концерта Моцарта! А остальные части и сонату Сен-Санса принесу наизусть на следующий урок!

- Но этого, друг, явно недостаточно для конкурса. Во-вторых, программа у тебя технически сырая и требует еще много работы. Выходить в таком виде на отборочное прослушивание, это значит опозорить себя и меня на весь мир. Ведь у тебя было всего полгода, а за это время серьезно подготовиться к международному конкурсу было не реально. Ты хоть это понимаешь?

- Понимаю... Что же мне теперь делать? - Спрашивает совсем поникшим голосом Слава.

- Что делать? – улыбнулся Петров, - это вопрос, который когда-то задавали Ленин, Чернышевский, Толстой и еще многие, многие люди. Ответ может быть только один: продолжать за-

ниматься еще более упорно и целеустремленно, чем раньше. Ты, Слава, заметно продвинулся как гобоист за эти полгода. Молодец! Продолжай и дальше идти этим путем к вершинам мастерства.

- Но я ведь не буду участвовать в конкурсе.

- Это не страшно. Через два года состоится еще один конкурс, и тогда, я думаю, ты подготовишься к нему намного лучше. А пока мы сделаем так. Первую часть концерта Гидаша ты сыграешь на ближайшем вечере в конце марта. Потом, на следующем вечере покажешь его вторую и третью части. Затем вернешься к концерту Баха и сонате Сен-Санса, а за концерт Моцарта возьмешься на следующем четвертом курсе. Понятно?

- Понятно, - отвечает со вздохом Слава, - вытаскивая из футляра подточенную накануне трость, - зато вчера мне удалось сделать трость. Послушайте, Анатолий Викторович, как она звучит.

Юноша играет начало концерта Гидаша, и Петров, не скрывая удивления, спрашивает:

- Неужели ты сам сделал трость? Звучит очень недурно. Хвалю!

- Мне помог Шура Попов. Я был у него дома. Он навязал пластинки на штифт, а я подточил их.

- Дай-ка мне трость, я посмотрю.

- Осмотрев трость со всех сторон, Анатолий Викторович говорит:

- Подточена не совсем ровно и аккуратно, но, главное, звучит и довольно чисто. Продолжай и дальше делать трости. Тебе это очень пригодится! И еще. Во втором выпуске «Методики обучения игре на духовых инструментах» напечатана большая статья английской гобоистки Эвелин Ротуэлл «Техника гобоя». В ней есть раздел, посвященный изготовлению тростей. Очень советую прочитать. Да тебе будет полезно прочитать и всю

статью. Она разбирает все элементы исполнительского аппарата гобоиста – дыхание, амбушюр, язык, пальцевую технику и даже пишет об игре на английском рожке. Найдешь в этой статье много поучительного для себя.

- А где можно достать эту «Методику»? – интересуется Слава.

- Достать ее не проблема. Она есть в нашей нотной библиотеке. Но лучше, если ты приобретешь ее в магазине. Такую книгу надо иметь дома на всю жизнь!

В тот же день Слава, следуя совету Петрова, заходит в нотный магазин рядом с консерваторией и покупает, не пожалев рубль, «Методику», которая, к его счастью, оказывается в продаже. Придя домой, он сразу «набрасывается» на нее, начав прямо с раздела о тростях. С тех пор «Методика обучения игре на духовых инструментах» со статьей Ротуэлл «Техника гобоя» становится его настольной книгой...

Теперь, во время своих домашних занятий на гобое Слава целиком сосредотачивает внимание на первой части концерта Гидаша, готовясь к выступлению на вечере в конце марта. В основном концерт у него получается, но есть некоторые пассажи, над которыми еще надо поработать. Параллельно он играет гаммы, этюды и «Жигу» Генделя для работы над стаккато. Однако, по мере приближения вечера он начинает ощущать скуку, усталость и даже некую апатию к гобою. В чем дело? Видимо, в его системе домашних занятий есть что-то не то. Но что? Слава тщательно анализирует эту систему и приходит к выводу, что ее надо менять. Он, как обычно, начинал каждое занятие с гамм и этюдов и, когда переходил затем к произведениям, чувствовал себя уже заметно уставшим, что неизбежно отражалось на его работе над ними. Во-вторых, он занимался на гобое 4-5 часов, желая выиграть время, подряд, практически без перерыва и через 2-3 часа так утомлялся, что терял интерес к занятию и только силой воли заставлял себя доводить его до конца. Поняв, что так продолжать больше

нельзя, юноша решает начинать занятие с работы над произведениями и только потом переходить к гаммам и этюдам. Второе новшество, которое он вводит – это делать каждое час 5-10- минутный перерыв для отдыха. Начав заниматься по новой системе, он сразу чувствует ее преимущества: пропала усталость, апатия, появился свежий стимул для продолжения занятий на гобое.

На уроке в конце марта Петров вдруг объявляет Славе, что, в связи с гастролями Госоркестра за границу, его выступление на вечере переносится на середину апреля. Это известие совсем не радует юношу, наоборот, огорчает его. Ему так хочется поскорее покончить с первой частью концерта Гидаша, которая ему уже порядочно поднадоела, чтобы перейти к новым вещам. Но делать нечего: слово педагога – закон. Вместе с тем, он не теряет чувство самокритичности и высказывается в своем дневнике, соединяя вопросы игры на инструменте с общими жизненными проблемами: «Кончается март. Именно в этом месяце я особенно напряженно занимался на гобое. Чувствую, как я еще технически слаб, и это ощущение теперь заставляет меня по 4-5 часов в день яростно играть на инструменте. То отчаиваюсь, теряю надежду, то воспаряю духом, верю в себя, в то, что из меня выйдет хороший музыкант. Даже всё остальное – чтение книг, слушание музыки, посещение театров и музеев отодвинул в сторону ради гобоя. Мое внутренне состояние в общем грустное, унылое, находясь под давлением философских и житейских проблем, которые встают передо мной – только вступающим во взрослую жизнь молодым человеком».

Наконец, подходит день 16 апреля, в который Слава должен играть на вечере кафедры духовых инструментов. Накануне, 15 апреля он решает пойти в музучилище при консерватории показать первую часть концерта Гидаша своему предыдущему педагогу Оруджеву. Мамед Мамедыч просит съаккомпа-

нировать ему концертмейстера Наталью Львовну Зломанову и остается доволен игрой своего бывшего ученика. Слава сопровождает Мамеда Мамедыча в его прогулке до Центрального дома работников искусств на Пушечной улице, по дороге беседуя с ним о самых разных вещах,- начиная с мамы и кончая Большим театром, где Оруджев был солистом оркестра в группе гобоев. Попрощавшись с Оруджевым, юноша спешит к себе домой ,- благо, дом находится рядом - в Варсонофьевском переулке, чтобы лишний раз поиграть перед вечером. Для выступления он выбирает одну из тростей Ананьина, поскольку сделанная им трость уже отслужила свое, и чувствует себя достаточно уверенно.

Однако выступление на вечере кафедры в большом 23-м классе оказывается для Славы неудачным. Всё началось с того, что, желая закрыть слишком открытую пасть трости, он неожиданно ломает ее. Пришлось играть на другой, не очень разыгранной трости. В комиссии, кроме Анатолия Викторовича и Мамеда Мамедовича, сидят профессора Владимир Петров, Ягудин и Терехин. Во время игры Слава чувствует, что с тростью что-то случилось. Улучив паузу, он присматривается к ней и вздрагивает от ужаса: ее правый уголок отломился! Вследствие усилившегося волнения юноша начинает спотыкаться, и в голове мелькает мысль: не прекратить ли игру? Но это было бы полное фиаско! С трудом кое-как доиграв до конца, Слава, совершенно убитый и расстроенный, сразу идет домой и, в отсутствии матери, бросается, разрыдавшись, на кровать. Такого отчаяния, такой невыносимой тоски он, кажется, не испытывал с июня 1967 года, когда провалился на экзамене по композиции. Неужели рушилась еще одна его мечта: стать хорошим гобоистом и попасть в один из ведущих оркестров страны?

Полежав больше часу и немного успокоившись, Слава решает позвонить Петрову, чтобы сказать, что причина его неудачи в трости с отломанным уголком, и узнать, что ему поставили.

- Да, ты действительно сыграл неважно. Жаль, что из-за трости ты не смог показать себя в лучшем виде. Сам понимаешь, что комиссия не могла поставить тебе больше «четверки». Но не отчаивайся. У тебя еще всё впереди. Я верю в тебя и надеюсь, что на следующем вечере в мае ты покажешься намного лучше. Готовь вторую и третью части концерта Гидаша. Желаю удачи! После слов учителя Слава совсем успокаивается и загорается желанием взять реванш на майском вечере.

Буквально на следующий день юноша с яростью «набрасывается» на гобой, поставив целью уже на ближайший урок по специальности принести обе части концерта Гидаша наизусть и тем самым удивить Петрова. И ему это удается! Анатолий Викторович, прослушав исполнение прежде строптивого ученика, не скрывает своего удивления:

- Покорил ты меня сегодня, покорил! Если бы ты так занимался два года назад, думаю, имел бы все шансы стать лауреатом конкурса «Пражская весна»! Теперь тебе предстоит нагнать упущенное время. Шансы еще не все потеряны! Впрочем, сыграть наизусть две части концерта Гидаша – это еще половина дела. У тебя еще много работы над звуком, строем, легато, стаккато, техническими местами.

Воодушевленный похвалой учителя, Слава просит разрешить ему параллельно с концертом Гидаша разучивать фа мажорный квартет Моцарта для гобоя и струнных в переложении для фортепиано, который ему очень нравится в исполнении Наташи Дыдычкиной.

- Я не возражаю, - говорит Анатолий Викторович, - но при условии, что это не отразится на подготовке к майскому вечеру концерта Гидаша. Кроме того, не забудь, что ты должен продолжать играть гаммы и этюды. А с сегодняшнего дня мы

начнем также читку с листа оркестровых партий, что также входит в программу по специальности. Ведь консерватория готовит прежде всего будущих артистов оркестра. Так или нет? – При этих словах Петров весело подмигивает Славе правым глазом и ставит на пульт ноты, - вот соло для гобоя из 9-ой симфонии Бетховена. Попробуй-ка сыграть вот это место.

Слава, спотыкаясь, проигрывает соло гобоя из второй части симфонии (скерцо) и густо краснеет.

- Да, прямо скажу – неважно. С такой читкой с листа тебя ни в один оркестр не возьмут! Ты должен тренироваться в читке дома каждый день, для чего возьми в библиотеке «Оркестровые трудности для гобоя зарубежных композиторов». Советую также, - добавляет Петров, - найти и прослушать пластинку с записью концерта Гидаша в исполнении Евгения Ляховецкого. Гобоист он не ахти какой, на нынешнем конкурсе «Пражская весна» получил лишь диплом, но у него есть, чему поучиться!

- А кому из наших гобоистов дали премию? – интересуется Слава.

- Одному Олегу Соколову, и то лишь третью. Думаешь, легко победить на Пражском конкурсе? В Чехии своих отличных гобоистов хватает! А сколько приезжает еще из других стран! Конкурс очень трудный и требует серьезной подготовки. Там «шаляй-валяй» не проходит!

- Вот как? – удивляется Слава.

- А ты как полагал?

Взяв на вооружение совет педагога, Слава после урока решает обойти все московские магазины пластинок и в одном из них находит желанную пластинку! Придя домой, он тут же слушает ее по нотам, после чего понимает, как ему еще далеко до уровня Ляховецкого! Однако, эта запись не убивает, а только усиливает в нем желание заниматься на гобое более рьяно, с удвоенной энергией. Поработав над концертом Гидаша, Слава принимается за разучивание квартета Моцарта, кото-

рый оказывается весьма крепким орешком. Но технические трудности его не смущают, и уже через неделю он приносит на урок Петрова первую часть квартета наизусть, чем вновь приятно поражает педагога. Одновременно он переписывает партию гобоя сонаты Сен-Санса и сонатины Джакоба, намереваясь после Моцарта перейти к этим произведениям.

В праздник Первомая Славе, как комсоргу, вновь приходится участвовать от консерватории в демонстрации трудящихся на Красной площади. Как и в Октябрьский праздник, вместе с ним идут Наташа Дыдычкина и Амман Курбаналиев. Он видит немало знакомых педагогов, среди которых Мюллер, Ягудин, Калиничева, Мамедбеков и другие. Впереди консерваторской группы вновь идет военный оркестр, который своей игрой создает праздничное настроение. Всюду улыбки, цветы, песни, смех, воздушные шары, во всю светит солнце. По окончании демонстрации Слава на Каменном мосту прощается со всеми, думая о том, что не только искусство, но и всенародные праздники духовно сближают людей. Вечером он едет к дяде Захару и вместе с его семьей – женой Ириной Борисовной, дочками Аллой и Таней за столом отмечает праздник. От выпитого сверх меры коньяка ему становится нехорошо, и он возвращается домой, где его уже ждет мама, немного простуженная.

На первом после праздника уроке по специальности Слава играет весь квартет Моцарта наизусть, получает очередную похвалу учителя и просит Петрова разрешить ему приступить к разучиванию сонаты Сен-Санса и сонатины Джакоба, партия гобоя которых им была уже переписана.

- Это, конечно, хорошо, что ты так быстро учишь вещи наизусть , - говорит Анатолий Викторович, - но не забывай, что 14 мая тебе предстоит играть на вечере кафедры духовых инструментов вторую и третью части концерта Гидаша. Там у тебя еще есть, над чем поработать! Имей в виду, что в связи

с заграничными гастролями Госоркестра в июне я договорился с руководством оркестрового факультета и нашей кафедры засчитать выступление учеников моего класса на майском вечере как экзамен за 2-ой семестр. Если ты хочешь иметь в зачетке отличную оценку, то должен получить на вечере не менее пяти баллов. Понял?

- Понял, - сконфуженно отвечает Слава.

- От этого, между прочим, зависит, какую ты будешь получать стипендию – обычную или повышенную. Тебе лишние деньги не помешают. Как ты думаешь?

- Не помешают, - кивая головой, соглашается ученик.

- Так что в твоих интересах, друг, сейчас целиком переключиться на концерт Гидаша и довести его до нужной кондиции. Кстати, тебе удалось достать и послушать пластинку в исполнении Ляховецкого?

- Удалось.

-Ну и как?

-По-моему, здорово!

- Вот видишь, есть на кого равняться. А теперь послушаем, как ты его сыграешь, а Ирина Павловна тебе подыграет.

Слава не без запинок исполняет вторую и третью части концерта Гидаша и с волнением ожидает, что скажет учитель.

- В целом очень неплохо, но на «пять» ты пока не тянешь. Поработай над строем во второй части, особенно в верхнем регистре, а в третьей – над пассажами, чтобы были поровнее. Да и динамические оттенки должны быть поярче, особенно пиано (тихо). Отыграешь на вечере концерт Гидаша и тогда можно будет перейти к сонате Сен-Санса и сонатине Джакоба. Ясно?

- Ясно, – вздыхая, отвечает юноша, ибо Гидаш ему порядочно поднадоел.

Тем не менее, заинтересованный в получении на майском вечере отличной оценки, Слава более тщательно работает дома над концертом Гидаша с учетом замечаний учителя. Он ищет

и находит дополнительную аппликатуру для звуков верхнего регистра, чтобы они были чище, и особенное внимание обращает на пиано. При этом его порой посещают сомнения, сможет ли он достичь уровня игры Ляховецкого...

Вскоре наступает еще один майский праздник – день Победы. С некоторых пор первая декада мая становится для Славы самым любимым временем года. Прошло 23 года, как закончилась Великая Отечественная война, а вместе с ней в сентябре – Вторая мировая война, – самая разрушительная из всех войн, которые знало человечество. Она повлияла на весь дальнейший ход развития истории и судьбы миллионов людей. Слава сознает, какие огромные жертвы заплатил советский народ за Победу, и потому 9 мая для него – священный день – день памяти погибших. Он слушает в этот день 5 симфонию Прокофьева, что стало для него доброй традицией. День выдался теплым, солнечным, и Слава вместе с приехавшим в гости Иосифом и выздоровевшей мамой едут в парк Сокольники, где они катаются на колесе обозрения, хохочат в комнате смеха, стреляют в тире, едят шашлык, слушают концерт из песен времен Великой Отечественной войны, а вечером наблюдают расцвечивающий ночное небо салют...

На следующий день опять начинаются будни. Слава упорно занимается на гобое и, наконец, 14 мая выступает на вечере кафедры после трех учеников класса Петрова с двумя частями концерта Гидаша. Он чувствует себя достаточно уверенно, но от сильного волнения у него пересыхает в горле и в третьей части два пассажа несколько смазываются. После долгого ожидания Анатолий Викторович, наконец, объявляет оценки, обращаясь сначала к Щетинину, Курбаналиеву и Кислякову, а потом отдельно к Славе:

- Вам на троих – 12, то есть по «четверке», а тебе, друг, «пять с минусом» - в качестве аванса на будущее и ради получения повышенной стипендии.

- Теперь я могу прийти на урок с сонатой Сен-Санса и сонатиной Джакоба? - спрашивает сияющий от радости Слава.

- Вот теперь можешь и, если успеешь, наизусть, - весело отвечает Петров и, попрощавшись, быстро уходит.

И что же? Занимаясь в течение недели на гобое, как вол, Слава выучивает оба произведения наизусть, чем вновь покоряет учителя.

- Поздравляю тебя с новым достижением,- говорит довольный Анатолий Викторович, - но играешь все-таки грязновато. Технической работы еще непочатый край! И не забудь, что у тебя еще есть программа по английскому рожку. Возьми в библиотеке и принеси на следующий урок концерт Хандошкина. Он написан для альта, но есть переложение для гобоя. Кстати, что тебе известно о Хандошкине?

- Только то, что он русский музыкант и жил в ХУШ веке. Я играл его концерт в музыкальном училище.

- Очень хорошо, а теперь поиграешь на рожке. Так вот, Иван Евстафьевич Хандошкин был русским скрипачом-виртуозом, композитором, дирижером, педагогом и, между прочим, капельмейстером придворного оркестра в Петербурге. Фигура довольно крупная в русской музыке.

Слава тут же берет ноты Хандошкина в библиотеке и вечером дома с удовольствием проигрывает его на рожке.

желая принести все части концерта на урок Петрову наизусть.

Однажды, в один из майских дней гобоист Леша Петров, занимающийся в классе Оруджева, встретившись случайно со Славой в фойе консерватории, предлагает ему халтуру.

- Что за халтура? – спрашивает Слава.

- Весьма прибыльная, - отвечает Леша.- Через несколько дней в музее-усадьбе Архангельское под Москвой будут идти ночные съемки оркестрового исполнения «Прощальной» симфонии Гайдна. Меня попросили подыскать второго гобоиста

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

го вокзала обещанные за съемки деньги, но не все 15 рублей, а меньше, так как из них вычислили налог за бездетность в сумме рубля и 12 копеек. Вспомнив, что сказал про деньги Чалышев, юноша не очень расстраивается...

Находясь под сильным впечатлением от посещения Архангельского, Слава рассказывает о своей поездке маме и с новым рвением возвращается к занятиям на гобое. Ему хочется как можно больше проиграть гобойных произведений и он, оставив на время сонату Сен-Санса и сонатину Джакоба, приступает к разучиванию первой части 2-го концерта Крамаржа и первой части концерта Савельева, - оба технически очень трудных.

В конце мая Слава приходит на последний во 2-ом семестре урок по специальности и сначала проигрывает с Ириной Павловной на рожке наизусть первую часть концерта Хандошкина, а затем на гобое новые произведения.

- Однако ты, друг, смелый, что замахнулся на концерт Савельева, не скрывая удивления, говорит Анатолий Викторович, - ведь этот концерт – один из труднейших в гобойном репертуаре. Что касается Крамаржа, то, думаю, он у тебя пойдет. В любом случае, оба концерта будут твоим домашним заданием на лето. Не забудь также проигрывать каждый день гаммы и этюды и тренироваться в читке с листа. А вот концерт Хандошкина ты сыграл на рожке довольно прилично, - будем считать, что ты его сдал. Можешь от рожка отдохнуть. Передай его Ананьеву, чтобы он оформил его на свое имя. А теперь дай мне свою зачетку, - я впишу в нее положенное тебе «отлично». Ты в целом хорошо поработал во 2-ом семестре, но на 4-ом курсе предстоит сделать еще больше.

Получив обратно из рук учителя зачетку с заветной «пятеркой» Слава тепло прощается с Анатолием Викторовичем и Ириной Павловной на всё лето и, довольный, покидает класс. На следующий день он жадно «набрасывается» не только на

концерты Крамаржа и Савельева, но и концерты Сейдела и Брунса, которые к тому времени успел переписать.

Однако в начале июня Славе приходится вновь менять программу в связи с просьбой Чалышева, работавшего по совместительству дирижером самодеятельного оркестра в Клубе медицинских работников (рядом с консерваторией), выступить 16 июня на концерте в парке Сокольники по случаю Дня медиков. При этом Игорь Иванович дает Славе полную свободу в выборе произведения и знакомит его с молодым пианистом Витей, который будет аккомпанировать ему на концерте. Юноша останавливает свой выбор на первой части концерта Гайдна, вторую и третью части которого он играл еще в музыкальном училище. Она намного сложнее двух последних, что отвечало желанию Славы скорее продвигаться в игре на гобое в техническом отношении. В течение двух недель упорных домашних занятий он в основном одолевает трудные пассажи, выучивает всю часть наизусть и несколько раз встречается с Витей для совместных репетиций. Однако за несколько дней до концерта вдруг начинает давать о себе утомление кисти правой руки, особенно ее большого пальца, что сказывается на исполнении пассажей. Похоже, что юноша переиграл руку, но, будучи человеком слова (обещание Чалышеву!), решает не отменять свое выступление.

В день концерта 16 июня Слава, договорившись с мамой, что она подъедет в парк позже, едет в Сокольники, где встречается с Витей и терпеливо ждет своей очереди выхода на эстраду. На душе у него тревожно, как всегда, беспокоит трость, и на всякий случай у него с собою пульт из дома, чтобы иметь перед глазами ноты для подстраховки. Увы, нехорошее предчувствие не обманывает юношу: пальцы правой руки не слушаются и первую часть концерта Гайдна он играет неважно, решив опустить каденцию. Несмотря на аплодисменты собравшейся публики, он понимает, что это провал, и, рас-

строенный, сходит с эстрады, не забыв поблагодарить Витю. Пытаясь проанализировать причину своего неудачного выступления, он приходит к выводу, что сделал ошибку, выбрав для него первую часть концерта Гайдна. Надо было взять вторую, медленную часть и тогда он выступил бы намного лучше...

Вскоре после исполнения Славы концерт прерывается из-за грозы, по окончании которой он встречается с мамой. На вопрос, как прошло его выступление, он, чтобы не расстраивать ее, отвечает «нормально» и с аппетитом ест привезенную ею еду – салат, курочку и черную икру. Затем они прогуливаются по аллеям парка и на звуки эстрадного оркестра выходят к летней танцплащадке, где под звуки вальса Штрауса кружатся пары. Не так давно Слава мечтал танцевать здесь и встретиться с девушкой своей судьбы. Но теперь это желание в нем остыло...

На следующий день Чалышев на занятии по ансамблю в консерватории интересуется у юноши, как он сыграл на концерте. Юноша, покраснев, молчит, не зная, что ответить, и тогда Игорь Иванович, положив ему на плечо руку, говорит утешающим голосом:

- Витя мне рассказывал. Я все знаю. Но не расстраивайся. С каждым это может случиться. Сегодня ты играешь неудачно, а завтра – удачно. Такова наша профессия. Желаю тебе удачи!

Впрочем, теперь Слава целиком сосредотачивается на сдаче летней зачетно-экзаменационной сессии за 2-ой семестр, которая в этот раз началась раньше обычного – 21 мая. Первым сдается досрочный экзамен по политэкономии, который принимает ведущий этот предмет доцент Сарычев. Поначалу политэкономия для Славы была темный лес, ибо она весьма далека от музыки. Чтобы хорошо разобраться в ней и основательно подготовиться к экзамену, Слава многократно перечитывает конспекты лекций и штудируют соответствующие учебники и работы классиков марксизма-ленинизма. В итоге

он так усваивает прежде непонятный ему материал, что может консультировать по нему обращающихся к нему за помощью студентов своей группы. На экзамене юноше попадает билет №10 с двумя вопросами: рабочая сила как товар и вывоз капитала в современных условиях, ответив на которые он получает вожделенную «пятерку».

В конце мая Слава приходит на последнее занятие оркестра, который он аккуратно посещает в течение 2-го семестра, играя партию второго гобоя. А за первым пультом Шурика Попова сменяет Леша Петров, с которым у юноши устанавливаются хорошие дружеские отношения. Во 2-ом семестре Тэриан разучивает с оркестром такие сложные произведения, как 1-ая «Весенняя» симфония Шумана, 9-ая симфония «Из Нового света» Дворжака, симфония до минор Танеева, 2-ая симфония Брамса, 5-ая симфония Глазунова и увертюра к опере «Тангейзер» Вагнера, музыка которых Славе очень нравится. А в симфонии Глазунова Леша предлагает юноше играть партию первого гобоя, с которой он неплохо справляется. Естественно, не обходится без типичных для Михаила Никитича замечаний и показов на альте, чем он весело забавляет студентов. Весьма строгий инспектор оркестра Юрий Иванович выставляет каждому зачет и желает всем хорошего летнего отдыха.

Во втором семестре Слава несколько снижает активность занятий по общему фортепиано, что не мешает ему на вечере в апреле за программу из произведений Дебюсси («Пастушок» из «Детского уголка») и Сен-Санса (аккомпанимент во 2-ой части сонаты с Шурой Поповым) получить «5». А в мае Слава, придя на контрольный урок, сообщает Мусинян, что Шура не может прийти на зачет, чтобы играть с ним 2-ую сонату Генделя, и тогда Нина Никитишна освобождает его от зачета, что становится для юноши приятным сюрпризом. Днем позже Слава получает зачет по педпрактике после того, как его «ученик» из музучилища при консерватории Володя отыгрывает в при-

сутствии заведующего педпрактикой Евгения Сорокина свою программу. А через неделю Слава сдает преподавателю Семенову зачет по истории искусств, которую он с удовольствием посещал в течение всего учебного года. Уверенно ответив на вопрос, что создали Леонардо да Винчи, Микеланджело и Рафаэль, Слава с чувством благодарности прощается с Семеновым и, выйдя из класса, тут же консультирует осадивших его студентов...

На следующий день Слава сдает экзамен по ансамблю. За месяц до экзамена преподаватель Чалышев предложил ему вместе с Валерой Ананьевым, фаготистом Женей Горшковым и студенткой из Монголии Эрден подготовить трио № 6 ре мажор Генделя для двух гобоев, фагота и фортепиано. Юноше очень нравилась музыка этого трио, хотя партия гобоев и содержала технические трудности. Но Женя почему-то не явился на экзамен, и пришлось играть без него. Однако, комиссия высоко оценила исполнение Генделя и всем поставила по «пятерке». Должны были играть еще концерт для четырех гобоев си минор Вивальди (в оригинале для четырех скрипок), но из-за отсутствия двух студентов Игорь Иванович предложил перенести его исполнение на сентябрь. После экзамена Слава зашел с Валерой в кафе возле консерватории, где они взяли черное кофе и весело поболтали.

Через два дня Слава не без волнения является на зачет по английскому языку, преподаватель которого Мария Абрамовна Жак в течение всего учебного года драла со студентов шкуру. Он почти без ошибок делает письменный перевод текста о Бахе с английского на русский язык, но немного сбивается при устном переводе с русского на английский. В целом Мария Абрамовна довольна его продвижением по английскому языку, кроме произношения, с которым у него всегда была проблема, и ставит ему зачет.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

ставит ему в зачетке «пять». Таким образом, всю летнюю сессию за 2-ой семестр 3-го курса Слава сдает на «отлично», что не может его не радовать! В конце июня он в последний раз перед летними каникулами появляется в консерватории, чтобы сдать в обе библиотеки ноты и книги, заполнить обходной лист и получить стипендию за лето.

КУЛЬТУРНЫЙ ДОСУГ. СПОРТ

Несмотря на почти полное погружение в учебу, Слава на 3 курсе находит время для выполнения культурной программы и занятий спортом, продолжая считать их важной частью своего духовного и физического развития. Культурный досуг включал в себя посещение концертов и театров, музеев и кинотеатров, прогулки по Москве и загородные поездки, слушание музыки и чтение книг.

На первом месте для Славы, как и прежде, стоит посещение концертов и музыкальных спектаклей. В начале октября, после долгого летнего перерыва, он идет на абонементный концерт хоровой музыки в Большом зале консерватории, в первом отделении которого в исполнении Российской республиканской хоровой капеллы под управлением Александра Юрлова слушает русские старинные роспевы, хор «Славное море – священный Байкал», произведения Фомина, Березовского, Танеева, Давиденко и Свиридова. Как от музыки, так и от ее исполнения юноша остается в восторге. Во втором отделении исполняется «Свадебка» Стравинского, знакомая Славе по записи на пластинке. Это довольно сложная по музыкальному языку музыка , но участие в ее исполнении прекрасных певцов и певиц Р.Бобриневой, В.Левко, А.Масленникова и А.Ведерникова облегчает ее восприятие.

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

звучали два хоровых концерта Бортнянского. Колыбельная Глинки, хор Танеева «Увидал из-за тучи утес», хор Чайковского «Что смолкнул веселия глас» (на стихи Пушкина), вокализ «Ивушка» Щедрина, две части из «Всенощной» Рахманинова и в заключении – хор «Славься» из «Ивана Сусанина» Глинки. Русский хор предстал как высококлассный коллектив с присущей ему четкой дикцией, чистой интонацией и тонкой музыкальностью, в чем, безусловно, огромная заслуга Александра Васильевича. В антракте юноша виделся с композиторами Баласаняном и Буцко...

А в феврале он присутствует на юбилейном вечере профессора по классу гобоя Музыкально-педагогического института имени Гнесиных И.Ф. Пушечникова в Малом зале института по случаю его 50-летия. Среди гобоистов Иван Федорович пользуется непререкаемым авторитетом, как педагог, а его имя не раз встречалось Славе в нотных изданиях для гобоя в качестве редактора. Вот почему ему очень хотелось послушать его учеников, среди которых были лауреаты всесоюзных и международных конкурсов. Если в первом отделении звучала классическая музыка (Бах, Телеман, Вивальди), то во втором сугубо современная (Мийо, Боцца, Зайбер, Шинагара), причем как в сольном, так в ансамблевом (одновременно до десяти гобоистов!) исполнении. Из гобоистов особенно выделялись своей виртуозной игрой трое – Анатолий Любимов, Евгений Непало и Евгений Ляховецкий. Акомпанировал на фортепиано Владимир Пушечников – сын профессора, не только отличный пианист, но и композитор, представивший на концерте свое сочинение. В целом юбилейный вечер, на котором Слава встретился с Наташей Дыдычкиной, произвел на него сильнейшее впечатление и явился новым стимулом для его более усиленных занятий на гобое...

В связи с проблемой со временем Слава за весь сезон только раз побывал в театре, причем не в драматическом, а в му-

зыкальном. Это была его любимейшая опера «Война и мир», которую он слушал в Большом театре чуть ли не в десятый или одиннадцатый раз! И вновь его восхищала гениальная музыка Прокофьева как точной музыкальной характеристикой многочисленных персонажей оперы, замечательными ариями и хорами, так и тонким выражением духа эпохи Отечественной войны 1812 года. Дирижировал спектаклем неподражаемый Геннадий Рождественский, а главные партии замечательно пели Вишневская, Мазурок, Ведерников, Большаков, Петров и другие. Исполнение оперы в целом покорило юношу своей выразительностью и естественностью...

Если в драмтеатр в этом сезоне Слава не попадает, то для кино он с трудом, но находит время, посмотрев два фильма. Первый из них – знаменитая двухсерийная картина «Иван Грозный» режиссера Сергея Эйзенштейна. Известно, что Сталин первую серию принял безоговорочно, а вот вторую запретил к показу, увидев в ней намеки на критику своей диктатуры. Главную роль царя Грозного замечательно играет Николай Черкасов, однако вложенные в уста царя страстные политические монологи о необходимости единения Руси перед угрозой внешних врагов он вряд ли мог говорить в его время. В фильме звучит гениальная музыка Прокофьева, на основе которой дирижер Стасевич создал ораторию. Интересно, что напевную тему бесконечной степи композитор потом использовал для арии Кутузова в опере «Война и мир». Второй фильм – «Места тут тихие», который посмотрел Слава, посвящен защите русского Севера за Полярным кругом в годы Великой Отечественной войны. Как ни удивительно, там также велись боевые действия, и после просмотра юноша преисполнился чувством преклонения перед героями войны...

Из музеев Слава по-прежнему особое внимание уделяет Третьяковской галерее, как главной сокровищнице русского искусства. Теперь его привлекает не только классическая

живопись XVШ-X1X веков, но и древнерусское искусство, выраженное в иконах, и изобразительное искусство XX века со всеми его современными течениями. И хотя ему не всё принимает в современной живописи, он упорно стремится постичь ее новые изобразительные средства и законы. А в конце сентября Слава начинает снова проявлять интерес к музею изобразительных искусств имени Пушкина, во время посещения которого он в зале итальянской скульптуры эпохи Возрождения неожиданно встречает друга Олега Жухина, рисующего скульптуру Давида работы Микеланджело. Это был тот самый Олег, который помог ему в ноябре прошлого года освободиться от тети Сипро! Радости друзей нет предела, и они наперебой делятся своими новостями. Олег сообщает, что он ушел из консерватории, нигде не учится, не работает, что он увлекся рисованием и думает поменять Москву на Ленинград.

- Я хочу жить для искусства, а не продаваться за деньги, - резюмирует он свой рассказ, - советую тебе также попробовать себя в рисовании. Это такое счастье, такое блаженство!

- Обязательно попробую,- не возражает Слава, - я также с некоторых пор серьезно интересуюсь изобразительным искусством, которое так много говорит об эпохе, когда жил тот или иной художник. Но только все виды искусства вместе с литературой дают полное, всеобъемлющее представление об интересующем нас времени.

Олег соглашается со Славой, и друзья договариваются о новой встрече. По его совету юноша покупает альбом для рисования, цветные карандаши, акварельные краски, пробует рисовать – дома, людей, деревья, цветы, но из этих попыток у него ничего не получается. Поняв, что у него нет никакого художественного дара, Слава с облегчением перестает заниматься рисованием. Через несколько дней он снова приходит в Пушкинский музей – в это раз на экскурсию для студентов консерватории, организованную преподавателем по эстетике

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

удовольствием ходит в московский планетарий, где слушает лекции «Мир звезд и галактик», «Прилетали ли гости из Космоса?» и любуется появлением звездного неба под музыку из «Лебединого озера» Чайковского. Правда, после каждого посещения планетария Слава с грустью представляет себе планету Земля, которая в виде песчинки одиноко бороздит бескрайние просторы Космоса, являясь единственным носителем жизни во Вселенной...

Учась на 3-ем курсе консерватории, Слава, когда позволяет время, любит совершать поездки по Москве и за город. Прежде всего это поездки к дяде Захару, который продолжает давать ему каждый месяц в качестве помощи 25 рублей, продукты и вещи и приглашает к себе на праздники. Вместе с мамой юноша регулярно навещает двоюродного брата Иосифа в интернате рядом со станцией метро «Молодежная», а иногда брат сам приезжает к ним погостить в дом в Варсонофьевском переулке. По-прежнему любимым местом отдыха для Славы является Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ) где он по традиции обязательно посещает павильоны «Советская культура» и «Космос», а также некоторые другие, например, животноводства. Однажды, в приступе ностальгии он посещает здание общежития Гнесинского института (рядом с ВДНХ), где жил в учебный сезон 1963/1964 год, когда учился на 3-ем курсе музыкального училища при консерватории. Здесь ничего с тех пор не изменилось, и та же церковь в розовом цвете красиво выделяется на фоне окружающего ее зеленого убранства. Пройдя затем мимо памятника покорителям Космоса на проспекте Мира с взмывающей ввысь ракетой, Слава прогуливается по ВДНХ, и звучащая по радио лучезарная музыка кантаты Шостаковича «Над родиной нашей солнце сияет» приводит его в экстаз...

Из парков теперь Слава больше всего предпочитает Сокольники, где он зимой с огромным удовольствием катается на

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

понимания. Она всячески агитирует сына снова ехать летом на Кавказ, но Слава решительно отказывается от дальней поездки, имея твердую цель выполнить все намеченные на летние месяцы планы...

Важное место в культурном досуге Славы по-прежнему занимает музыка и чтение. Прослушивание пластинок, которые он продолжает покупать в большом количестве, становится для него острой необходимостью, без чего он уже не может жить. При выборе пластинок юноша руководствуется тремя принципами: расширять круг имен неизвестных ему дотоле композиторов, пополнять новыми произведениями коллекцию уже имеющихся композиторов, отбирать наиболее знаменитых исполнителей и собирать как можно полнее сочинения особо любимых композиторов, к каким он относил Баха, Генделя, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Шумана, Шопена, Мендельсона, Верди, Глинку, Бородина, Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова, Прокофьева и Шостаковича.

Юноша также приобретает и с удовольствием слушает произведения Глюка, Гайдна, Брамса, Вагнера, Р.Штрауса, И.Штрауса, Малера, Палестрины, Перголези, Вивальди, Корелли, Пуччини, Берлиоза, Франка, Дебюсси, Равеля, Листа, Грига, Монюшко и Лысенко.

Особое внимание Слава уделяет расширению коллекции русской и советской музыки , которую, кроме особо любимых композиторов, он дополняет произведениями Даргомыжского, Балакирева, Глазунова, Танеева, Скрябина, Лядова, Стравинского, Мясковского, Кабалевского, Свиридова, Хачатуряна, Гаврилина, Щедрина и Кара Караева.

Слава может гордиться, что в его фонотеке среди исполнителей имеются такие великие музыканты, как дирижеры Тосканини, Фуртвенглер, Вальтер, Стоковский, Мравинский, Светланов, Мелик-Пашаев, Кондрашин, Голованов и Самосуд, пианисты Рихтер, Гилельс, Софроницкий, Оборин и Давидо-

вич, скрипачи Ойстрах и Коган, виолончелисты Ростропович и Шафран, певцы Фишер-Дискау, Козловский, Долуханова, Нэлепп, Максакова, Гмыря и многие другие. Чтобы глубже проникнуть в музыку, юноша слушает каждое произведение по несколько раз, а некоторые оперные, симфонические и камерные сочинения по нотам – клавирам и партитурам, которые он берет не только в консерваторской библиотеке, но и в районных библиотеках имени Пушкина и Покровского, где имеются нотные отделы. При этомЮноша не ограничивается слушанием музыкальных произведений, но и записывает впечатления от них в своем дневнике...

Вследствие очень большой загруженности на 3-ем курсе интенсивность чтения у Славы несколько снижается, и тем не менее он старается найти любую свободную минуту, чтобы обратиться к книге, которая остается для него главным источником знания и жизненной мудрости. Как и прежде, первое место в его приоритетах чтения занимает русская литература. При этом он знакомится как с новыми для него произведениями, так и перечитывает читанное раньше. Юноша с удовольствием читает русские былины об Илье Муромце и Добрыне Никитиче, стихи и прозу Карамзина («Бедная Лиза», «О любви к Отечеству и народной гордости»), стихи Державина и басни Крылова, комедии «Бригадир» и «Недоросль» Фонвизина, «Горе от ума» Грибоедова, «Домик в Коломне» и «Капитанскую дочку» Пушкина, «Мцыри» и «Песню про царя Ивана Васильевича...» Лермонтова и роман «Идиот» Достоевского. Славе близки благородством души одинокий Чацкий, купец Калашников и дворянин Гринев, но особенно привлекает чистотой и красотой мыслей и чувств образ князя Мышкина. Он с неослабевающим интересом следил за развитием сюжета в «Идиоте», который потрясает его трагической судьбой Настасьи Филипповны...

При чтении зарубежной литературы Слава в этот раз делает акцент на античных авторов. Так, после «Илиады» Гомера он

читает «Одиссею» и «Энеиду» Вергилия, восхищающих его мужеством и смекалкой, с которыми главные герои преодолевает выпавшие на их долю жизненные трудности и испытания. Юноша обращается к древнегреческой драматургии и с волнением прочитывает трагедии Эсхила «Прометей», «Антигона» и «Электра» Софокла, «Ифигения в Авлиде», в основу которых положена идея самопожертвования во имя общественного блага и справедливости. Творчество древних авторов юноше помогают понять прочитанная на одном дыхании «Поэтика» Аристотеля и книга Кунина «Мифы Древней Греции». Не забывает Слава и о своем любимом Шекспире, чьи пьесы «Как вам это понравится», «Конец – делу венец» «Юлий Цезарь», «Троил и Крессида» он прочитывает с восторгом.

Слава также продолжает покупать и слушать пластинки с литературными записями, среди которых стихи Пушкина в исполнении Журавлева, стихи Блока в исполнении Аксенова, спектакль МХАТА «Анна Каренина» Толстого со знаменитой Аллой Тарасовой, композиция «Шахразада» в чтении Кочаряна. Впечатления от этих записей, конечно, очень сильные.

Однако, Славу интересует не только художественная литература, но и книги посвященные истории, искусству, науке и даже философии. Он штудирует учебники по истории Древней Греции, СССР, искусств, книги о венецианской и флорентийской школах живописи Бернсона, о Рафаэле Вазари, «От Моне до Лотрека» Вентури, «Цвет в живописи» Волкова, о русской живописи Асафьева, что помогает ему глубже проникнуть в законы изобразительного искусства. Юноша с большим интересом читает книгу о Генделе Ромена Роллана и работу Дидро «Письмо о слепых в назидание зрячим», по которой пишет реферат. Не проходят мимо его внимания и работы классиков марксизма-ленинизма: «Нищета философии» Маркса, «Развитие социализма от утопии к науке», «Диалектика природы», «Анти-Дюринг», «Возникновение частной собственности,

семьи и государства» Энгельса, «Государство и революция», «Материализм и эмпириокритицизм», «О так называемом вопросе о рынке», «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и статьи о Льве Толстом Ленина. Так что Слава чувствует себя идеологически достаточно подкованным.

Юноша, следя за событиями в стране и мире, также регулярно просматривает периодические издания – газеты «Правда», «Комсомольская правда», «Советская культура», журналы «Советская музыка» и «Музыкальная жизнь». Он страстно осуждает и даже ненавидит США за продолжающуюся войну во Вьетнаме и тяжело переживает арест после переворота в Греции композитора Микиса Теодоракиса, смерть композитора-песенника Аркадия Островского, убийство в Америке борца за права негров Мартина Лютера Кинга и трагическую гибель первого космонавта Земли Юрия Гагарина в марте 1968 года. Знаменитую гагаринскую улыбку он будет помнить всегда...

ЛЕТО 1968 г. ТРЕТЬЯ ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ

В конце июня в консерватории после окончания экзаменационной сессии наступают долгожданные студенческие каникулы, и Слава строит на лето обширные планы. На первом месте для него по-прежнему стоит гобой, и юноша, не оставляя мечту стать виртуозом, намерен упорно заниматься на инструменте все летние месяцы. С целью улучшения контроля за качеством и силой звука, атакой, строем, правильным дыханием, исполнением штрихов и развитием техники юноша вводит новую систему домашних занятий, рассчитанную на 5-6- часов в день. Утром (2, 5 – 3 часа): длинные ноты, медленные пьесы, этюд на стаккато, работа над быстрыми частями крупных произведений, вечером (2, 5 – 3 часа): игра на рожке (крупное произведение), гаммы с упражнениями, этюды, чит-

ка с листа. Слава планирует выучить за лето не менее 15 сочинений для гобоя достаточно высокой степени сложности и не менее 30 этюдов из сборников Ферлинга, Донта, Флемминга, Люфта и Милле. Кроме того, он вводит еще одно новшество: проигрывать дополнительно партию гобоя на пианино, что помогает ему лучше вжиться в музыкальный образ.

Запасшись у Ананьина несколькими новыми тростями, Слава с 1 июля с удвоенной энергией приступает к исполнению задуманной программы. Первое время он занимается в консерватории, где ему дает свободный класс милая Фозель, но потом, видя, что теряет много времени на дорогу, решает заниматься дома. Правда, под окном его квартиры во дворе дома ставят стол для игры в пинг-понг, и порой приходится играть на гобое под удары стукающихся об стол шариков. Но чего только не будешь терпеть ради заветной мечты! В конце июля Слава подводит итоги своих усиленных занятий на гобое за первый месяц летних каникул. Им частично выучены наизусть восемь крупных произведений: си-бемоль мажорная соната Моцарта (переложение скрипичной сонаты К.387), концерты Генделя (си-бемоль мажор), Савельева, Хандошкина (на рожке), Вариации на тему Глинки Римского-Корсакова, сонатина Джакоба, «Пасторальная фантазия» Боцца, «Поэма» Дранишниковой, а также три (из шести) метаморфозы для гобоя соло Бриттена. Кроме того, Слава повторяет первую часть 2-го концерта Крамаржа, сонату Сен-Санса и решает вернуться к первой части злосчастного концерта Гайдна, которую он так неудачно сыграл в Сокольниках, и подучил трудные места. Хотя в летней программе в техническом плане оставалось еще, над чем надо поработать, юноша в целом доволен результатом своего труда.

В летнюю программу Славы входит также слушание музыки и чтение книг. Если хорошая погода, он обычно садится за книгу в сквере у Чистых прудов, а если дождливая, то читает

в библиотеке-читальне имени Тургенева, где большой подбор литературы, как художественной, так и по искусству. Иногда у него возникает желание прогуляться по улицам центра Москвы и посмотреть, что изменилось в ней за последние годы. Однажды он совершает поездку в Лужники на ярмарку, где покупает заинтересовавшие его пластинки. В другой раз он едет в Серебряный бор, где берет на прокат лодку и, гребя веслами, любуется зелеными берегами Москва-реки.

Но особенно часто Слава любит приезжать по выходным дням в Пансионат на Клязьменском водохранилище в 15 км от станции Мытищи, где ему так понравилось отдыхать летом 1966 года с Юрой Капитоновым, и куда он потом приезжал летом 1967 года. Пансионат привлекает юношу возможностью брать на прокат велосипед и кататься на нем по прекрасным асфальтовым дорогам вдоль полей, лугов и лесов. Какая это огромная радость мчаться среди чудесной подмосковной природы! Какие только места вокруг водохранилища он не проезжал: Березовая роща, Пирогово, Болтино, Жёстово, Белянниново, поселок Северный, зоны отдыха Краснопресненского и Тимирязевского районов. Реже Слава берет на прокат лодку и не боится отплывать на ней далеко от берега. После катания на велосипеде или лодке он обычно отдыхает в фойе одного из отелей Пансионата возле телевизора или идет смотреть кино, например, двухсерийный фильм о «Сатурне», посвященный работе советских разведчиков в годы войны. Если он приезжает сюда от станции Мытищи на автобусе, то обратно предпочитает возвращаться в Москву по воде на «Ракете» до Северного речного вокзала.

Юноша собирается провести в Москве так же и август, но, уступая настоятельным просьбам мамы ехать на Кавказ, в конце концов соглашается на дальнюю поездку, поняв, что надо думать не только о себе, но и о ней... 31 июля мама едет на Курский вокзал и берет билеты на ближайший поезд Мо-

сква – Баку, который отходит 1 августа в 3 часа дня. Значит, на сборы в дорогу остаются одни сутки! Всю ночь мама, не ложась спать, собирает и укладывает вещи в два больших чемодана. На следующий день утром Слава также собирает вещи в свой маленький чемоданчик, пришивает пуговицы к костюму и по поручению матери выполняет ряд неотложных дел. Наконец, за два часа от отхода поезда они выезжают на такси из дома и на вокзале сдают чемоданы в багажное отделение. Как нарочно, у Славы начинает болеть горло и он обращается в медпункт, где ему дают нужные таблетки. В поезде, который отходит с опозданием на 15 минут, юноша понемногу приходит себя и прислушивается к разговору, который заводит мама с соседями по купе в плацкартном вагоне – тремя азербайджанцами и молодой украинкой. Один из них, прекрасно певший, начинает приставать к красавице-украинке, но мама на него так прикрикивает, что он тут же оставляет свои ухаживанья. В течение всей долгой дороги, Слава, не взяв с собой ничего для чтения, мысленно подводит итоги своих занятий за два летних месяца пребывания в Москве, обдумывает сюжет и характеры героев только что прочитанного им романа Достоевского «Идиот» и вспоминает две свои предыдущие поездки на Кавказ в 1960 и 1966 году.

Перед тем, как ехать в Кубу, мама, желая повидать родных, как и в прежние поездки, решает сделать по дороге двухнедельную остановку в Дербенте, куда поезд прибывает утром 3 августа спустя почти двое суток пути. Накупив на привокзальном рынке дешевых фруктов и овощей и взяв такси, мама со Славой едут к дяде Изье на улицу Таги-Заде, 33, где они только часть семейства дяди Изьи, который с тех пор, как они приезжали в Дербент два года назад, внешне совсем не изменился и продолжал заниматься портняцким делом. Из детей дяди с ним живут дочки Белла и Мараль, сыновья Алик и Юрик, которые заметно подросли. Старшая дочь Света еще

несколько лет назад вышла замуж и уехала с мужем Авшалумом в Джезгазган (Казахстан), другая дочь – Роза также вышла замуж и тоже собирается с мужем Романом в Джезгазган. Встреча прошла, как всегда, очень радостно и дядя Изья устроил для гостей праздничный ужин.

На следующий день мама со Славой идут в гости к тете Рае, у которой отмечается день рождения ее старшей дочери Маши. Тетя Рая совсем не изменилась – такая же худая, беспокойная, доброжелательная, вся в делах и заботах о своих детях – трех дочерях Маше, Ялте, Любе и младшем сыне Бине, сверстнике Юрика, которые также повзрослели. Маша, заметно похорошевшая, окончив десятилетку, работает секретарем в школе и готовится поступать в Дагестанский университет на факультет иностранных языков. В доме продолжает жить свекровь тети Раи сварливая бабка Динор, отравляющая ей жизнь своей руганью, а во дворе появился щенок-волкодав по имени Джульбарс. Вечером за праздничным столом тепло поздравили Машу с днем рождения и весело отметили долгожданную встречу.

В тот же вечер мама со Славой возвращаются в дом дяди Изьи, где остаются до самого своего отъезда в Кубу. Славе нравится сдержанный характер дяди, который, несмотря на перенесенные испытания, умеет прятать в себе чувства и видит свою жизненную цель в содержании и воспитании детей, пока они не сыграют свадьбу. С ним живет Гальчуман – тихая, простодушная женщина, которая помогает ему вести домашнее хозяйство и смотреть за детьми. Утром и вечером дядя Изья включает радио «Голос Израиля», благодаря чему Слава впервые узнает всю правду об этой, пока еще загадочной для него, стране.

Из всех детей дяди Изьи Слава особенно тесно сближается с 18-летним Аликом, который избрал путь музыканта. А первые уроки игры на трубе он получил у Леши Бартенева, кото-

рый, когда жил со Славой в общежитии Гнесинского института, приезжал летом 1963 года со славиной мамой на Кавказ. Теперь Алик руководил музыкальным оркестровым кружком при заводе шлифовальных станков и готовился к поступлению в Дербентское культпросветучилище. Иногда Слава приходит к нему с Юриком на завод послушать его оркестрик и видит, как он обучает ребят и брата игре на духовых инструментах. При всем старании и энтузиазме Алика, очевидно, что ему не хватает знаний и навыков в этом непростом деле. В клубе завода, где проходят занятия кружка, стоял стол для игры в пинг-пинг, и Слава не упускает случая поиграть с Аликом и Юриком в столь любимую им игру.

Но главное, что привлекает юношу в Дербенте, это, конечно, Каспийское море, куда он ходит купаться с мамой и детьми. Он любит наблюдать, как каждый раз море меняется: то оно совершенно спокойное со сверкающими на водной зыби солнечными бликами, то слегка волнуется, переливаясь ласковыми синими волнами, как в «Сказке о царе Салтане» Пушкина, то во всю бушует, меняя синий цвет на серый, как на картинах Айвазовского. В перерывах между купаниями Слава, забыв про свой возраст, с азартом играет с младшими братьями и сестрами в мяч, шашки, домино, карты или бегает с ними по берегу наперегонки. Потом, ближе к вечеру, дети уходят домой, а Слава с мамой садятся в каком-нибудь сквере или парке, где она подкармливает его вкусными вещами. Иногда он совершает по Дербенту одиночные прогулки и однажды поднимается к верхнему шумному восточному базару, где гуляет по чистым и экзотическим улочкам верхнего города. А после вкусного ужина у дяди Изьи – сладкий сон на полу во дворе, устеленном матрацами...

За два дня до отъезда Коля – второй сын дяди Изьи, недавно женившийся и отделившийся от отца, приглашает маму и Славу со всеми родственниками на обряд обрезания своего

сына. Юноша впервые присутствует на таком необычном мероприятии и находится под сильным впечатлением от этого древнего, освященного вековой традицией, еврейского обряда. При прощании Коля просит Славу обязательно пригласить его, как брата, на свою свадьбу, когда он решит жениться после окончания консерватории. На другой день мама со Славой наносят прощальный визит в дом тети Раи и в полдень следующего дня, 21 августа, поблагодарив дядю Изью за гостеприимство и раздав детям мелочь на мороженное, садятся на поезд, чтобы ехать в Кубу. С ними очень хотела ехать Белла, но отец ее не отпустил.

Выйдя на станции Хачмас уже на территории Азербайджана, мама и Слава вначале предполагают ехать дальше до Кубы, как обычно, на автобусе, но подъехавший в тот момент таксист предлагает отвезти их за умеренную плату на такси. Мама, долго не думая, сразу соглашается с учетом большого багажа, взятого с собой, и таксист, забрав по дороге еще двух людей, уже через 20 минут прибывает в Кубу, подъехав прямо к дому дедушки в Красной слободе. Слава с волнением выходит из машины и видит так хорошо ему знакомые маленькую площадь с импровизированным рынком и двухэтажный дом, в котором он уже дважды жил в предыдущие приезды. Толпа местных мальчишек тут же окружает его и маму, предлагая свои услуги по переносу вещей в дом. Раздав им конфеты, мама запирает дом изнутри и, осмотрев открытую нижнюю комнату, где было душно, поднимается со Славой на второй этаж. Юноша любуется с балкона на знакомую картину: частные домики Красной слободы, реку Гудиял и протянувшийся над обрывом верхний азербайджанский город. Ничего не изменилось! Однако две комнаты на втором этаже оказываются запертыми, и мама предлагает сыну перенести наверх из нижней комнаты матрацы, постельное белье и постелить на довольно большом балконе, где можно дышать свежим возду-

хом. При этом не обходится без ее криков на Славу. Закусив тем, что у них было с собой, они, сильно уставшие, рано ложатся спать.

Слава долго не может уснуть, думая о том, какая жизнь его ждет в Кубе. Он чувствует, что с мамой ему будет трудно, ибо убеждается, что она не может жить, как все люди: делает всё медленно, долго собирается, не соблюдает обычный распорядок дня, поздно готовит, часто ругается из-за пустяков. Или, может, так во всех семьях, где нет тишины и спокойствия, близкие люди не могут найти общий язык? Как хорошо, что на свете есть искусство – музыка, живопись, литература, которые дают людям радость, силу, веру в себя и свое призвание. Только через искусство люди обретают взаимопонимание, дружбу и любовь друг к другу...

В первую очередь после прибытия в Кубу мама и Слава поднимаются на гору рядом с Красной слободой, где находится большое кладбище. По дороге они заходят в дом двоюродной сестры мамы Гали (дочери ее тети Бациин), у которой уже своих десять детей! С горы им открывается превосходная панорама окружающей местности и белеющих вдали высоких гор Главного Кавказского хребта. На кладбище они находят могилу маминого отца Шумуна Давида и на надгробном камне видят изображение магендовида – символа еврейского народа. Слава хорошо помнит дедушку как по их встречам в Москве в доме тети Сипро в Авиационном переулке с неизменной Торой на столе и по первому приезду в Кубу в 1960 году и, стоя у его могилы, вновь задумывается о загадке смерти...

В последующие дни Слава с мамой совершают по старому мосту и высокой, нарядной лестнице прогулки в верхний город, где посещают огромный базар, магазины, восточную баню, чайхану, шашлычную или гуляют по фруктовому саду, где собирают яблоки, груши, ежевику и грецкие орехи. В Красной слободе мама навещает своих родственников и ста-

рых знакомых, в каждом доме которых Слава видит множество детей, из чего он делает вывод, что смысл жизни горских евреев состоит в рождении и воспитании многочисленного потомства. 29 августа юноша прощается с Кубой и уезжает в Москву, договорившись с мамой, что она приедет в столицу попозже.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ. 4-ЫЙ КУРС КОНСЕРВАТОРИИ

В этот раз Слава едет в Москву в купе мягкого вагона скорого поезда, нагруженный предусмотрительной мамой продуктами, овощами и фруктами. Соседи – две девушки и юноша, с которыми было приятно поболтать. Времени – полно, читать – нечего, и тогда Слава, лежа в постели, предается воспоминаниям о только что закончившейся третьей поездке на Кавказ. В целом он ею доволен, так как чувствует себя хорошо отдохнувшим и поправившимся. Но постоянное присутствие рядом матери несколько подпортило ему пребывание на Кавказе. Во-первых, не обходилось без криков, во-вторых, Слава был ограничен в свободе и часто, особенно в Кубе, не мог распоряжаться временем по своей воле. По этой причине его общение с горскими евреями, которые называют себя на своем языке «джуури», ограничивалось одними родственниками, и ему ни с кем не удалось завязать дружеских отношений. И пусть мама считает их дикарями, на самом деле это простые, бесхистростные и доброжелательные люди, с которыми юноша чувствовал кровную связь. А какие там красивые девушки! Но, увы, только не для него...

На одной из станций в пути Слава покупает газеты и, читая, переживает по поводу бурных событиях в Чехословакии, где власть пытались захватить антикоммунистические элементы.

Находясь под прессом советской пропаганды, юноша приветствует ввод советских войск в Прагу, и только потом осознает ошибочность своей позиции. Впрочем, политика волнует его недолго. Гораздо приятнее ему, имея в поезде много свободного времени, прослушивать про себя темы из любимых опер «Сказание о граде Китеже и деве Февронии», «Руслан и Людмила» и «Война и мир». А на станции Курск в купе появляется новый сосед, сменивший прежних. Им оказывается военный летчик, рассказавший Славе об ожесточенных воздушных боях в районе Серпухова, в которых он участвовал в 1941 году. Немцы стремились любой ценой разбомбить мост через Оку, по которому проходил поезд, но безуспешно. Тогда они потеряли немало своих самолетов...

Наконец, поезд через два дня, 31 августа в 3.30 дня прибывает в Москву, и Слава, тепло попрощавшись с летчиком, на такси с радостью приезжает в свой дом в Варсонофьевском переулке, где ему предстоит какое-то время прожить без матери. Это его радует, так как теперь он может распоряжаться собой по своему усмотрению и не чувствовать на себе ее постоянного давления. Отдохнув с дороги, он едет к дяде Захару, рассказывает ему, как провел лето и получает 25 рублей, которые ему так необходимы! В тот же день, вернувшись домой, юноша жадно набрасывается на музыку и слушает любимые пластинки, в первую очередь 9-ую симфонию Бетховена под управлением Фуртвенглера. Гениальная бетховенская музыка опять воодушевляет его и вызывает огромное желание приступить к занятиям на 4-ом курсе консерватории, куда он ходит от дома пешком прежней дорогой по Кузнецкому мосту, проезду Художественного театра, улице Огарева до улицы Герцена (бывшей Большой Никитской). Прекрасно: не нужен транспорт и экономия денег!

Из всех предметов на первом месте у Славы снова гобой, и на уроке по специальности в начале сентябре он рассказывает

Петрову, как отдыхал и занимался летом и какие произведения успел переиграть. Анатолий Викторович хочет послушать первую часть до мажорного концерта Моцарта и сонатину Джакоба, остается доволен исполнением за исключением отдельных технических мест и просит принести на следующий урок первую часть концерта Савельева. Разумеется, все эти произведения Слава играет наизусть, и Петров предлагает на первом вечере кафедры духовых инструментов 29 октября показать четырехчастную сонатину Джакоба, сосредоточив на ней основное внимание. Остаются также этюды Милле, гаммы с упражнениями и читка с листа сольных мест из оркестрового репертуара, включая английский рожок. Вообще, в классе Анатолия Викторовича всегда царит веселая, непринужденная обстановка, что Славе порой хочется посмеяться, пошутить, что-нибудь выкинуть. Педагог, как обычно, во время игры дирижирует правой рукой и любит рассказывать разные истории из жизни композиторов и музыкантов.

Во время заграничных гастролей Петрова его на уроках заменяет ассистент Геннадий Петрович Керенцев, работающий в оркестре Большого театра и преподающий гобой в Центральной музыкальной школе. В отличие от Петрова, у него Славе заниматься не очень приятно, так как он навязывает свое мнение, как играть то или иное произведение, не заботясь о том, что каждый исполнитель имеет право на свое отношение к исполняемой музыке. Хотя его частые придирки и замечания вроде «плохо», «не так», «нет настроения», «фальшиво» раздражают Славу, он старается выволнять его пожелания..

Юноша очень рад, что занимается по специальности именно у Петрова, ибо прежде всего видит в нем первоклассного музыканта – солиста Государственного симфонического оркестра СССР. В его высочайшей исполнительской культуре он не раз убеждался, бывая на концертах оркестра и слушая как он играет соло. Когда по окончанию концерта все музыканты

оркестра поднимались для поклона, Петров выделялся своей могучей, статной фигурой. С 1965 года главным дирижером оркестра является Евгений Светланов, сменивший Константина Иванова. Анатолий Викторович не скрывает, что приходу Светланова во многом содействовал он сам на посту секретаря партбюро, так как Иванов, как дирижер, перестал удовлетворять коллектив оркестра. С тех пор, завидев Иванова, он сразу переходит на другую сторону улицы...

Петров, конечно, очень обрадовался тому, что перемена в отношении Славы к гобою благотворно сказалась на том, что он значительно продвинулся в технике игры на гобое. Вместе с тем, потеря двух лет на композицию и его не очень блестящие выступления на вечерах и экзаменах становятся причиной скептического отношения Анатолия Викторовича к желанию юноши стать лауреатом и выдвинуться в число лучших гобоистов страны. Это, конечно, огорчает Славу и заставляет его заниматься на гобое с еще большим рвением, чем раньше, чтобы педагог думал о нем лучше. Оставалась еще проблема тростей, которая не могла быть решена без покупки специальной машинки для заточки камыша, но ее стоимость (50 рублей!) пока недоступна для юноши. Единственный выход – продолжать брать трости у Александра Ивановича Ананьина, который по-доброму относится к юноше.

Кроме Славы в классе Петрова еще семь учеников. На 2-ом курсе – Амман Курбаналиев – студент из Казахстана с весьма низкой музыкальной и общей культурой, Людвиг Зандарян, переведенный из Армении в Москву, с которым Слава благодаря его открытой душе сдружился, и москвичка Наташа Дыдычкина, которая заметно выделяется в классе высоким исполнительским уровнем, тонким умом и широтой кругозора. Она играет на гобое чисто, аккуратно, музыкально, что вызывает некоторую ревность и даже тихую зависть со стороны Славы. Концертмейстер Ирина Павловна называет его глав-

ным ее соперником в будущих конкурсах, что не мешает им поддерживать хорошие дружеские отношения. На 3-ем курсе у Петрова один ученик – Витя Щетинин, который держит себя независимо, высокомерно, но играет грубо, неэмоционально, фальшиво. Намного лучше его и характером и игрой на гобое его младший брат Володя, которого Слава знает по музыкальному училищу. Он перевелся в консерваторию на 2-ой курс из Саратова, учится в классе Оруджева и уже успел жениться.

На 4-ом курсе у Анатолия Викторовича, кроме Славы, еще два ученика – Валера Ананьев и Юра Кисляков – оба вечерника и служат в армии, играя в оркестре. Из них особенно интересен как личность Валера, который хорошо образован, много читает, многим интересуется и отлично владеет гобоем. У него было трудное детство, что отразилось на его нервной системе, что, впрочем, не мешает ему сохранить бодрость духа и жизнерадостность. Слава с ним тесно дружит, но удивляется его желанию стать судьей, а не музыкантом. Юра по возрасту самый старший в классе и отличается серьезным и кротким, даже робким характером, из-за чего он плохо владеет собой во время выступлений. Он также женат и целиком поглощен своими домашними и служебными делами. С Юрой Слава на приятельской ноге. На 5-ом, выпускном курсе в классе Петрова один студент - Валера Рендюк, родом из Белоруссии. Это довольно сильный гобоист, уже работающий в Московском государственном оркестре под руководством Вероники Дударовой, но довольно самонадеянный, нервный и ограниченный человек. Он готовит к Госэкзамену очень трудный концерт для гобоя Рихарда Штрауса, и, слушая его, Слава загорается желанием рано или поздно поиграть это произведение самому.

По общему фортепиано на 4-ом курсе Слава продолжает заниматься у Нины Никитишны Мусинян, которая относится к нему, как и к другим своим ученикам, как мягкая, доброжелательная мама, проявляющая интерес не только к их заняти-

ям, но и домашней и личной жизни. Её удивляет спокойный, невозмутимый характер Славы, и однажды она спрашивает, всегда ли он такой или только на ее уроках? На первое полугодие Нина Никитишна дает Славе несложную программу, состоящую из ми мажорной прелюдии и фуги из 1-го тома «Хорошо темперированного клавира» Баха, 21-ой фа мажорной фортепианной сонаты Гайдна, 29-го этюда из опуса 299 Черни и сонаты для гобоя и фортепиано Перселла (аккомпанемент). На уроках Мусинян весьма требовательна, обращая внимание на постановку пальцев («слишком приподняты!») и порой неэмоциональную, рассудочную игру юноши («это химия, а не музыка!»). Нина Никитишна хочет, чтобы Слава выступил с этой программой на вечере кафедры общего фортепиано, и юноша старается, чтобы исполнить ее желание.

Третьим значимым для Славы предметом является история советской музыки, которую на 4-ом курсе ведет молодая преподавательница Людмила Дмитриевна Никитина, сменившая Сорокину. При их сравнении в глазах юноши явно выигрывает Елена Геннадьевна, которая, будучи прирожденным педагогом, своим темпераментным отношением к предмету, умением увлекательно и неординарно преподносить материал способна захватить студентов своими лекциями. В отличие от нее, Людмила Дмитриевна, зная предмет не хуже Сорокиной, ведет уроки более сдержанно и подает материал не столь ярко, как Елена Геннадьевна. Чувствуется, что педагогика не совсем ее стихия и что ей ближе игра на фортепиано. Иногда она советуется по тем или иным вопросам со Славой, что ему, конечно, импонирует. Он не скрывает, что у него дома много пластинок, среди которых произведения советских авторов, и что Прокофьев и Шостакович наряду с другими его самые любимые композиторы. Интересно, что программа истории советской музыки построена таким образом, что ее изучение проходит по темам, а не по отдельным композиторам. Среди

них юношу всё больше привлекает творчество Мясковского, чья музыка покоряет его своей открытой эмоциональностью и современным звучанием.

На 4-ом курсе Слава ходит также на оркестр, которым продолжает руководить тот же никогда не унывающий и подтрунивающий над студентами Михаил Никитич Тэриан. Программу старшего консерваторского оркестра составляют 38-ая «Пражская» симфония Моцарта, увертюра к опере «Риенци» Вагнера и симфония Франка со студентом Мишей Юровским, знакомым Славе по музыкальному училищу и решившим стать дирижером. Чуть позже к ним добавляется увертюра-фантазия Чайковского «Ромео и Джульетта», которой дирижирует аспирант Белунцов, причем так, что вызывает смех у студентов. Да и к игре в оркестре они относятся без особого энтузиазма, что отражается на ее уровне. Слава по просьбе Тэриана теперь исполняет партию первого гобоя и чувствует себя за первым пультом достаточно свободно и уверенно. Сидящая рядом с ним флейтистка с 3-го курса Ира Злобень – очень умная и влюбленная в свой инструмент девушка, с которой приятно поболтать. Однажды она ему дарит, узнав о его интересе к изобразительному искусству, книжку «Гиляровский и русские художники», из которой юноша впервые узнает о необыкновенном бытописателе и летописце Москвы. В благодарность юноша на следующем занятии приносит Ире шоколад...

Класс ансамбля на 4-ом курсе, как и на 3-ем, ведет Игорь Иванович Чалышев. Чем ближе Слава узнает его, тем больше восторгается им. Природа богато одарила его разными талантами: высокопрофессиональный музыкант как исполнитель на ударных инструментах, прекрасный дирижер и педагог по классу ансамбля, хороший художник, тонко чувствующий красоту в музыке, природе и живописи. Да и своей яркой артистической внешностью он производит большое впечатле-

ние. Работая как дирижер над музыкальным произведением, Игорь Иванович умеет расшифровывать его тайный смысл, стиль, содержание, характер музыки и способен воодушевить, повести за собой оркестр. Правда, ему иногда не хватает точности и рельефности во взмахе дирижерской палочкой, но это не отражается на игре оркестра. Он собирался принять участие в одном из Всесоюзных конкурсов дирижерского искусства, но не прошел по возрасту, о чем говорил с большим сожалением.

Слава узнает, что Чалышев, кроме консерватории, работает еще в двух местах в качестве дирижера. Узнает благодаря тому, что Игорь Иванович пригласил его поиграть в этих оркестрах, обещая хорошо заплатить. Юноша согласился, но не только из-за денег, но и глубокого уважения к нему. Сначала Чалышев просит его придти в Центральный клуб медработников, расположенный на той же улице Герцена рядом с консерваторией, где он руководит самодеятельным симфоническим оркестром, наполовину состоящим из приглашенных профессиональных музыкантов. С ним Игорь Иванович репетирует к концерту довольно сложную программу, в которую входят 103-я симфония Гайдна, 40-я симфония и увертюра к опере «Свадьба Фигаро» Моцарта, антракт к 3-му действию оперы «Лоэнгрин» Вагнера, увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта» Чайковского и «Рондо-каприччиозо» Сен-Санса. Слава играет партию второго гобоя, а Валера Ананьев, также приглашенный Чалышевым, - первого. Юноше нравится играть в этом оркестре, ибо здесь нет атмосферы отчужденности, холодка, которую он ощущал год назад в Люберцах, когда играл с Димой Китаенко.

Чуть позже Игорь Иванович предлагает Славе играть, также за плату, партию первого гобоя в школьном оркестре Московской городской музыкальной школы № 1 имени С.С. Прокофьева, расположенной в районе станции метро «Бауманская».

В нем струнную группу составляют учащиеся школы, а духовую и ударную – приглашенные музыканты со стороны. За пультом второго гобоя сидит девушка Женя Морозова, которую Слава встречал у Ананьина, когда брал у него трости. Но более интересной ему кажется флейтистка Вера - студентка физического факультета пединститута и выпускница прокофьевской школы. Чалышев готовит с оркестром к городскому смотру музыкальных школ две части из сюиты из музыки к фильму «Молодая гвардия» Шостаковича: «Шествие на казнь» и «Песня молодогвардейцев». Музыка Славе очень нравится, и с партией первого гобоя он справляется легко.

Из немузыкальных предметов на 4-ом курсе остаются английский язык и политэкономия. Английский продолжает вести та же предельно требовательная и строгая Мария Абрамовна Жак, на урок которой, хоть кровь из носа, надо приходить с выполненным домашним заданием. Зато, считает Слава, - английский он будет знать намного лучше. Мария Абрамовна задает на дом тексты в основном на музыкальные и исторические темы, не раз говоря, что в английском языке, как и в других языках, отражается душа и мировоззрение народа. По этому предмету в середине года планируется экзамен, так что сам Бог велит, чтобы готовиться к нему самым ответственным образом. Другой предмет - политэкономию преподает весьма сухо и неинтересно Крюкова, сменившая на 4-ем курсе Сарычева. Юноша явно скучает на ее лекциях и только на семинарах, когда отвечают студенты, немного оживляется. Ему так и не стало ясно, зачем студентам музыкального вуза нужно изучать этот предмет, такой далекий от искусства...

На 4-ом курсе Слава продолжает выполнять обязанности комсорга и старосты своей группы, в которой насчитывается 24 человека. Нельзя сказать, что это ему особенно в тягость, но какое-то время отнимает. Да и комсомольская работа в консерватории с ее собраниями, конференциями и членскими

взносами носит скорее формальный характер, так как абсолютное большинство студентов не видит в ней пользы и занято проблемами жизненного заработка. А вот старостой группы быть очень не просто, так как студенты нередко обращаются к Славе с просьбой отметить в журнале их присутствие, когда они по тем или иным причинам вынуждены пропускать занятия. И юноше, не желающему «замочить» их, приходится каждый раз ловчить, чтобы не попасть на крючок секретаря деканата оркестрового факультета Ольги Федоровны.

Из ребят особенно дружеские отношения у Славы сложились с флейтистками Лялей Маниловой и Светой Рахимовой, гобоистами Шурой Поповым и Лешей Петровым, кларнетистами Сашей Ивановым и Борей Ривчуном, фаготистами Женей Горшковым и Витей Соломатиным, трубачами Сашей Забелиным и Витей Фомичевым, тромбонистом Лешей Лукьянченко, «ударниками» Юрой Годиным и Аллой Мамыко, которая только на 4-ом курсе решила вступить в комсомол. Все они – высоко профессиональные музыканты и уже где-то работают – играют или преподают. И все-таки, среди них нет ни одного, кого бы Слава мог назвать своим близким, закадычным другом, с кем бы он мог делиться своими сокровенными мыслями и чувствами. Слишком далеки они по своим жизненным интересам и целям от того, что живет юноша. Между тем, в его жизненной ориентации начинают происходить крупные изменения.

ПРОБА ПЕРА. КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ

Потерпев год назад неудачу на композиторском поприще и решив целиком посвятить себя исполнительству на гобое, Слава все чаще задумывается над тем, правильный ли путь выбрал он? Каково его настоящее призвание? Родился ли он обыкновенным человеком или творцом, способным выражать

свои мысли и чувства в художественных образах? В какой же области? Ясно, что не в музыке, не в живописи, но в какой? Это внутреннее брожение завершается тем, что в один из сентябрьских дней ему в голову вдруг приходит идея: а не попробовать ли свои силы в литературном творчестве? Эта идея показалась Славе очень заманчивой и она начала обрастать различными задумками, планами, намерениями, пока не вылилась в конкретное желание писать повесть под названием «На даче». Приход к этому решению был нелегким и сопровождался сомнениями, колебаниями, острой внутренней борьбой.

17 октября 1968 года Слава после мучительных раздумий аргументирует в дневнике свое желание стать писателем: «Теперь мне ясно, что писательский труд, а не профессия музыканта мне ближе всего, и что без него я не могу жить. Именно в литературе, в слове я смогу выразить то, что волнует меня, и отразить жизнь, какою я ее вижу». А спустя 5 дней - 22-ым октября датирует начало своей писательской деятельности, когда приступает к написанию повести «На даче», чему предшествовали наброски ее плана и характеров главных героев.

Слава работает над повестью в состоянии внутреннего подъема, отдавая ей все свое свободное время и ощущая, как в нем все сильнее разгорается творческий огонь. В процессе ее написания в юноше все больше крепнет уверенность в своем литературном призвании и к концу ноября он начинает осознавать себя писателем. Ему кажется, что в нем заложены все предпосылки для литературного труда. Прежде всего, это любовь к слову, к писательскому творчеству, то есть то, чего в нем не было по отношению к сочинению музыки. Слава чувствует, что именно на пути писателя он может полнее всего раскрыть свои творческие силы и способности и принести наибольшую пользу людям, стране, обществу. Это чувство, что он может владеть пером, наполняло его огромной радостью и

даже давало ощущение счастья. Оно заключалось в том, что юноша, казалось, нашел свою настоящую жизненную дорогу, что он теперь занимается своим делом, которое у него получается и которое приносит ему большое удовлетворение.

Слава считает, что он сможет совместить писательский труд с учебой в консерватории, что одно другому не мешает, и какое-то время ему это удается. Однако, все больше и больше увлекаясь писательством, он чувствует, что его начинают тяготить занятия в консерватории, и не только потому, что отнимают у него драгоценное время, так необходимое для литературного творчества. Юноше кажется, что, продолжая ходить в консерваторию, он теперь занимается там не своим делом, которое мешает ему целиком переключиться на литературную работу. Кроме того, его убивает сама атмосфера в консерватории, пронизанная духом эгоизма и соперничества. Но еще больше раздражает своя группа на 4-ом курсе, которая так далека от его стремлений и интересов. Юношу выводит из себя, когда на уроке по истории музыки во время слушания музыки Шостаковича некоторые студенты – его товарищи по курсу вдруг начинают весело смеяться. В негодовании ему так и хочется крикнуть им: «Смеясь над Шостаковичем, вы смеетесь над собственным невежеством. Сначала сами переживите то, что пережил Шостакович, когда писал свою гениальную музыку, и тогда посмотрим, будете ли вы смеяться!».

Теперь Слава каждый день возвращается из консерватории в мрачном расположении духа, постепенно приходит в себя и тут же он садится за написание очередного произведения. К нему возвращается душевное спокойствие, самообладание и радостное сознание, что он занимается любимым делом. Но так долго продолжаться не может. Сколько ему еще терпеть эту раздвоенность, этот внутренний раскол между тем, что нравится и тем, что не хочется? Его внутренний писательский голос все громче и смелее заявляет о себе, пока, наконец,

в нетерпенье не восклицает: «Хватит! Я больше так не могу! Мне в музыке тесно и нужен простор! Надо что-то предпринимать! Но что?» После усиленных размышлений Слава вдруг приходит, как ему кажется, к единственно правильному выводу: уйти из консерватории! Вначале эта мысль его очень обрадовала, так как уходом из консерватории он рубит запутанный клубок противоречий и сразу решает все проблемы. Спустя несколько дней Слава пугается собственной мысли и решительно отвергает ее, подумав: разве это возможно? Но эта идея возвращается к нему вновь и вновь и после всех сомнений и колебаний представляется уже в виде замаячившего вдали спасательного, манящего огонька!

В начале декабря юноша, волнуясь, записывает в дневнике, пытаясь найти оправдание и обоснование своему неожиданному и смелому решению: «Я беру на себя огромную ответственность, решив уйти из консерватории. Но другого выхода из создавшегося положения я не вижу и попробую объяснить, почему. Дело не только в том, что я почувствовал в себе тягу к литературному творчеству, но и в том, что я разочарован в профессии музыканта. Да, я в течение всего 3-го курса яростно, самоотверженно занимался на гобое, не жалея ни сил, ни времени и стремясь добиться на инструменте высокого исполнительского уровня. И что же в итоге? Да, я заметно продвинулся в техническом и музыкальном отношении, вызвав одобрение со стороны своего педагога, но еще не настолько, чтобы претендовать на место первого гобоя в оркестре Большого театра или Московской филармонии. Я столкнулся с двумя проблемами, которые мне так и не удалось решить. Первая – это изготовление тростей для гобоя, от которых зависит до 80% успеха гобоиста. Вторая – это излишнее волнение во время выступления на вечерах и экзаменах, из-за чего теряется качество исполнения, которое бывает намного хуже, чем в классе или дома. Что же меня ждет, если я всё же окончу

консерваторию? В лучшем случае – какой-нибудь заштатный оркестр в провинции, в худшем – преподавание в захудалой музыкальной школе и нервотрепка с детьми. Такая перспектива меня не радует, и оставшиеся два года учебы в консерватории окажутся потерянными. Другое дело - литературное творчество, где не надо никаких тростей, где ты вместо волнения испытываешь удовольствие, сидя один за столом и заполняя ручкой лист белой бумаги. И мне надо учиться теперь не в консерватории, а в Литературном институте, где я получу знания, необходимые мне как будущему писателю. Для этого я должен сделать смелый и решительный шаг – уйти из консерватории, учеба в которой становится для меня невыносима!».

Написав это, Слава останавливается и задумывается . Неужели он готов навсегда расстаться с музыкой, которую так любит и без которой не может жить? При мысли об этом ему становится страшно. Нет, с музыкой он не расстанется никогда! Она всегда будет с ним! Он будет продолжать слушать музыку на пластинках дома, ходить на концерты и в музыкальные театры, читать книги о музыке, только она не будет его профессией. Значит, если не музыка, то - литература! Именно в ней,- считает Слава, - он может проявить себя целиком, показать, на что он способен. Мысль о поступлении в Литературный институт ему понравилась, и чем раньше он уйдет из консерватории, тем раньше сможет приступить к подготовке к приемным экзаменам. Надо будет все разузнать самому, для чего он в ближайшее время пойдет в Литинститут, а в январе осуществит уход из консерватории.

Мысль об этом не дает Славе покоя ни днем, ни ночью. Он живо представляет себе те проблемы, которые ему предстоит решить. Первая – когда, кому и как в первую очередь сообщить в консерватории о своем уходе? Вторая – как отнесутся к этому известию руководство, педагоги и студенты консерватории, мама, родственники, друзья и просто знакомые Сла-

вы? Третья - как решится в случае его ухода вопрос о призыве в армию? И четвертая – на какие средства он будет жить, когда перестанет получать консерваторскую стипендию?

Юноша, серьезно обдумав эти вопросы, приходит к следующим выводам. Во-первых, сообщить о своем уходе из консерватории в первую очередь своему педагогу по специальности Петрову и преподавателю по ансамблю Чалышеву, а затем уже декану оркестрового факультета Татьяне Алексеевне Гайдамович, сославшись на то, что у него при температуре ниже 10 градусов тепла коченеют пальцы на руках. Во-вторых, объяснить педагогам и студентам консерватории действительную причину своего ухода. При этом он предвидит реакцию, которая за этим последует. Маме, дяде Захару и другим родственникам пока не сообщать о нем, чтобы преждевременно не пугать их, а сказать только в конце учебного года, поставив перед свершившимся фактом. В-третьих, в середине учебного года его вряд ли призовут в армию, так как в военкомате не будут знать об его уходе из консерватории. В-четвертых, заниматься поиском работы он не будет как по причине того, что любой шум, суета действуют на него отрицательно, так и для того, чтобы сберечь больше времени для писательства. Он постарается прожить, экономя, на 25 рублей, которые ежемесячно дает ему дядя Захар, и подрабатывать, если получится, перепиской нот.

А пока Славе приходится совмещать учебу в консерватории с литературным творчеством. Он уже не столь рьяно готовится к октябрьскому вечеру кафедры духовых инструментов и получает за исполнение сонатины Джакоба «четыре». И не потому, что не справляется с программой, а опять из-за трости и сильного волнения. Не очень довольный его игрой, Петров предлагает ему на следующем вечере 26 ноября выступить с первой частью до мажорного концерта Моцарта, над которой Слава еще летом успел хорошо поработать. И снова юноша,

обуреваемый желанием писать, занимается на гобое не столь активно, как прежде. К тому же, во время игры на вечере его опять подводит трость, которая неожиданно закрывается, и в результате ему ставят «четыре с минусом».

9 декабря Слава, спустя две недели после своего не очень удачного выступления на вечере, не без страха решается, наконец, на уроке по специальности объявить Петрову о своем намерении уйти из консерватории. Как и следовало ожидать, последовала бурная реакция Анатолия Викторовича, который был поражен и шокирован услышанным:

- Ты думаешь, о чем говоришь? Уйти из консерватории? С чего это? Проучиться три с половиной года и остаться ни с чем? Через полтора года у тебя был бы диплом в кармане! А куда ты пойдешь без него? Где тебя возьмут на работу? Как ты собираешься жить? Похоже, совсем свихнулся парень! Или ты обиделся, что тебе поставили на вечере за первую часть концерта Моцарта «четыре с минусом»?

- Нет, не поэтому, - отвечает оробевший перед грозой учителя Слава, - я действительно сыграл неважно.

-Так в чем же дело?

- У меня есть более серьезные причины.

- Какие, если не секрет?

- Первая – у меня коченеют пальцы от малейшего холода.

- Впервые слышу. Прежде ты мне это не говорил!

- Это появилось в последнее время.

- Тоже, мне, нашел причину! Это дело поправимое! Скорей всего, на нервной почве. Сходи к неврапатологу, он выпишет тебе нужные лекарства и дело с концом!

В голосе юноши зазвучали более смелые нотки:

- Но есть еще одна, более важная причина.

- Интересно, какая же?

- Я решил поменять профессию!

- Ничего себе, куда хватил! Поменять профессию! И на какую?

- Я хочу... стать писателем!

- Ну, ты меня обрадовал! Раньше хотел стать композитором, а теперь, смотри, писателем! – и, повернувшись в сторону концертмейстера, спрашивает:

- Что вы на это скажете, Ирина Павловна? Получится из него писатель?

- Даже не знаю, что сказать, - говорит растерянным голосом ошеломленная решением юноши Ирина Павловна, - по-моему, это неверный, необдуманный шаг. Какой ты писатель? Делаешь только во вред себе. Музыканты, если хочешь знать, зарабатывают намного больше, чем писатели.

- Слышишь, что говорит Ирина Павловна? Советую тебе одуматься и еще раз серьезно взвесить свое решение! Тебе явно не выгодно быть писателем!

- Для меня деньги не главное. Мое решение окончательно и изменению не подлежит!

- Это мы еще посмотрим, - в гневе повышает голос Анатолий Викторович, - окончательное решение остается не за тобой, а за руководством консерватории! Я посоветуюсь с завкафедрой Ереминым и с деканом оркестрового факультета Гайдамович. Так что разговор у нас еще впереди. А пока будешь ходить на занятия как обычно и к следующему уроку принесешь вторую и третью части концерта Моцарта. Это программа твоего зимнего экзамена по специальности. И чтобы готовился как надо! Ясно?

- Ясно, - поникшим голосом отвечает Слава и, простившись с Петровым, решает тут же пойти к преподавателю Чалышеву, надеясь у него найти понимание и поддержку.

Выслушав юношу и немало удивившись его решению, Игорь Иванович начинает страстно убеждать Славу не совершать столь опрометчивый поступок, ни в коем случае не бросать

консерваторию, довести учебу до конца и получить заветный диплом о высшем музыкальном образовании.

- Пойми, без диплома ты никто и ничто. С дипломом тебя возьмут на работу куда угодно – в оркестр или преподавателем.

- Но я очень хочу стать писателем,- стоит на своем юноша, - и чувствую, что музыка не моя профессия.

- Ну, ты комик, настоящий комик! Никто тебе не запрещает заниматься литературой, пиши сколько угодно! Одно другому не мешает! Или ты думаешь, что начнешь сразу получать за книги высокие гонорары? Глубоко ошибаешься! Для этого ты должен окончить Литинститут и стать членом Союза писателей! Но попасть в институт очень не просто! Таких желающих, как ты, целая уйма! Так что подумай! Иначе тебя ждет нищенская жизнь! Другое дело - профессия музыканта! Ты будешь иметь приличный заработок и жить нормально, как все люди!

Но с тем же упорством, с каким когда-то Слава отстаивал свое право быть композитором, он теперь защищает свое право быть литератором:

- Всё это так, Игорь Иванович, но я хочу заниматься любимым делом. Только писательская работа приносит мне полное удовлетворение. А заработок интересует меня меньше всего. Что касается Литинститута, то я буду очень серьезно готовиться к приемным экзаменам и надеюсь, что поступлю.

- Вижу, что с тобой говорить бесполезно, - глубоко вздыхая, Чалышев протягивает юноше руку, - но я должен уходить. Поступай, как знаешь. Только жизнь тебя научит! Прощай!

Оставшись один в классе, Слава вновь глубоко задумывается. После разговора с Петровым и Чалышевым у него в душе остается неприятный осадок. Хотя он был готов к такой реакции, юноша переживает, что его решение они восприняли как шаг не вполне нормального человека. А ведь это совершенно законное и нормальное желание – уйти из консерватории,

чтобы посвятить себя литературе. Особенно неприятно ему слышать их доводы, основанные на принципе материальной выгоды. Разве для него столь важно, сколько он будет зарабатывать как музыкант или как писатель? 11 декабря Слава записывает в своем дневнике: «Сегодня я более ясно вижу, что музыка не моя профессия, что посвятить ей всю жизнь значит насиловать свою природу, замкнуться в собственном домашнем мирке и ничего вокруг себя не замечать. Нет, моя натура с этим никогда не смирится! Жить как все – получить специальность, устроиться на работу, жениться, рожать детей, постоянно заботиться о куске хлеба, - нет, это не для меня! Но есть другие люди, которые, обладая страстной жаждой познания, сильной творческой натурой и беспокойной совестью, хотят выйти за пределы этого мирка и окунуться в самую пучину жизни, чтобы познать ее законы и процессы и отразить их в своем творчестве. Их называют маяками, светочами человечества, поскольку они живут не для себя, а для других, освещая путь остальным людям Земли. И я чувствую в себе искры этого творческого огня, который, надеюсь, со временем разгорится в бушующее пламя. Мой девиз – познавать жизнь во всех ее проявлениях и дать людям свое представление о мире, в котором мы живем».

Через несколько дней Слава заходит в деканат, чтобы встретиться с деканом оркестрового факультета Татьяной Алексеевной Гайдамович и переговорить с ней по поводу своего решения. Ее на месте не было, а секретарь Ольга Федоровна замахала руками:

- И не думай мне говорить об этом! Мы все знаем! И что за моча ударила тебе в голову? Учиться в лучшем музыкальном вузе страны и так бездумно бросить его! Надеюсь, что ты еще не совсем рехнулся и изменишь свое решение!

- Нет, не изменю. Я твердо решил уйти из консерватории.

- Уйти ты всегда успеешь! А вот встретиться с Татьяной Алексеевной тебе необходимо! Зайди к нам в конце декабря. К тому времени всё прояснится!

Желая подготовить к своему уходу преподавателей, у которых занимается, Слава сообщает им о своем решении. Из них его понимают только двое: педагог по общему фортепиано Мусинян и преподаватель по истории советской музыки Никитина. Правда, Нина Никитишна и Людмила Дмитриевна выразили беспокойство по поводу материальной стороны последствий его решения («на что ты будешь жить?»), но согласились с тем, что человек вправе выбирать для себя тот жизненный путь, к которому он чувствует свое призвание. Преподавательница по английскому Мария Абрамовна Жак высказала сожаление, узнав о желании Славы, но не стала его отговаривать. Реакция остальных педагогов и большинства его сокурсников была сходна с реакцией Петрова и Чалышева: «в своем ли он уме?».

Только руководителю старшего консерваторского оркестра Тэриану юноша не решается открыться в своем желании бросить консерваторию. Как раз в это время Михаил Никитич готовит с оркестром программу для абонементного концерта в Большом зале Института имени Гнесиных, в которую входили 40-ая соль минорная симфония Моцарта, две оркестровые пьесы «Баба-Яга» и «Волшебное озеро» Лядова (которое так нравится Славе!) и сюита из балета «Лебединое озеро» Чайковского. Слава делится своими намерениями с гобоистом Лешей Петровым и просит его сыграть вместо него партию первого гобоя, так как он сейчас занят другими проблемами. Леша с пониманием относится к решении Славы и соглашается сесть за первый пульт. Концерт успешно проходит 22 декабря в рамках воскресного музыкального абонемента для детей, и Тэриан остается доволен игрой оркестра, не заметив, что Слава и Леша поменялись местами.

Но юношу не перестают мучить сомнения и колебания: правильное ли он принял решение проститься навсегда с музыкой как с профессией? Чтобы убедить себя в безошибочности своего решения, он в декабре с еще большим жаром продолжает заниматься литературном творчеством и пишет новые произведения.

Попутно с творческой работой Славе приходится решать и бытовые проблемы. Он переживает очередной душевный кризис, с грустью думая о том, почему ему так не повезло в семейной жизни. Мама с Кавказа в Москву так и не вернулась, но прислала ему несколько посылок с продуктами и фруктами, пожаловавшись в письме, что он не очень горячо поздравил ее с днем рождения. Без нее ему хорошо, никто не мешает и не кричит на него, только постоянные ссоры соседей по квартире действуют на нервы. Он скромно живет на консерваторскую стипендию и помощь дяди Захара, часть денег тратит на пластинки и книги, поэтому экономит во всем и даже в еде ущемляет себя. Юноша питается в разных столовых и закусочных недалеко от своего дома в Варсонофьевском переулке, но там готовят настолько невкусно, что он решает питаться дома, научившись жарить картошку и рыбу, делать яичницу и варить вермишель. А потом ему приходит чудесная идея брать обеды на дом в диетической столовой, где готовят достаточно сносно. Не забывает юноша и о совете учителя Петрова побывать в поликлинике на приеме у неврапотолога, который, объяснив, почему коченеют пальцы от малейшего холода (спазма сосудов) выписывает ему уколы через день...

Несмотря на огромную занятость, Слава находит время для посещения своего двоюродного брата Иосифа, которого в сентябре перевели из интерната в районе станции метро «Молодежная» в 50-ый детский дом – тот самый, в котором юноша воспитывался в течение 9 лет! Его директором теперь была бывшая пионервожатая Лизавета Григорьевна, сменившая

Марию Артамоновну, а из воспитателей осталась Нина Степановна, в группу которой попал Иосиф. Во время приезда Славы в конце декабря перед Новым годом она сказала ему, что у его брата есть проблемы с учебой и поведением, вследствие чего его думают переводить в специализированный интернат. Но что больше всего удивило Славу, это то, что бывшая воспитанница детского дома Таня Андреева стала воспитательницей!

Продолжая с неохотой посещать, а то и пропускать занятия в консерватории, Слава весь декабрь находится в состоянии напряженного ожидания решения своей судьбы. Наконец, 30 декабря его просят зайти в деканат для разговора с Гайдамович. С трепетом юноша идет на встречу с деканом, от которой ему предстоит узнать, что его ждет впереди. При разговоре в деканате присутствует секретарь Ольга Федоровна. Беседу с Славой Татьяна Алексеевна начинает с вопроса:

- Своим объявлением об уходе из консерватории ты поставил своего педагога по специальности и всех нас в трудное положение. Не передумал ли ты свое решение? Ведь уход из консерватории - важный жизненный шаг, для которого нужны очень серьезные основания.

- Нет, не передумал. Мне кажется, что мое призвание – литература, а не музыка.

- Мы, конечно, не против, чтобы ты занимался литературным или каким-либо другим трудом, и в то же время не хотим, чтобы ты остался без консерваторского диплома. Он тебе еще может в жизни пригодиться.

- А как это сделать? – с удивлением спрашивает Слава.

- Мы предлагаем тебе досрочно, на год раньше окончить консерваторию со свободным посещением занятий во втором семестре.

- А разве это возможно?

- Да, возможно, если возникают чрезвычайные обстоятельства. Для этого требуется твое согласие.

- Подумав несколько секунд, взвесив все «за» и «против», юноша дает согласие.

- Это хорошо, что ты еще не потерял здравый смысл,- облегченно вздохнув, говорит Татьяна Алексеевна,- однако, одного твоего согласия не достаточно. Требуется еще положительная резолюция ректора консерватории Свешникова, но, я думаю, с его стороны возражения не последует. Я с ним буду в ближайшие дни обсуждать вопрос о тебе. Имей только в виду, что количество зачетов и экзаменов у тебя значительно увеличится, так как тебе придется совмещать 4-ый и 5-ый курсы. Сюда входит и шесть госэкзаменов, причем два из них – по общему фортепиано и истории советской музыки – ты должен сдать в первом полугодии и остальные четыре – по специальности, камерному ансамблю, научному коммунизму и атеизму – во втором полугодии. Как, Слава, справишься?

- Постараюсь справиться. Да, вы правы, - надо кончить консерваторию и получить диплом. Это в моих интересах, - говорит воспрянувший духом юноша.

Уточнив кое-какие детали, связанные с предстоящими экзаменами и зачетами, он прощается с Татьяной Алексеевной и Ольгой Федоровной, успевшей шепнуть ему на ухо «Не подведи!» и, довольный неожиданным решением его вопроса, направляется домой. По дороге он еще раз тщательно обдумывает предложение Гайдамович и приходит к выводу, что поступил правильно, согласившись на досрочное окончание консерватории. Почему деканат пошел на это? Может, потому, что в голове Татьяны Алексеевны не укладывалась мысль, что такой способный, успевающий студент уходит из консерватории, тогда как десятки ленивых и слабых студентов остаются учиться в ней? Иль, может, потому, что ей просто жаль

стало юношу, который в своем безумном желании поменять профессию мог бы остаться без диплома?

Да, Славе очень хотелось бросить консерваторию и скорее обрести полную свободу, чтобы целиком предаться литературному творчеству и подготовке к поступлению в Литинститут. Теперь исполнение его желания отодвигается на полгода, и ему придется на это время смириться со ставшим ему ненавистным статусом студента. Его, правда, успокаивает, что от продолжения учебы в консерватории он имеет немалые преимущества. Прежде всего это - получение диплома о высшем музыкальном образовании, затем – сохранение стипендии, отпадение необходимости искать работу, отсутствие угрозы призыва в армию, избавление от неприятного объяснения с матерью и дядей Захаром. Особенно юношу радует мысль о том, что во втором полугодии он получит право свободного посещения консерваторских занятий, благодаря чему сможет распоряжаться временем по своему усмотрению!

Новый 1969-ый год Слава по традиции встречает у дяди Захара на улице Куусинена. Дома, кроме дяди, он застает только его старшую дочку Аллу – студентку Московского университета и догадывается, почему нет Ирины Борисовны и младшей дочки Тани. Слава, конечно, не рассказывает им о том, что пережил за последние два месяца и лишь сообщает, что ему разрешили окончить консерваторию досрочно по семейным обстоятельствам. Это известие хорошо воспринимается дядей Захаром: «Значит, ты сможешь раньше начать работать!». Алла, чувствующая себя не очень хорошо, рассказывает двоюродному брату о своей учебе в университете и успехах на всесоюзных и международных соревнованиях по плаванию. Переночевав у дяди Захара, Слава утром 1 января едет к себе домой, полный светлых надежд, что Новый 1969 год станет переломным в его нелегкой судьбе!

На следующий день он получает от мамы очередную посылку с поздравлением по случаю Нового года. В ней, кроме сухофруктов, воблы и меда, были конфеты для Иосифа, варенье из слив для дяди Захара и большое письмо, в котором мама одобряет решение сына окончить консерваторию досрочно. Хотя без мамы Славе живется спокойнее, ему приятно думать, что на свете есть еще кто-то, кто думает и заботится о нем...

3 января юноша записывает в своем дневнике: «Итак, судьба моя решилась! Как мне ни хотелось оставить консерваторию ради литературы, я должен был пойти на компромисс и принять предложение декана факультета о досрочном ее окончании. Мне придется на время ограничить свою волю, подчиниться внешней необходимости и еще полгода потерпеть. Это суровое требование объективной действительности, и, если я не приму его, то рано или поздно пожалею. Да, я жертвую личной свободой и драгоценным временем, но зато мне взамен дают возможность окончить консерваторию на льготных условиях и получить диплом!».

6 января Славу приглашают в деканат оркестрового факультета, где он под диктовку Гайдамович в присутствии Ольги Федоровны пишет заявление на имя ректора консерватории Свешникова с просьбой перевести его с 4-го на 5-ый курс с правом свободного посещения занятий по семейным обстоятельствам.

- Это совсем другое дело,- говорит Татьяна Алексеевна, забирая заявление, - ты еще нам скажешь спасибо, что не остался без консерваторского диплома. Надеюсь, что сдашь все положенные зачеты и экзамены должным образом. И еще. Ты должен принести от каждого преподавателя бумагу, что он не возражает против досрочной сдачи экзамена по своему предмету.

- Перед каждым экзаменом, - добавляет от себя Ольга Федоровны,- ты будешь брать у меня экзаменационную ведомость,

в которой, кроме оценки, должны быть подписи всех экзаменаторов. Понял?

- Понял. А могу ли я, - спрашивает Слава, - сдать экзамен по специальности за 4-ый курс не в январе, а в феврале?

- Нет, только в январе! – решительно произносит Татьяна Алексеевна, - и ни днем позже! Желаю успехов!

В тот же день Слава после месячного отсутствия идет на урок по специальности и сообщает Петрову о встрече с деканом Гайдамович и написании заявления на имя Свешникова. В этот раз Анатолий Викторович уже не пытается переубеждать его, но как-то по-новому, более сдержанно и осторожно говорит со своим непокорным учеником. Видимо, он пришел к выводу, что ругать его бесполезно и что Слава, как скала, будет стоять на своем.

- Значит, вот как мы с тобой договоримся. Ты вроде хотел играть экзамен по специальности за 4-ый курс в феврале. Почему не в январе?

- Потому что я хотел немного успокоиться, собраться с силами и подлечиться. Смотрите, - юноша достает из сумки и показывает принесенные с собой лекарства, - я , как Вы посоветовали, был на приеме у невропатолога. Он сказал, что пальцы на руках у меня коченеют из-за спазмы сосудов и выписал мне уколы через день. Половину уколов мне сделали и осталась еще половина.

- Это хорошо, что ты внял моему совету,- одобрительно говорит Петров.

- Но Татьяна Алексеевна возражает, чтобы я играл экзамен в феврале. Играть только в январе.

- В январе, так в январе. У тебя он будет 16 января, и на нем ты сыграешь вторую и третью части концерта Моцарта. У тебя они почти сделаны, и нужно только как следует доучить. До экзамена остается всего два занятия, так будь добр их не

пропустить, чтобы хорошенько порепетировать с Ириной Павловной. Понятно?

- Понятно, - отвечает Слава.

Вечером того же дня юноша, вернувшись домой, начинает усиленно заниматься на гобое и, не желая подвести педагога, приходит на уроки по специальности с восстановленными двумя частями концерта Моцарта. Направляясь в консерваторию 16 января, он чувствует себя достаточно уверенно, но при этом думает о том, что на экзамене ему придется сыграть роль шута, поскольку в принципе ему это уже не нужно. Еще раз порепетировав с Ириной Павловной, которая его как можно подбадривает, он на экзамене не играет, а отыгрывает без всяких эмоций две части концерта Моцарта (трость в этот раз шипела!) и затем терпеливо ожидает оценки, болтая с ребятами и читая газеты. Наконец, из класса выходит Петров и сообщает Славе, что комиссия поставила ему «четыре».

- Сам понимаешь, что выше мы не могли тебе поставить, хотя в целом ты играл очень недурно. Не забудь взять и отнести Ольге Федоровне экзаменационную ведомость. А о программе госэкзамена по специальности мы поговорим в другой раз.

Юноша, не очень огорченный полученной оценкой, продолжает готовиться к сдаче других зимних экзаменов и зачетов. Вторым по значению для него становится госэкзамен по общему фортепиано, на котором он играет ми мажорную прелюдию и фугу из 1-го тома «Хорошо темперированного клавира» Баха, первую часть фа мажорной сонаты Гайдна и в качестве аккомпанемента первые две части сонаты для гобоя и фортепиано Перселла. Партию гобоя исполняет Леша Петров, который заходил к Славе домой накануне экзамена порепетировать и заодно купил у него некоторые ноты для гобоя. Правда, то, что предшествовало экзамену, трудно назвать иначе, как комедией. Дело в том, что кроме экзамена Славе предстояло

также сдать в первом семестре зачет по общему фортепиано, и за два дня до экзамена юноша отнес Гайдамович заявление, подписанное педагогом Мусинян, что она не возражает против приема у него госэкзамена. И вдруг в день экзамена она заявляет юноше, что не может принять у него одновременно и зачет, и экзамен, так как в ведомостях должны быть указаны разные программы. Что же делать? Слава говорит, что Татьяна Алексеевна не возражала против совмещения зачета и экзамена, и тогда Нина Никитишна решает позвонить ей сама и в течение 20 минут (!) бурно обсуждает по телефону этот вопрос. К счастью для Славы, они приходят к компромиссу, согласно которому программу разделяют на две части: прелюдия и фуга Баха записывается в зачетную ведомость, а сонаты Гайдна и Перселла в экзаменационную. На экзамене, кроме Мусинян, присутствует преподаватель кафедры общего фортепиано Вера Григорьевна Просыпалова, которая предлагает поставить Славе зачет и оценку «пять» за госэкзамен. Нетрудно представить, с какой радостью он воспринимает эту отметку!

Вскоре после экзамена по фортепиано Слава решает вернуть пианино, стоявшее у него дома больше двух лет, в ателье проката и перед тем, как за ним приехали, проигрывает свои пьески из 7-ой и 8-ой тетрадей. Он находит некоторые, написанные незадолго до того, как оставил композицию, весьма пикантными и с удивлением думает про себя: «Неужели это я сочинил их когда-то?». Юноша с грустью расстается с инструментом, с которым у него было связано столько надежд, но теперь им владеют другие стремления, и пианино стало ненужным.

Третьим по значимости для юноши является госэкзамен по истории советской музыки, который принимает преподаватель Никитина. За несколько дней до экзамена она проводит для духовиков 4-го курса консультацию и дает перечень

произведений, музыку которых они должны знать и угадать. Все эти сочинения Славе хорошо знакомы, как и биографии советских композиторов, и потому он совершенно спокоен за себя, принеся в день экзамена от Ольги Федоровны две экзаменационные ведомости. За первый семестр он отвечает на вопросы об «Александре Невском» Прокофьева и 11-ой симфонии Шостаковича, и за второй семестр – о творческом пути Прокофьева.

- Я уверена в твоих знаниях, Слава, - говорит Людмила Дмитриевна, - и спрашиваю тебя только ради формальности. Получай две свои «пятерки» и расскажи мне лучше о своих делах. Что ты собираешься делать после досрочного окончания консерватории? Ведь, кажется, ты хотел стать писателем или журналистом?

- Да, это так. После консерватории думаю поступать в Литературный институт.

- Поступить будет трудно, но попытаться можно. В любом случае держи меня в курсе дела, а в случае необходимости звони, если понадобится какая-нибудь помощь, - говорит Людмила Дмитриевна, записывая какие-то цифры на клочке бумаги, - вот тебе номер моего телефона.

- Спасибо вам за телефон и поддержку, - отвечает Слава, довольный, что так быстро для него закончился экзамен, - буду держать вас в курсе своих дел.

Выйдя из класса и, как обычно, проконсультировав окруживших его ребят, юноша, проходя по коридору, неожиданно встречается с Еленой Геннадьевной Сорокиной, которая тут же его спрашивает, правда ли, что он собирался бросить консерваторию.

- А откуда вы знаете? - отвечает он вопросом на вопрос.

- Разве такое возможно утаить?- улыбается Елена Геннадьевна, - об этом говорит вся консерватория!

- Да, это правда. Я собирался уходить, но мне разрешили досрочно окончить консерваторию, чтобы не терять диплом. Я пришел к заключению, что музыка не моя профессия и что мое призвание – литература.

- Вот как! Что же, писательство вещь хорошая, тем более, если ты чувствуешь к нему призвание. Значит, музыка прощай навек?

- Как профессия – да, но музыку, как искусство, я любил и буду любить всегда!

- Спасибо, Елена Геннадьевна. Я постараюсь оправдать ваши пожелания.

Радостный от сознания, что в лице Сорокиной Слава встретил еще одного человека, поддержавшего его решение, он идет домой готовиться к остальным зачетам и экзаменам. Зачет по педпрактике у него принимает Женя Сорокин, прослушав его ученика Володю, занимающегося у Оруджева в музыкальном училище. За день до этого юноша посещает Мамеда Мамедовича, который посетовал на то, что Слава не сообщил ему о своем уходе из консерватории.

- Как же так? Почему ты не сказал своему учителю о таком важном событии в твоей жизни? Я узнал об этом только на экзамене по специальности. Это не дело!

- Мне не хотелось Вас огорчать преждевременно, - оправдывается Слава, - просто я подумал, что из меня вряд ли получится хороший гобоист и решил поменять профессию.

- И на какую, если не секрет?

- Меня больше привлекает литература

- Очень жаль, что ты оставляешь музыку. Я это не одобряю!

- Но я не мог поступить иначе, - говорит Слава, прощаясь с Мамедом Мамедовичем, - для меня это вопрос всей жизни!

Если бы юноша знал, каким боком ему обойдется это признание в недалеком будущем! Экзамен по политэкономии он

сдает без особого труда, так как несколько раз перечитывал свой конспект и сумел вникнуть в прежде сложный для него предмет. Ему попадается 20-ый билет с вопросами «Реализация совокупного общественного продукта» и «Принцип материальной ответственности». Крюкова и Елагин, принимающие экзамен, довольны ответом юноши и ставят ему «пять».

А вот, готовясь к госэкзамену по английскому языку, Славе пришлось хорошенько попотеть, делая переводы, повторяя тексты, заучивая английские слова и выражения. При этом он помогает готовиться сокурснику - фаготисту Вите Соломатину, к которому по его просьбе дважды приезжает домой. Он жил со своей прелестной женой Викой – студенткой биологического факультета – в съемной квартире рядом со станцией метро «Университет» и был не крепок здоровьем. Слава, радуясь, любовался этой чудесной, дружной парой, которая была ему близка своими высокими духовными интересами и с одобрением отнеслась к его желанию уйти из консерватории ради литературного творчества. Слава и Витя, придя раньше всех, первыми сдают экзамен по английскому, который вместе с Жак принимает Спивак. Юноше достается билет с текстом о Тосканини, переведя который он рассказывает на английском о своей поездке в Ленинград и отвечает на вопросы бытового характера. По окончанию экзамена Мария Абрамовна объявляет, что он получает «пять», а Витя – «три», что вполне его устраивает, так как это лучше, чем «два». Она интересуется его планами после досрочного окончания консерватории и выразила готовность помогать ему в дальнейшем консультациями по языку.

После экзамена по английскому Слава относит в деканат последнюю экзаменационную ведомость, и Ольга Федоровна поздравляет его с успешной сдачей экзаменов за первый семестр. Она просит его заполнить анкету и спрашивает о маме и доме.

- Я могу только выразить тебе сочувствие, что ты живешь без мамы. У меня нет своих детей, и если бы мамы у тебя не было, я бы усыновила тебя. Желаю тебе хорошо отдохнуть в каникулы. Кстати, тебя просят зайти в комитет комсомола. У них там что-то намечается.

Прощаясь с Ольгой Федоровной, Славе приятно думать, что на свете есть неродной человек, который так жалеет его. Он тут же направляется в комитет комсомола, где встречается с новым секретарем Володей, сменившим Селову.

- Хорошо, что ты зашел, - радостно приветствует он Славу. У нас для тебя есть заманчивое предложение.

- Какое? – С удивлением спрашивает юноша.

- Мы хотим предложить тебе, как отличнику учебы, поехать с группой лучших студентов консерватории в заграничное путешествие.

- И куда же? - Еще больше удивляется Слава, никогда до этого не бывавший за границей.

- Сразу в три социалистические страны - в Польшу, Венгрию и Болгарию с проживанием в их столицах Варшаве, Будапеште и Софии. Путешествие займет десять дней и будет стоить тебе 300 рублей.

- Но у меня нет таких денег!

- Если нет, мы поможем. Нужно только твое согласие! Но на расходы ты должен иметь свои деньги. Не меньше 100 рублей!

- Но у меня и таких нет!

- Попроси у родственников или займи у кого-нибудь.

- Хорошо, я должен подумать.

- Только думать надо скорее. Через три дня мы выезжаем поездом в Варшаву. Вот тебе мой домашний телефон, - Володя пишет на клочке бумаги номер и протягивает его юноше, - сообщи мне завтра свой ответ. Но не позже! Мы должны иметь время в случае необходимости заменить тебя. И всё же очень

советую тебе поехать. Об этой поездке будешь помнить потом всю жизнь!

Выйдя из комитета, Слава задумывается над предложением Володи. Оно действительно заманчиво: кто не мечтает побывать за границей и увидеть иную жизнь! С другой стороны, у него на каникулы свои напряженные творческие планы. Если он поедет, то они могут рухнуть, и тогда прощай Литинститут! Да еще неизвестно, достанет ли он эти 100 рублей. У дяди Захара он просить не будет, а брать займы не умеет. При выходе из консерватории юноша встречается с однокурсником саксофонистом Борей Ривчуном.

- Что у тебя нового, Слава? – Спрашивает он.

- Да вот в комитете комсомола мне предлагают поехать в путешествие за границу – в Польшу, Венгрию и Болгарию. Но я не знаю, поеду ли. У меня нет ни времени, ни денег.

- О, я бы поехал вместо тебя!- Восклицает Боря. - Побывать за границей – мечта поэта!

- От меня это не зависит. Я поговорю о тебе с секретарем Володей.

В тот же день вечером Слава звонит Володе и сообщает ему, что отказывается от заграничной поездки, на что у него есть серьезные причины.

- Может, ты еще подумаешь? Время еще есть. Разве можно отказываться от такого прекрасного путешествия?

- Нет, я решил окончательно. А вот Боря Ривчун с 4-го курса вместо меня поехал бы за границу.

- Я знаю этого Борю. Троечник и прогульщик. У нас есть более достойные кандидаты, чем он. Тогда будем считать этот вопрос закрытым. А жаль!

Но Слава нисколько не жалеет о принятом решении. В конце концов, именно сейчас решается его судьба! С окончанием зимней экзаменационной он теперь может больше времени уделять слушанию музыки. Впрочем, юноша никогда не

прекращал покупать и заводить пластинки с музыкальными записями, за исключением недельного перерыва, вызванного ремонтом электропроигрывателя. Музыка по-прежнему остается для него чудесной отдушиной, милым убежищем, тихой гаванью, где, погружаясь в море звуков, он может отдыхать от жизненных бурь и предаваться радужным мечтам и грезам. Он также слушает литературные записи: голоса писателей (две серии), стихи, поэмы, прозу Пушкина и Лермонтова в исполнении Качалова, Аксенова, Журавлева, Царева, Ильинского и Бальяна.

ДРУЗЬЯ ОЛЕГ, ЖЕНЯ И ДВЕ НАТАШИ. ЧТЕНИЕ

Параллельно учебе в консерватории, где Слава чувствует себя все более и более неуютно, у него появляется круг друзей, среди которых он находит понимание и сочувствие. После долгого перерыва он решает восстановить связь с Олегом Жухиным и в октябре пишет ему письмо. Олег тут же отзывается и приглашает его к себе домой по новому адресу на 1-ой Дубровской улице, куда он как раз в эти дни переехал. Радость встречи обоюдна, и друзья взахлеб делятся своими новостями. Олег заметно возмужал, в его рассказе слышалась уверенность в себе и сознание правильно выбранного жизненного пути. Консерваторию и виолончель он оставил, и после страстного увлечения живописью теперь его занимает мысль о сочинении музыки. Он решает стать композитором, но считает, что прежде, чем писать музыку, ему надо овладеть хорошей техникой игры на фортепиано. Олег садится за стоящее в его комнате пианино и играет для друга все три части Патетической сонаты Бетховена. Хотя он нередко спотыкается в трудных пассажах, Славу поражает, как быстро он продвинулся в фортепианной технике. Затем Олег заводит для него пластинки с

некоторыми кантатами Баха, которого обожает наряду с Бетховеном, и перед Славой он открывается с новой стороны – как человек, одержимый музыкой и искусством, что было ему так близко и понятно.

Когда заходит речь о консерватории, Олег не щадит слов, чтобы раскритиковать ее:

- Я нисколько не жалею, что ушел из нее, наоборот, рад, что сделал это. Мне претит ее затхлая, душная, академическая атмосфера, где царит дух соперничества, наживы и зависти, где на корню губится всё новое и живое. Человеку творческому со свежими идеями и чувствами там нечего делать.

- Ты прав, Олег, - соглашается Слава, - но частично. Все-таки в консерватории преподавали и преподают великие музыканты. А сколько она дала миру талантливых исполнителей, композиторов, музыковедов! Но я теперь подумываю попробовать себя в литературе, - признается другу юноша, - а вдруг что-нибудь получится?

- Это хорошая идея! Обязательно получится! Я буду композитором, а ты - писателем! Мы с тобой творцы, а не какие-нибудь мелкие людишки! Скажи, что ты сейчас читаешь? – вдруг переводит разговор Олег на другую тему.

- Читаю «Фауста» Гете и «Божественную комедию» Данте. Впечатления очень сильные!

- Согласен! Это вершины европейской литературы. А как ты относишься к Ромену Роллану?

- Очень хорошо. Я с удовольствием прочел его книгу о Генделе.

- Замечательно! А теперь я тебе советую прочитать его роман «Жан Кристоф». Это гениальная вещь!

- А о чем роман?

- О французском композиторе Жане Кристофе, мечтавшем с юности о сочинении музыки и осуществившем свою заветную мечту.

- Что –то я не слышал о таком композиторе.

- Композитора с таким именем действительно нет. Это собирательный образ, в котором можно узнать некоторые черты Бетховена. Мне эта книга очень близка, поскольку я сам собираюсь писать музыку.

- Поразительно то,- не скрывает своего удивления Слава,- что и я два-три года назад бредил желанием сочинять музыку, но потерпел фиаско. Конечно, я обязательно прочитаю «Жана Кристофа»! Ты можешь дать мне его на время?

- Конечно, могу. Это огромный роман в четырех томах, - говорит Олег и, снимая с полки все четыре тома из собрания сочинений Ромена Роллана, торжественно вручает их Славе, - вот, читай, а потом поделишься своими впечатлениями.

Отложив все дела и книги в сторону, юноша жадно набрасывается на «Жана Кристофа» и в течение недели буквально проглатывает его, поражаясь тому, как точно писатель отобразил то, что он сам пережил когда-то. Его восхищению нет предела, в чем он признается Олегу на следующей их встрече, которая теперь происходит у него дома в Варсонофьевском переулке. Олег нагрянул к Славе неожиданно, находясь по делам в центре Москвы, и спросил, чем покорил его «Жан Кристоф».

- Это величайший роман, который потряс меня нелегкою судьбою главного героя. Он упрямо идет к своей цели, несмотря на все преграды. Читая книгу, мне казалось, что она написана где-то и обо мне. Мне запомнилось послесловие к роману, в котором Ромен Роллан сообщает, что он писал не литературное произведение, а символ веры: «Когда веришь, то действуешь, не заботясь о результатах. Победа или поражение – не все ли равно? Делай, что должен делать!». Как это мне близко!

- И мне! - «Делай, что должен делать!», - повторяет Олег. - Дай мне последний том «Жана Кристофа». Я прочитаю тебе его самый конец, который мне очень нравится. В нем говорится о смерти и будущем воскрешении Жана Кристофа. По-

лучив из рук Славы нужный том и открыв последнюю страницу, Олег читает: «О, радость, радость, - он растворяется в высшем покое божества, которому старался служить всю свою жизнь. «Господь, ты не гневаешься на своего слугу? Я совершил так мало! Я не мог сделать больше... Я боролся, страдал, заблуждался, творил. Дай мне передохнуть в твоих отцовских объятиях. Когда-нибудь я оживу для новых битв».

- Сильно написано!

- Только непонятно, причем тут Господь? Ведь, как ты знаешь, его нет. Я тебе принес почитать новый том Ромена Роллана с биографиями Бетховена, Микеланджело и Толстого,- говорит Олег, кладя четыре тома «Жана Кристофа» в сумку и доставая новый том, - ты также останешься доволен.

- Я уже читал их биографии, но с удовольствием прочту еще раз, - говорит Слава, принимая из рук Олега том.

- А теперь я тебе сыграю первую часть 21-ой сонаты «Аврора» Бетховена, которую учил в последнее время. Заодно попробую твое пианино.

- У меня самое обычное пианино «Красный Октябрь», взятое напрокат.

Олег садится за инструмент и проигрывает несколько аккордов и пассажей.

- Не очень стройное, но играть вполне можно. Слушай Бетховена!

Послушав и похвалив друга за успехи в игре на фортепиано, Слава с гордостью показывает ему свою уже довольно большую фонотеку, из которой дает ему на дом послушать несколько пластинок Баха и Бетховена. Друзья еще час живо беседуют на самые разные темы искусства и прощаются, договариваясь о новых встречах.

Где-то в середине ноября Олег звонит Славе и говорит, что хочет познакомить его с одной хорошей молодой парой и другими своими друзьями:

- Эта пара – Боря и Наташа Стелины - устраивают у себя в ближайшую субботу музыкально-литературный вечер. И я подумал, что тебе будет на нем интересно.

- А что за друзья?

- Это Владик, студент психологического факультета Московского университета, Женя, серьезно увлекающийся литературой, и милая девушка по имени Наташа. Она, правда, верующая, и ее не так легко отбить от Бога.

- Спасибо за приглашение, - отвечает заинтригованный Слава, - я обязательно приду. А где живут Боря и Наташа?

- В районе станции метро «Новые Черемушки». Чтобы тебе не искать их дом, предлагаю встретиться в 7 вечера при выходе из станции метро.

Вечером в субботу Слава и Олег вместе являются к Боре и Наташе, которые приветливо встречают их в прихожей. Оба красивы, молоды и тут же их 6-летний сынишка Игорь. Они приглашают Славу и Олега садиться за накрытый стол, за которым уже сидят Владик, Женя и вторая «религиозная» Наташа. Она сразу привлекает внимание юноши миловидностью круглого лица, каштановыми волосами и голубыми, внимательными глазами. Олег представляет друга гостям, и Слава, отвечая на вопросы и сбиваясь от волнения, рассказывает о своем пребывании в детском доме, маме, учебе в консерватории и увлечении литературой. Затем к разговору присоединяются остальные, и беседа заходит о современной литературе, причем «достается» многим советским писателям и поэтам. Супруги Боря и Наташа принимают в нем активное участие, проявляя необыкновенную эрудицию в литературной области и рассказывая о своей огромной библиотеке. Потом темой разговора становятся изобразительное искусство и музыка. Олег играет для гостей выученную им первую часть 21-й сонаты Бетховена, за что вознаграждается бурными аплодисментами.

Слава с гордостью говорит о собранной им большой коллекции пластинок и добавляет:

- Всем, кто пожелает, я готов давать их слушать. Только нужно оставить свои телефоны и созвониться.

- А в твоей фонотеке есть симфонии Чайковского и сказка «Петя и волк» Прокофьева? – спрашивает хозяйка дома Наташа.

- Есть!

- А у тебя есть русские народные песни? - интересуется вторая Наташа.

- Есть!

- А голос Шаляпина? – спрашивает Женя.

- Тоже есть! У меня также имеются литературные записи, например, две пластинки с записями голосов писателей.

- Я не отказался бы их послушать, - восклицает Женя.

Вечер проходит весело - с тостами, шутками, рассказом анекдотов и смешных жизненных ситуаций. Не обходится и без нападок на христианство и Бога со стороны Олега, который произносит, смотря на верующую Наташу:

- Непонятно, как можно верить в то, чего нет. Еще Карл Маркс говорил, что религия – это опиум для народа.

После этих слов все засмеялись, кроме Наташи, которая промолчала, упрямо сжав губы. Перед тем, как гости начали расходиться, Слава записывает номера телефонов обеих Наташ и Жени, обещая позвонить им в ближайшее время, чтобы привезти пластинки. Только один Владик не проявляет к ним интереса. Поблагодарив хозяев за прекрасный вечер, Слава принимает предложение Олега переночевать у него и затем провести вместе весь воскресный день.

Поздно поднявшись, друзья за завтраком долго ведут задушевную беседу, делясь впечатлениями от чудесного вечера у Стелиных и своими планами на будущее. Юноша открывается

другу, что пишет сейчас большую повесть «На даче» и рассказывает ее сюжет.

- Сюжет занимательный, - восклицает Олег, - когда ты закончишь повесть, дай мне её почитать. Хочу знать, как ты пишешь!

- Обязательно дам. Твое мнение мне очень важно. - А я вот не спешу сочинять музыку, и не только из-за недостаточного владения фортепиано. Открою тебе, что я начал серьезно заниматься теорией музыки, гармонией и сольфеджио для развития слуха, без чего невозможно стать композитором. Иногда буду просить тебя проигрывать мне для угадывания на пианино интервалы и аккорды.

- Я готов, Олег, всегда тебе помочь! Да можно прямо сейчас, если ты не возражаешь!

- Конечно, нет. Поиграй. Я только буду благодарен тебе.

Слава садится за пианино и проигрывает для друга интервалы и аккорды. Какие-то он угадывает, какие-то нет.

- Ясно, - говорит Олег, - что мне надо еще заниматься этим делом и заниматься!

- Ты знаешь,- переводит разговор Слава на другую тему, - «религиозная» Наташа произвела на меня приятное впечатление.

- А ты удачно назвал ее «религиозной», - улыбается Олег, - не так давно я увлекался ею, а теперь меня привлекает другая Наташа.

- Так ведь она замужем!

- Ну и что? Для настоящей любви не бывает препятствий! К тому же мне кажется, что и она ко мне неравнодушна! Так что можешь ухаживать за «религиозной» Наташей сколько угодно. Может, тебе повезет больше, чем мне. Но ты должен знать, что лет семь назад у нее погиб отец. На него наехала машина, когда он переходил улицу. Может, после этого случая она и ударилась в религию.

- Понятно. Очень жаль ее. В ближайшие дни я собираюсь посетить ее и привезти обещанные пластинки. А вот из вчерашних гостей на вечере у Стелиных мне еще понравился Женя. У него довольно оригинальные мысли, да и своим видом он выделяется среди других. Я также хотел бы навестить его, привезти пластинки, поговорить о литературе. Ты не против?

- Почему я должен быть против? - вновь улыбается Олег, - он достойный человек. К литературе относится серьезно, что-то пишет, у него есть, чему поучиться. Это лучше, чем вариться в собственном соку.

Так за разговорами, слушанием музыки, просматриванием альбомов по живописи Слава проводит у друга весь воскресный день и остается на ночлег. Просидев с ним за полночь и чувствуя сильную усталость, он предлагает Олегу ложиться спать:

- Уже очень поздно – два часа ночи!

- Да, ты прав, Слава, пора. Ты, как обычно, ляжешь на диване, а я – на раскладушке. Завтра мне рано вставать и ехать на работу, да и у тебя, я думаю, куча всяких дел.

На следующий день друзья рано утром тепло прощаются, и Слава по дороге домой с удовольствием вспоминает день, проведенный у Олега, и чудесный вечер накануне у Стелиных, находясь под сильным впечатлением от общения с его друзьями. Центром притяжения на нем была, безусловно, хозяйка дома Наташа, и Слава был рад приобрести в ее лице и бывших у нее гостей новых настоящих друзей. С ними он сможет откровенно делиться своими мыслями и чувствами и показывать им свои будущие литературные произведения, ибо их мнение будет для него многое значить.

Через пару дней юноша звонит «религиозной» Наташе и спрашивает, когда и где он может с нею встретиться, чтобы передать пластинки с записями русских народных песен, которые она так любит. Наташа, обрадованная его звонком, отвечает,

что можно встретиться у нее дома днем в последний четверг ноября, и называет Славе свой адрес в Замоскворечье.

В этот день юноша решает пропустить занятия по специальности и общему фортепиано в консерватории, сославшись на неважное самочувствие, и, захватив пластинки, не без волнения едет к Наташе, живущей в Земском переулке рядом с улицей Димитрова. Переулок был застроен старыми двухэтажными купеческими домиками, в одном из которых жила Наташа со своей семьей, состоящей из матери, отчима, брата и сестры. Девушка, одетая в брюки, встречает Славу у подъезда и заходит с ним внутрь дома, в котором четыре комнаты, еще хранящие печать московской старины.

- А вот и моя келья, - говорит Наташа, приглашая Славу в свою комнату, поражающую скромностью и простотой обстановки. Она действительно походила на келью, у окна которой находился образ богоматери, в центре стоял стол с деревянными стульями, а на стенах висели полки, заполненные книгами. Угостив юношу домашним компотом и вкусными пирожками, Наташа приступает к разговору:

- Вот так я и живу – в больших купеческих хоромах. Ты, наверное, удивляешься, что у нас на пять человек семьи приходятся четыре комнаты. Для Москвы, где проблема с жильем, это, конечно, необычно. Мы прибыли в столицу из Ленинграда и долго мучились в тесной коммуналке, пока нам не дали двухкомнатную квартиру в Мневниках. Ту квартиру мы потом обменяли на этот домик, за что пришлось доплатить. Зато я очень довольна, так как всё рядом – школа, почта, церковь и центр Москвы.

- Расскажи, пожалуйста, о своем отце. От Олега я знаю, что его сбила машина, когда он переходил улицу.

- Это произошло семь лет назад, как раз в день моего рождения, и стало огромной трагедией для меня и всей нашей семьи. Он был во всех отношениях чудесным, необыкновенным чело-

веком, и я его очень любила. По профессии отец был машинистом, много читал, любил петь и слушать музыку, особенно народную. С ним мне всегда было хорошо и весело. Впрочем, он для меня не умер, а по-прежнему живой. Его душа где-то высоко в небесах и смотрит оттуда на нас. Ведь наши души бессмертны, только живут в другом - духовном мире.

- Скажи, Наташа, ты пришла к религии после смерти отца, став верующей?

- Да. Христианская религия помогла мне перенести большое горе, обрести стойкость духа и уверовать в вечную жизнь.

- Расскажи немного о себе. Чем ты занимаешься, учишься или работаешь?

- И так, и так. Я учусь в вечерней школе и в этом учебном году собираюсь сдать экстерном экзамены за 9-ый и 10-ый классы. А работаю я на почте, разношу письма. Для меня очень удобно: утром разносишь письма по адресам, а потом целый день свободна.

- И как ты используешь свободное время? – продолжает допытывать Наташу Слава.

- На книги, - улыбаясь, отвечает она, и рукою показывает на книжные полки, - посмотри, сколько их у меня! Обожаю читать поэзию и прозу. Кстати, ты можешь взять для чтения домой любую из них и не одну, а несколько.

Обуреваемый любопытством, Слава подходит к книжным полкам и начинает внимательно рассматривать книги, читая названия на корешках. Его восхищению нет предела.

- У тебя, Наташа, такое богатство, что любой библиофил позавидует! Я вижу собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Есенина, Тургенева, Толстого, Бунина, Гегеля, Канта! Ты не будешь против, если я возьму один из томов Канта, в котором содержится его знаменитая «Критика способности суждения»? Я давно хотел ее почитать.

- Конечно, возьми. Может, что-то еще?

- Нет, пока только Канта. Прочитаю его и потом возьму другое.

- Поговорив с Наташей еще на разные темы, Слава предлагает послушать одну из принесенных им пластинок с записями русских писем. Наташа выбирает пластинку с Людмилой Зыкиной и заводит ее на проигрывателе.

- Обожаю русские песни! Они так трогают душу! - Произносит она, вздыхая, когда музыка кончилась, - большое спасибо за пластинки. Остальное я послушаю потом. На часах уже пять и мне надо ехать на занятия в вечернюю школу. Там не любят, когда опаздывают.

Слава провожает Наташу до станции метро «Октябрьская», и по дороге, как бы между прочим, сообщает ей, что с некоторых пор увлекся писательством. Они также вспоминают чудесный субботний вечер у Стелиных.

- Все было хорошо, кроме одного, - говорит Наташа, - когда Олег начал в моем присутствии ругать религию и мою веру в Бога. С его стороны это было так некрасиво и эгоистично! Я сочла нужным промолчать и не вступать с ним в спор.

Говоря об этом, Наташа изменилась в лице, которое вместо приветливого приняло сухое, готовое к отражению атаки выражение. Попрощавшись у станции метро, Слава поехал на троллейбусе домой, во всех подробностях вспоминая свою встречу с Наташей. Он чувствовал, что эта девушка нравится ему всё больше и больше...

Спустя некоторое время Слава наносит новый визит «религиозной» Наташе и в этот раз приносит пластинки с записями увертюры «Светлый праздник» Римского-Корсакова, русских песен и романсов в исполнении Шаляпина, песен Бетховена и Шуберта в исполнении Козловского и голосов писателей (2-ую серию). После музыки, которую она слушает с жадным вниманием, Слава заводит разговор о Боге, пытаясь убедить Наташу, что между религией и объективным идеализмом много

общего, ссылаясь на учебник по научному атеизму, который он начал читать. Но Наташа остается непреклонной в отстаивании своих религиозных воззрений и сама делает попытку обратить юношу в христианскую веру. Юноша показывает ей книгу Ренана «Жизнь Христа», взятую им в консерваторской библиотеке, и спрашивает ее мнение о ней:

- Когда-то эта книга мне нравилась, - отвечает Наташа, - а сейчас нет. Христос в ней показан слишком земным, материальным, даже грубым. Ренан пытается угодить всем – и верующим и не верующим. Лучше всего знакомиться с жизнью Христа по Библии. Я постараюсь достать ее для тебя.

Слава приходит к выводу, что отнять у Наташи Бога, значит уничтожить ее сущность, ее внутренний духовный облик, убить те представления о мире, которыми она живет и дышит. Становится несомненным, что Наташу также невозможно лишить веры в Бога, как его заставить поверить в Него: ему интересны лишь произведения искусства - музыкальные сочинения, живописные полотна, архитектурные сооружения, созданные под воздействием религиозных чувств.

Потом Слава неожиданно переводит разговор на другую тему и признается Наташе, что принял решение уйти из консерватории, чтобы посвятить себя целиком литературному творчеству.

- Это очень серьезное решение, от которого зависит вся твоя дальнейшая жизнь, - тихо говорит Наташа, - хочешь знать, что я думаю о нем?

- Очень!

- Что я могу сказать? Профессия музыканта, которую ты выбрал с детства, престижная и в материальном отношении обеспеченная. Но ты уже взрослый человек и вправе принимать или менять любое решение. Полагаю, что ты хорошо обдумал его, и потому я поддерживаю твое желание стать писателем.

Это очень трудный, но благородный и нужный труд. Я с удовольствием почитаю твои литературные произведения.

В 5 часов Наташа собирается в вечернюю школу и по дороге к станции метро «Октябрьская» показывает Славе церковь на улице Димитрова, в которую ходит, советуя юноше побывать в ней. Он говорит, что внутреннее убранство церкви интересно ему с точки зрения искусства и он готов пойти туда с Наташей в какой-нибудь праздник.

В один из декабрьских дней Олег приглашает Славу и своих друзей к себе на музыкальный вечер, и, когда юноша входит в квартиру, он видит «религиозную» Наташу, Женю и Владика, слушающих музыку. Звучал 5-ый фортепианный концерт Сен-Санса в исполнении Святослава Рихтера, по окончанию которого Слава радостно приветствует гостей. Затем Олег заводит пластинки с 8-ой Неоконченной симфонией Шуберта под управлением Вальтера и фортепианным концертом Шумана в исполнении Корто. Юноша со всеми слушает гениальную музыку с завораживающим вниманием и при этом думает, что было бы неплохо приобщать гостей к музыкальному искусству, делая краткие пояснения об исполняемых произведениях перед их прослушиванием. Затем Олег показывает гостям недавно купленный им Энциклопедический музыкальный словарь.

- Так газета «Правда» раскритиковала его в пух и прах! - восклицает Слава.

- И поделом! – говорит Олег, - я нашел в нем статьи о Гилельсе и Ростроповиче. Разве это музыканты? От одних их портретов тошнит!

Слова Олега вызвали среди присутствующих гомерический смех, а Слава почувствовал неловкость от разноса великих музыкантов и вслух выразил свое несогласие с ним. Гости собрались уходить, и Женя, прощаясь, еще раз приглашает Славу к себе. Олег провожает гостей и, вернувшись с улицы, говорит

другу, что он в субботу был у Наташи и между ними отношения снова улажены.

- Она сказала, - добавляет он, - что ты произвел на нее хорошее впечатление, что в тебе есть что-то детское и что ты не испорчен.

- А мне было интересно общаться с ней, - говорит юноша, - она очень любит музыку, литературу и даже философию.

Друзья вновь проговорили за полночь, и Олег рассказал о своем детстве в Уфе, родителях, брате и переезде в Москву. Он по-прежнему полон решимости стать композитором, продолжая упорно заниматься на фортепиано и перейдя к разучиванию баллад Шопена. Легли опять в 2 ночи, и Слава, лежа на диване, долго не мог заснуть, думая об Олеге, в котором не всё ему нравилось . В частности, его раздражала та легкость, с которой Олег обрушивал на известных музыкантов суровую, беспощадную, ничем не оправданную критику. А его страстное желание во что бы то ни стало стать композитором казалось фальшивым, лишенным обоснования, чистым донкихотством. В Олеге как бы уживались два человека. Один – добрый, целеустремленный, способный на глубокие чувства и открытый друзьям, другой – честолюбивый, завистливый, неискренний, тайно ревнующий к успехам других. Какой из них одержит верх? Кто из них победит – порядочный человек или подлец? Середины не будет!

Испытывая некоторое разочарование в Олеге и желая помочь другу, подсказать, что он выбрал ошибочный путь, Слава решает написать ему письмо, в котором, основываясь на собственном печальном опыте, советует глубоко подумать, правильно ли он сделал, избрав путь композитора. В письме он также впервые признается другу, что хочет ради литературы уйти из консерватории, и предлагает Олегу приехать к нему домой, чтобы окончательно объясниться.

Спустя 4 дня после оправки письма Слава в 9 вечера слышит сильный стук в дверь своей комнаты. Это был Олег с его письмом и пластинками «Князя Игоря» в руках. Он выглядел нервным, возбужденным и тут же начал горячо убеждать друга не бросать консерваторию:

- Ты делаешь глупый, необдуманный шаг, так как тем самым лишаешь себя диплома! Это надо быть круглым идиотом!

- Но ты ведь сам ушел из консерватории!

- Я - это одно, ты - это другое! Для меня сама атмосфера в консерватории невыносима!

- Ты думаешь, она для меня выносима? Я жду, не дождусь, когда оставлю ее!

- Я тебя понимаю! А что, если ты переведешься на заочное отделение Ленинградской консерватории, чтобы не остаться без диплома? – Не унимается Олег.

- А зачем мне диплом, – упорствует в своем желании Слава,- если все равно он мне в жизни не понадобится? К тому же диплом дают на руки только после трех лет работы по распределению!

- Ты просто трусишь перед трудностями, не желая кончать консерваторию!

- Тогда ты тоже трус!

- Ну ты уж слишком, не обижайся. Я желаю тебе только добра! Боюсь лишь, что, уйдя из консерватории, ты станешь знаменитым писателем и зазнаешься!

- Вот бояться этого как раз и не надо! Мы с тобой были и останемся близкими друзьями!

- А твой совет отказаться от сочинения музыки я принять никак не могу. Если из тебя не получился композитор, это еще не значит, что из меня не получится. Я имею очень серьезные намерения в этом отношении и готов упорно идти к своей цели.

- Но у тебя нет серьезной технической базы для этого. Композитор должен многое знать и уметь. Я имею в виду гармонию, полифонию и оркестровку.

- Если базы нет сейчас, то будет потом. Это вопрос времени. Ты знаешь, как серьезно я сейчас занимаюсь на фортепиано и по сольфеджио. Потом займусь гармонией, полифонией и оркестровкой.

- Знаю и готов тебе помогать дальше. Мы с тобой как герои оперы Пуччини «Богема». Я – будущий писатель, ты – будущий композитор! Вместе с будущим историком Женей, психологом Владиком и «религиозной» Наташей мы составляем свою богему, свою творческую компанию!

- Именно так, - восклицает Олег, - и останемся навек друзьями!

- Кстати, я завтра собираюсь ехать к Жене. А какая у него фамилия?

- Довольно необычная. Разжевайкин. Передавай ему дружеский привет!

Олег крепко обнимает друга и, тепло попрощавшись с ним, уходит.

Созвонившись с Женей и взяв пластинку с записью голосов писателей, Слава едет, наконец, к нему в Мневники, где он живет на Карамышевской набережной, и застает одного в отдельной трехкомнатной квартире смотрящим телевизор. Встретив Славу в крошечной прихожей, Женя проводит его в свою комнату, заставленную письменным столом с бумагами, гардеробом, кроватью-периной и большим книжным шкафом, и начинают вести долгий, нескончаемый разговор о себе, родителях, литературе, искусстве и даже политике. Жене 23 года, он недавно вернулся из армии, учится в 11 классе вечерней школы, работает грузчиком на холодильнике, увлекается историей, мечтает поступить на исторический факультет Московского университета и пробует свои силы в литературе.

Отец – парторг крупного предприятия, мать – домохозяйка, которую любит больше отца. В области мировоззрения колеблется между материализмом и идеализмом: «Для меня сначала искусство, а потом – Бог, в отличие от Наташи, для которой сначала Бог, а потом – искусство». Заходит речь и об Олеге, который, как думает Слава, ошибается, выбрав путь композитора.

Много читая, Женя дает собственные оценки тем или иным писателям, особенно выделяя Пушкинскую эпоху и Достоевского, роман «Идиот» которого он подробно разбирает со Славой. Затем с гордостью показывает свою библиотеку, из которой предлагает почитать новому другу 6-ой том собрания сочинений Шекспира, «Сущность христианства» Фейербаха и «Доктора Фаустуса» Генриха Манна. А вот к музыке до последнего времени был равнодушен, и юноша горячо убеждает его изменить отношение к музыкальному искусству, в чем готов помочь ему своими знаниями и пластинками. Поблагодарив Славу за принесенную пластинку, Женя задает ему множество вопросов личного характера, и юноша открывается ему, что хотел бы стать писателем. Только в полночь они прощаются друг с другом и договариваются о последующих встречах. По дороге домой Славе приятно думать о Жене, который производит впечатление очень начитанного, ищущего и порядочного человека. В его лице юноша приобрел откровенного собеседника и хорошего друга, который близок ему отсутствием материальных интересов и стремлением к литературному творчеству.

После этого визита Слава еще несколько раз посещает Женю и привозит ему пластинки с музыкальными записями популярных произведений Бетховена, Моцарта, Чайковского и Глинки. Возвращая пластинку с голосами писателей, Женя высоко отзывается о ней, так как впервые слушал голоса Льва Толстого, Куприна, Горького, Фадеева, Алексея Толстого, Мая-

ковского, Есенина и других известных писателей. Некоторых из них, например, Горького и Фадеева, он довольно сильно критикует – за то, что они ничего не сделали собственно для искусства, а лишь разрабатывали новый, революционный материал на старый лад. Женя также говорил о том, что почти все человечество погрязло в пороках, духовном невежестве и пустоте, что в мире еще много зла, несправедливости, глупости, и неизвестно, когда всё это уступит место добру, истине и красоте. Во второй свой приезд Слава решается открыться Жене в своем желании уйти из консерватории и поступать в Литинститут, на что последовала его не очень одобрительная, даже шоковая реакция.

- Впрочем, - сказал он, - если ты уверен в себе, а литературные задатки, судя по твоей речи, у тебя есть, то можно попробовать. Ты должен делать то, к чему тебя призывает внутренний голос, а выход есть из любого положения. Только имей в виду, что в Литинститут очень трудно поступить, туда всегда огромный конкурс и надо очень много знать и прочитать. В любом случае, я тебе желаю успеха на литературном поприще. А когда ты что-то напишешь, я с интересом почитаю и выскажу свое мнение. Кстати, я хочу тебе дать еще почитать из своей библиотеки 3-ий том собрания сочинений Леонида Андреева, - добавляет он, протягивая юноше книгу, - в нем есть любопытные для тебя вещи!

Только после 12 ночи Слава прощается с Женей и едет троллейбусом домой, радуясь, что в его лице приобрел откровенного собеседника и верного друга, который близок ему отсутствием материальных интересов и стремлением к литературному творчеству.

Прошло три недели, как Слава был в компании друзей Олега в гостях у молодой супружеской пары Стелиных. С тех пор юноша не перестает вспоминать о том чудесном вечере и мечтает еще раз побывать у них. И вот в середине декабря, узнав

от «религиозной» Наташи, что он собирается бросать консерваторию, Наташа Стелина звонит ему и приглашает к себе, чтобы обсудить это необычное решение. Слава не без волнения едет в Черемушки, взяв с собой коробку с пластинками классической музыки, и, кроме хозяйки, застает дома ее мужа Бориса и их 6-летнего сынка Игоря. Предложив юноше чай с пирожными, Наташа, не скрывая удивления и любопытства, спрашивает, какие причины побудили его уходить из консерватории. Слава перечисляет их, делая акцент на том, что выбор человеком любимого рода деятельности, любимого дела, которое было бы ему по душе, для него выше чисто материальных интересов и соображений практической выгоды. Если Борис сразу начинает спорить и приводить обратные аргументы, то Наташа, будучи более тонкой натурой, поддерживает решение Славы:

- Вначале я подумала, что на тебя дурь напала, но после того, как ты мне всё объяснил, я вижу, что ты поступаешь толково и умно. Хорошо, ты бросаешь консерваторию, но куда ты пойдешь? Как дальше собираешься жить?

- Меня с некоторых пор стало привлекать литературное творчество, признается Слава,- и я собираюсь поступать в Литературный институт.

- Вот как! Это смелое решение! – восклицает Наташа, - а насколько реально ты оцениваешь свои творческие способности?

- Пока трудно сказать, - я только недавно начал писать. Но мне интересен сам творческий процесс, сам труд писателя. Он дает возможность не замыкаться в узкие рамки той или иной профессии, а широко смотреть на мир, природу и людей.

- Это похвально. В таком случае ты можешь рассчитывать на нашу с Борей поддержку и помощь. А что тебя больше привлекает – проза или поэзия?

- Больше проза. Если вы не против, я привезу вам что-нибудь из написанного.

- Нисколько не против. Наоборот, будем рады познакомиться с твоими сочинениями. Я помню, что в первый свой приезд ты рассказывал нам о своей трудной жизни в детском доме и общежитии. Ты продолжаешь жить с мамой?

- Нет, мама еще не вернулась с Кавказа. Я живу один в коммунальной квартире в центре Москвы.

- А кто-нибудь помогает тебе из родственников?

- Да, у меня есть дядя Захар, учитель по математике. Он дает мне каждый месяц 25 рублей.

- Это хорошо. А мама и дядя знают о твоем желании уйти из консерватории?

- Нет. Я решил им пока ничего не говорить, чтобы прежде времени не волновать. Когда всё случится, я поставлю их перед свершившимся фактом.

- Что же, вполне разумно. Скажи, ты читал прозу Куприна, в частности, повесть «Гранатовый браслет»?

- Нет, пока не читал.

- Тогда я дам тебе почитать на дом,- говорит Наташа, доставая с книжной полки том Куприна, - на его прозе можно многому поучиться. Спасибо за пластинки. Мы с Борей и х все послушаем . Желаем тебе во всем успехов!

Слава благодарит Наташу и Бориса за прекрасный прием и книгу Куприна и, очень довольный проведенным у них вечером, едет домой. После встречи Нового года Слава в начале январе пишет в дневнике: «Я очень рад, что у меня появились такие чудесные друзья, как Олег, Наташа, Женя, супруги Наташа и Борис Стелины, которые проявляют ко мне большой интерес как к человеку, решившему во имя писательского пера оставить консерваторию. Они хорошо образованны, духовно развиты, начитанны, понимают и ценят искусство и литературу. Я могу делиться с ними своими сокро-

венными мыслями и чувствами, чем я живу и дышу. У всех у них есть прекрасные библиотеки, из которых я могу взять любую книгу. В обмен на это я также приношу им пользу, давая слушать пластинки из своей фонотеки. Правда, меня немного смущает своим характером Олег, но я надеюсь, что мы уладим отношения. Особенно мне приятно сознавать, что мне будет кому показать свои литературные сочинения и услышать от них так важные для меня мнения».

Несмотря на огромную загруженность, Слава пишет в январе большие письма Олегу, «религиозной» Наташе и Жене, а также двоюродному брату Алику в Дербент, в которых подробно объясняет, что побудило его уйти из консерватории и взяться за писательское перо. Он получает в ответ от них доброжелательные письма, а Наташа принимает приглашение посетить его в Варсонофьевском переулке. Этот день он запомнит навсегда. Она приходит вечером 5 февраля вся разрумяненная от мороза с пластинками в коробке, и комната Славы тут же озаряется каким-то благодатным, неземным светом от ее присутствия. Предложив Наташе чай с пирожками, он показывает ей свои книги, пластинки, фотографии мамы и себя в детстве, играет на гобое и дает послушать финал 6-ой симфонии Мясковского, в котором использован старинный русский стих «Как душа расставалась с телом». Наташа много рассказывает юноше о себе, своем положении (бросила школу), отношении к религии, Богу, музыке, литературе, о дружбе с четой Стелиных и Олеге, с которым решила порвать всякую связь.

- Почему? – интересуется Слава.

- Не будем об этом. Просто мы с ним слишком разные люди.

- А что ты думаешь по поводу моего письма? - спрашивает с трепетом юноша.

- Мне твое письмо понравилось. Оно очень искренно и говорит о том, что ты серьезно всё продумал и взвесил прежде, чем принять решение об уходе из консерватории. Но мне кажется,

что ты еще окончательно не определился в том, что тебе ближе – философия или литература?

- Философия мне действительно нравится, и я с большим интересом читаю том Канта, который ты мне дала. Но именно в литературе, в писательстве я вижу свое призвание.

- Это хорошо, - говорит Наташа, - И я тебе желаю удачи на этом пути, который не всегда бывает усыпан розами.

- Я к этому готов, - решительно отвечает Слава, - главное для меня – это заниматься любимым творческим делом!

В 9 часов Наташа собирается уходить и юноша, как обещал, дарит ей на прощание пластинки с записью голоса Шаляпина. Проводив ее до станции метро и вернувшись домой, он долго не может чем-либо заняться, чувствуя, что его влюбленность в Наташу становится все сильнее и сильнее. Ему приятно думать о том, что она не побоялась посетить его холостяцкую квартиру и, кажется, к нему неравнодушна. И вдали для него забрезжил розовый свет возможности личного счастья. С тех пор юноша не перестает думать о Наташе и мечтает о новой встрече с ней...

А через несколько дней Слава снова едет к Олегу на 1-ую Дубровскую и проводит у него весь вечер, оставшись на ночлег. Они улаживают между собой разногласия, говорят о Стелинах, «религиозной» Наташе, музыке, консерватории, литературе, тысяче других вещей, и Олег открывается ему с самой лучшей своей стороны - душевно щедрым, отзывчивым и чистым человеком. Прощаясь с ним, Слава с гордостью думает, какой у него чудесный друг! После этой встречи юноша поддерживает отношения со своими новыми друзьями посредством писем и звонков и в марте «религиозная» Наташа вновь приглашает его к себе домой. Вне себя от радости, он мчится к ней, и разговор вновь заходит о религии, литературе, музыке, пластинках и живописи. Наташа показывает Славе свои рисунки, книги и с восхищением читает вслух один из псалмов Давида. Она

дает ему читать на дом 6-й том собрания сочинений Бунина с рассказами о путешествии по Ближнему Востоку под общим названием «Синяя птица» и свою тетрадь с билетами вступительного экзамена по литературе в Литинститут, сопровождая следующими словами:

- Когда-то я тоже баловалась сочинением и мечтала поступить в Литературный институт. Тогда же переписала эти билеты, но потом поняла, что институт не осилю. А тебе, Слава, билеты как раз могут пригодиться. Может, тебе повезет больше, чем мне.

- Большое спасибо, Наташа, за Бунина и билеты,- волнуясь, говорит Слава,- а я с благодарностью возвращаю тебе том Канта, который прочел с большим интересом. Принес тебе новые пластинки, - среди них есть русские песни в исполнении Зыкиной и Воронежского хора и произведения Глинки, Чайковского и Римского-Корсакова. Уверен, что тебе понравится. Но мне надо уходить. Передай от меня привет Наташе и Боре .

- Обязательно передам. Кстати, мы с ней дальние родственницы, только у нас разные фамилии: она – Стелина, а я – Гладкова.

Слава тепло прощается с Наташей и, уходя, чувствует, что она стала ему еще ближе и дороже...

Спустя неделю к Славе домой неожиданно нагрянул Олег. Он с восторгом открывает ему тайну, что влюблен в Наташу Стелину.

- Такую чудную женщину невозможно не полюбить,- признается другу Олег, и, ты знаешь, она отвечает мне взаимностью, даже недавно приезжала ко мне.

- А как же ее муж Боря? – спрашивает ошарашенный признанием Олега Слава, - по-моему, это не совсем честно.

- Во-первых, Боря ничего не знает и вряд ли узнает, - горячо говорит Олег, - во-вторых, когда речь идет о любви, честность отступает на второй план. У меня есть к тебе небольшая прось-

ба, - продолжает он, вытаскивая из кармана письмо, - смог бы ты передать Наташе Стелиной это письмо, когда будешь у нее? Но передать так, чтобы никто не видел?

Слава решительно отказывается, не желая быть участником этого сомнительного дела. Но Олег так страстно просит друга, что Слава неохотно соглашается. Если бы он знал, чего это будет ему стоить!

В середине апреля он наносит очередной визит к супругам Стелиным, чтобы рассказать о своих консерваторких делах и, воспользовавшись моментом, когда Боря вышел из салона на кухню, вручает Наташе письмо со словами: «Это вам от Олега». Наташа, слегка покраснев, берет письмо и, к ужасу Славы, вместо того, чтобы спрятать его, кладет на журнальный столик. Что было потом, когда юноша попрощался с гостеприимными Стелиными, он не знает. Но через три дня он получает от Олега краткое письмо, в котором он, называя Славу предателем, объявляет о разрыве с ним всяких отношений. Юноша повергается в шок, не понимая, в чем его вина. Он тут же пишет Олегу письмо, в котором выражает сожаление о случившемся и просит сохранить их дружеские отношения. Ответа не последовало. Это значит, что он потерял друга! Но разве может поступать так настоящий друг: с размаху, ничего не выяснив, разорвать их дружбу, длившуюся три года? Неужели в Олеге в этот раз проявилась вторая, нехорошая сторона его натуры, которую так боялся Слава? Но что случилось, то случилось. Потеря близкого друга явилась для Славы тяжким ударом. И зачем он согласился передать Наташе Стелиной это злосчастное письмо? Может,- мелькнула догадка в голове юноши, - Наташе не понравилось, что Олег сделал его посредником в их тайных любовных отношениях и решила покончить с ними раз и навсегда? Так или иначе, но рана, вызванная разрывом с Олегом, еще долго будет ныть в его сердце...

Несмотря на громадную занятость консерваторскими делами и писательской работой, Слава, не в состоянии жить без книг, старается находить время для чтения, составляя на каждый месяц план, что читать. Прежде всего он дочитывает начатую летом «Божественную комедию» Данте, которая производит на него сильнейшее впечатление. Получилось так, что вначале он прочел «Чистилище», а потом «Ад» и «Рай». Разбору «Божественной комедии» юноша посвящает 14 страниц дневника и заканчивает его так: «Самым большим грехом Данте была гордость, и когда Ангел стирает с его лба ее знак, ему становится гораздо легче идти. Чем выше поднимается Данте в сопровождении древнеримского поэта Вергилия, тем путь становится легче и свободней. По дороге к ним присоединяется еще один древнеримский поэт Стаций, очистившийся от грехов и призванный на небо. Пройдя 7 кругов, они подходят к воротам в Рай, когда-то доступный для людей, но после совершения первородного греха Адамом и Евой, навсегда для них закрытый. Вергилий передает Данте в руки Беатриче, возлюбленной поэта в земной жизни, и расстается с Данте, ибо вход в Рай для него запрещен. Беатриче, слегка укоряя поэта за небольшой отход от чистоты и добродетели, ведет его в Рай, где он может узреть высшее Божество во всем его блеске и величии. Всё великое произведение Данте воспринимается как суровый приговор человеческим порокам, грехам и преступлениям его времени.

Почти одновременно с «Божественной комедией» Слава заканчивает читать в переводе Пастернака еще одну великую книгу западноевропейской литературы - «Фауст» Гете, которому посвящает 20 страниц дневника. Он состоит из двух больших частей, не связанных между собой единым сюжетом. Если в первой части старый ученый Фауст продает свою душу Мефистофелю за то, чтобы помолодеть и узнать земное счастье в любви к Маргарите, то во второй части он совершает

с дьяволом путешествие во времени и пространстве в поиске смысла жизни и находит его в служении людям. Забыв о договоре с Мефистофелем, он в восторге высшего упоения восклицает: «Мгновенье, о как прекрасно ты, повремени!» и падает замертво на землю. Перед смертью Фауст успевает произнести свое последнее пожелание: «Народ свободный на земле свободной увидеть я б хотел в такие дни!». Конец книги Гете напоминает окончание «Божественной комедии»: наперекор предсказанию дьявола, ангелы подхватывают душу Фауста и возносят ее на небо, где у сияющего Божественного престола она соединяется с душой Маргариты.

На 4-ом курсе Слава также с удовольствием читает комедии «Ахарняне» и«Всадники» Аристофана, пьесы «Венецианский купец» и «Мера за меру» Шекспира, «Бремя страстей человеческих» Моэма» (по совету Мусинян), «Женщину в белом» Коллинза, «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Из них особенно сильное впечатление на него производит роман Моэма, рассказывающий о трудной судьбе хромого Филипа, мечущегося в поисках цели жизни и кончающийся тем, что он примиряется со своей хромой ногой: «Без нее он не мог бы так остро ощущать красоту, страстно любить искусство и литературу, взволнованно следить за сложной драмой жизни. Издевки и презрение, которым он подвергался, заставили его углубиться в себя и вырастили цветы – теперь уже они никогда не утратят своего аромата». На смену вечной неудовлетворенности к Филипу приходит душевное спокойствие. Славе также очень понравилась сказка «Маленький принц», в которой ему запомнились слова Лиса о том, что каждый может кого-то приручить и стать ему другом, но всегда нужно быть в ответе за тех, кого приручил. И еще Лис сказал, что зорко одно лишь сердце – самого главного глазами не увидишь.

Из русской литературы Слава читает «Слово о полку Игоревом» (во второй раз), «Севастопольские рассказы» Толсто-

го, «Христиане» и «Иуда Искариот» Андреева, «Гранатовый браслет» Куприна, стихи Р.Рождественского. Если «Севастопольские рассказы» потрясают юношу правдой о войне, то «Иуда Искариот» - драмой предательства. Сильное впечатление у него остается от «Гранатового браслета», рассказывающего о великой силе любви. Телеграфист Желтков, беззаветно и безнадежно любящий замужнюю женщину Веру Николаевну Шеину, перед самоубийством посылает ей в подарок дорогой гранатовый браслет с письмом, в котором пишет, что, уходя из жизни, он с восторгом повторяет «Да святится имя твое». Если она вспомнит о нем, то пусть сыграет медленную часть «Аппассионато» из 2-ой фортепианной сонаты Бетховена.

Слава невольно задумывается над тем, почему Наташа Стелина посоветовала ему прочитать эту вещь...

Кроме художественной литературы Слава с большим интересом читает книги в области истории, музыковедения, науки и философии: «Библейские сказания» Косидовского (по совету Олега), «Портрет Генделя» Роллана, «Жизнь растений» Тимирязева, учебник по общей химии Глинки, «Критику способности суждения» Канта и «Сущность христианства» Фейербаха (по совету Жени). Последняя книга производит настоящий переворот в его сознании и еще больше укрепляет в атеистическом образе мыслей.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

С тех пор(а это случилось в октябре 1968 года), как Славу почувствовал в себе тягу к писательству, литературное творчество становится для него целью и смыслом существования. Теперь почти всё свободное время он уделяет писательской работе и приступает к написанию повести «На даче». На выбор ее сюжета косвенно повлияла опера «Травиата» Верди, на-

писанная на основе пьесы Дюма-младшего «Дама с камелиями». Действие повести происходят на даче под Москвой, где с отцом и тетей проживает главная героиня Ольга Сергеевна. К ней в гости приезжает студент Московской консерватории скрипач Борис, с которым она познакомилась на представлении оперы «Иван Сусанин» в Большом театре, куда пришла с подругой Галей. Они ведут продолжительную беседу на музыкальные темы, совершают прогулку по зимнему лесу и договариваются о новых встречах. Постепенно между Ольгой и Борисом зарождается глубокое чувство любви, но его надеждам на счастье не дано осуществиться, так как она преждевременно умирает от рака.

Не видя конца и края растянувшейся повести, Слава оставляет ее и, загоревшись желанием написать что-то новое в юмористическим ключе, в ноябре сочиняет небольшую сценку «Злосчастное свидание». В ней некий молодой человек приглашает в свою квартиру молодую даму, которой показывает свои «роскошные» апартаменты и делает предложение выйти за него замуж для того, чтобы иметь от нее детей. Дама возмущается этим предложением, ибо меньше всего хотела бы рожать детей, и, дав молодому человеку две пощечины, убегает из квартиры. Это первая попытка Славы сочинения в драматической форме, к которой со временем его будет тянуть всё сильней и сильнее.

Следом за сценкой он пишет веселый рассказ «Два приятеля на концерте» и большую повесть «Великий человек», в которой описывает беззаботное детство мальчика Андрюши, сочиняющего музыку и мечтающего стать великим композитором. Родители устраивают ему встречу с настоящим, живым композитором, который, познакомившись с его детскими сочинениями, благословляет мальчика на очень непростой и тернистый композиторский путь... В декабре Слава пишет еще один рассказ –«В лесу», в котором повествуется о детях, за-

блудившихся в подмосковном лесу и чудом выбравшихся из него. Юноша передает в рассказе страх и ужас, которые сам испытал, потерявшись когда-то в лесу.

Таким образом, в творчестве Славы ярко наметились три основные тематические линии – любовная, музыкальная и детская, которые шли то рядом, параллельно одна другой, то переплетались. Он задумывает новые рассказы с такими названиями, как «Новый год», «Демонстрация», «Больной», «Первое выступление», «Урок музыки», «Генеральная репетиция» и другие, стремясь писать о том, что ему хорошо знакомо. В планах у него есть и крупное произведение – это роман «Испытание», к которому он пока не знает, как подступиться.

В ноябре юноша достает в библиотеке имени Герцена две важные для него книги. Это сборник «Писатели и русский язык» и «Мастерство писателя» Смысловской, штудируя которые он приобретает знания, необходимые для литературной работы.

В конце декабря перед Новым годом Слава записывает в своем дневнике: «Что значит для меня литературное творчество? Оно мне дает то, что когда я о чем-нибудь пишу, выражаю свои мысли, взгляды и чувства, то испытываю невыразимое наслаждение. Я сразу забываю про все тревоги и заботы дня, про сложные философские вопросы и начинаю чувствовать себя на вершине покоя и блаженства, с высоты которой могу привольно созерцать жизнь и ощущать ее прекрасное дыхание. Я как бы творю свою волю, - и в этих словах для меня заключается тайна творчества. Писательская работа становится для меня первой необходимостью, без чего я начинаю тосковать, хандрить, впадать в апатию и отчаяние, перестаю чувствовать себя человеком. Творчество для меня так же необходимо, как хлеб, воздух, вода. Когда я пишу, на душе становится легко, будто я сбрасываю с нее лишний груз и взлетаю ввысь, где свободно парю, ловя слова и фразы. Тогда я

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- ручку и бумагу, я могу в условиях душевного спокойствия и полной тишины проявлять в литературном творчестве свою волю, беспрепятственно и смело выражать то, что меня волнует, без чьих-либо советов, указов и наставлений. И в-пятых, я не хочу быть в стороне от жизни, на ее обочине, мне хочется быть в самой гуще событий, шагать в ногу со временем, не обходя животрепещущие проблемы и вопросы современности. Возможно, я призван для того, чтобы в своих произведениях отобразить величие нашей эпохи, в которую мне посчастливилось жить, - эпохи построения в стране нового коммунистического общества, победы сил прогресса и покорения космоса. Ничто не собьет меня с этого пути, и я чувствую в себе достаточно энергии и рвения, чтобы идти по намеченной дороге наперекор всем преградам и препятствиям, которые могут встретиться на моем пути. Что касается славы... Да, иногда она ласкает мое воображение, - но какому писателю не хочется стать известным, знаменитым, чтобы о нем все говорили и писали?».

После Нового года Слава в первую очередь решает пойти в Литературный институт, чтобы узнать об условиях приема. Расположенный недалеко от консерватории на Тверском бульваре, он занимает здание городской усадьбы 18 – начала 19 века, в котором в 1812 году родился Герцен, чей бюст установлен в дворе. С трепетом юноша входит в институт, где секретарша в ответ на его вопрос дает ему бумагу с правилами приема для поступающих. Из нее Слава узнает, что прием в Литературный институт осуществляется на основании творческого конкурса и вступительных экзаменов. Творческий конкурс проводится заочно, на основании присылаемых абитуриентами творческих работ по избранному направлению подготовки (для него – не менее 25 страниц прозаического текста). Абитуриенты, получившие положительную оценку по итогам творческого конкурса, получают вызов приемной

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

рывая часть времени от сна. Чувствуя необходимость навести порядок в своей творческой «кухне» и заложить фундамент, базу для дальнейшего писательского труда, юноша заводит ряд новых специальных тетрадей, предназначенных для записи будущих сюжетов, тем, человеческих характеров, ситуаций, мужских и женских имен, русского языка, а также впечатлений от прочитанных книг, спектаклей, концертов и музыкальных произведений, для чего раньше использовался один дневник.

Кроме того, Слава заводит еще одну тетрадь – «О себе», куда, наряду с дневником, записывает свои переживания и мысли по случаю перехода своей жизни на новые «рельсы». Так, 15 января 1969 года он пишет: «Я стал другим человеком, чем прежде, стал самим собой. Я раньше был пешкой в руках судьбы, в руках внешних обстоятельств, которым должен был подчиняться. Теперь я принадлежу сам себе, являюсь хозяином собственной судьбы, больше никому и ничему не подчиняюсь. Теперь я сам распоряжаюсь собственной судьбой и перестаю быть игрушкой в ее руках. Я делаю то, к чему меня влечет призвание, что стало моей первой потребностью. Еще полгода мне будет трудно совмещать писательское перо с обязанностями студента консерватории, но я готов всё претерпеть ради прекрасной цели!».

В голове Славы созревает сюжет нового, автобиографического рассказа, который в аллегорической форме должен отразить его неистребимое стремление к творчеству. Действие рассказа происходит во сне: юноше снится, будто в жаркий летний день он стоит на берегу большого пруда, по которому плавают белые лебеди. Эти птицы олицетворяют для него творцов – людей искусства, к которым стремится его душа. Он чувствует себя неуютно, одиноко среди гуляющего вдоль пруда народа и в какой-то момент бросается к воде, чтобы плыть к лебедям. Два человека, подбежав и схватив юношу

за руки, пытаются удержать его, но он вырывается от них и начинает плыть в сторону прекрасных белых птиц. Всё ближе, ближе... И вдруг раздается сильный звон. Это звонит будильник, будящий юношу ото сна. В порыве вдохновения Слава за один день пишет этот рассказ, которому дает название «Сон» и, неудовлетворенный первым вариантом, в последующие два дня пишет его второй вариант, которым остается более доволен. Рассказ «Сон» помогает юноше преодолеть очередной духовный кризис, вызванный вынужденным двухнедельным перерывом в писательской работе.

В конце января Слава приступает к подготовке к приемным экзаменам в Литинститут, для чего записывается в городскую библиотеку имени Некрасова, где имеется большой выбор учебников по русскому языку, литературе и истории СССР. Кроме того, он начинает перечитывать произведения русской и советской классики, которые входят в программу экзамена по литературе.

В феврале творческая активность Славы усиливается, и он один за другим пишет еще два автобиографических рассказа – «Воскресение» и «Автопортрет». В «Воскресении», получившем потом название «Просветление», он в художественной форме описывает свое внутреннее состояние, когда вынужден идти проселочной дорогой туда, куда ему не хотелось идти. В какой-то момент он прерывает путь, падает на землю и, целуя ее, изливает в слезах всю свою горечь, отчаяние и обиду на жизнь. Поднявшись, он успокаивается, вытирает слезы и решительно меняет направление пути, идя навстречу разлившемуся по всему небу закату, которое олицетворяет для него будущее.

Что касается «Автопортрета», то это скорее не рассказ в силу его огромного объема, а очерк-размышление о своей и окружающей жизни. Необычно уже его название, свойственное больше живописи, чем литературе. В нем юноша учится пи-

сательской наблюдательности и мастерству, во всех подробностях описывая свой быт - обстановку дома, квартиру, соседей, свою внешность, привычки, привязанности, режим дня, домашние занятия, жизненные заботы, учебу в консерватории и т.д. Причем «Автопортрет» пишется в форме непосредственного обращения к читателю, которое порой переходит в прямой диалог. Вот как юноша описывает свою внешность: «У меня ярко выраженные черты лица кавказской национальности – короткие черные волосы, причесанные направо, карие глаза, густые брови, высокий лоб, нос с горбиком, тонкие губы – точная копия мамы, горской еврейки».

В ходе работы над «Автопортретом» Слава испытывает новый душевный кризис, более острый, чем январский, в причинах которого пытается разобраться в своем дневнике: «Это очередной этап сомнений, колебаний, внутренней борьбы, только более тяжелый, чем раньше. Продолжается конфликт между моим нынешним положением студента консерватории и делом, которому я хочу посвятить свою жизнь. Я пишу свой «Автопортрет» в условиях гадкой коммунальной квартиры, будучи одиноким, без чьей-либо моральной поддержки, и эта внутренняя борьба утомляет меня, изматывает все силы. Мне хочется как можно скорее окончить этот «Автопортрет», чтобы перейти к другим вещам и двигаться дальше, но он всё не кончается! Отсюда чувство нетерпения и неудовлетворенности. Я чувствую громадное желание сделать как можно больше и одновременно ощущаю физическую невозможность его осуществления. Меня перестал удовлетворять нынешний распорядок дня, из-за чего я почти не нахожу время для подготовки в Литинститут. Я не перестаю ощущать ужас перед смертью, и не только своей. Умирают великие люди – политики, ученые, писатели, деятели искусства. Да, после них остаются дела и творения, но они никогда не заменят их жизнь. Еще меня беспокоит страх перед будущим, неизвестностью: что меня ждет

впереди? Действительно ли мое призвание быть писателем? Как будут приняты мои произведения людьми? И, вообще, я очень страдаю от неустроенности своей жизни, когда вынужден жить один и испытывать постоянную нужду то в том, то в другом...

В чем мне видятся пути преодоления нынешнего кризиса? Прежде всего, это упорная, целенаправленная творческая работа, в процессе которой я внутренне преображаюсь, загораюсь, начинаю жить полноценной жизнью. Второе, это борьба, борьба и еще раз борьба! Мне, как никогда, сейчас требуется суровое терпение, стойкость духа, твердость воли, железная дисциплина, умение доводить всё начатое до конца. Третье, это любовь к людям, ко всему миру, которую я начинаю ощущать в процессе творчества. Четвертое, это неистребимая вера в свое призвание, в то, что всё в конечном счете будет хорошо. Пятое, это сознание того, что были и есть люди, которые страдали и страдают сильнее, чем я, лишенные даже того, что есть у меня. Примером мне служит жизнь Бетховена, сумевшего преодолеть свои страдания и наполнившего свои творения чувством великой радости. И шестое. Необходима перестройка всего моего образа жизни, всего распорядка дня, с тем, чтобы время до обеда отдавалось творчеству, после обеда – чтению и другим делам, а после ужина – музыке, без которой я уже не могу жить».

Главное новшество в намеченной перестройке - это введение планирования всех дел, как ежедневного, так и перспективного. Отныне Слава каждое утро составляет план дел на весь предстоящий день и чувствует, как это помогает ему и обязывает. «Всё, что записано, должно быть выполнено!» - становится девизом его жизни.

В феврале Слава завершает работу над «Автопортретом» и заполняет новую тетрадь «Творческие планы», в которой вновь всесторонне обосновывает свое желание стать писателем и

строит обширные литературные планы на будущее. Свое творчество Слава делит на два больших раздела: один - автобиографический, посвященный его собственной судьбе и личности, второй – людям и окружающей действительности. При этом эта действительность будет отражаться под углом его личной точки зрения, а при отображении жизни будут показаны все ее стороны – от апогея до трагизма.

В начале марта разражается новый кризис, - в этот раз кризис гордыни, связанный с переломом в сознании юноши. Раньше он мысленно ставил себя выше людей, считая себя лучше, умнее и талантливее других. Глядя в библиотеках на книжные полки, заполненные томами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Чехова, Горького, юноша невольно испытывает творческую ревность к их писательской славе. Он только начинает свою творческую деятельность, и не известно, будет ли он писать лучше, чем они. Поэтому ему следует умерить свои амбиции и признать, что он не лучше других людей, а такой же, как и все...

Слава решает с критических позиций перечитать всё, написанное им ранее, и, не удовлетворенный сделанным, пишет новые, улучшенные варианты рассказов «Два приятеля на концерте», «Сон», «Просветление», повести «Великий человек» и «Автопортрета». Правки идут как по линии сокращения слишком многословного текста, чем он тогда грешил, так и по линии поиска более точного, образного языка. Отныне постоянным правилом в творчестве для него становится фраза «Нет предела совершенству!».

Юноша чувствует, что настало время показать одно из своих произведений обеим Наташам, и решается на это, полагаясь на их профессиональный литературный вкус. Выбор он останавливает на рассказе «Сон», считая его лучшим из написанного им. Во время мартовского визита к «религиозной» Наташе он вручает ей рукопись рассказа со словами:

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

языка. Это еще не всё. От твоего рассказа несет духом высокомерия, которое просто хлещет через край! Ты, видишь ли, в рассказе предстаешь самым хорошим, умным, прекрасным человеком, свысока смотрящим на всех остальных людей, которые в твоих глазах выглядят глупцами и неучами. Это уже слишком! Да, сама идея рассказа – желание стать лебедем похвальна и несет в себе духовное возрождение. Но ради чего ты хочешь превратиться в лебедя? Ради того, чтобы тобой любовались, восхищались, восторгались? Вот это я принять никак не могу. Мое мнение такое: рассказ следует радикально переделать, вдвое сократить, выкинуть из него все лишнее, привести к одному стилю, отшлифовать язык. И, главное, Слава, тебе следует пересмотреть его концепцию и окончательно решить для себя, для чего ты хочешь стать лебедем, - то есть, в твоем понимании - писателем. Я пойду кормить Борю, а ты еще побеседуй с Наташей. Ей также есть, что сказать тебе,- закончила она свою тираду, оставив юношу и вторую Наташу возле столика наедине друг с другом.

Слава был готов к любой критике, но такого разноса не ожидал. Он выглядел очень жалко и был готов провалиться сквозь землю от стыда. «Религиозная» Наташа, понимая его состояние, пытается смягчить резкую критику своей тезки:

- В твоем рассказе есть положительные моменты, например, его замысел, наличие духовной темы, удачный конец. Но критика Наташи во многом справедлива, и на нее не следует обижаться. Лучше выслушать горькую правду, чем сладкую ложь. В твоем рассказе не слышно авторской интонации, не видно твоего «я». Ты должен отличать литературу как искусство от простой болтовни и отбирать для творчества самое важное и ценное в жизни. Просто, у тебя еще мало писательского опыта. И вообще, не надо близко принимать к сердцу то, что я говорю, так как я не литератор, а простой читатель и даже дилетант в литературе. Я сама писала когда-то прозу, но по-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

появляется естественное желание, что его читали, чтобы о нем писали и говорили, чтобы его имя гремело везде и повсюду. И я попался на эту удочку, думая, что с обретением этой известности, славы найду желанный покой, самоудовлетворение и достижение жизненной цели. А обернулось всё по-другому! После посещения Стелиных и разноса Наташи я вижу, что мое творчество никому не нужно, не интересно, что я заблуждался, подходя к литературе с позиций честолюбия и чистого индивидуализма. Теперь я вижу, что стремление к славе, известности не может быть стимулом для творчества, и моя гордыня повержена окончательно. Да, вера в мое литературное призвание сильно поколеблена. Передо мной вновь встает вопрос: писатель ли я? А если нет, то кто? Что я могу дать людям? Неужели я должен оставить перо и искать что-то другое? Нет, с этим я никогда не соглашусь! Без литературы я уже не могу жить! Только непрестанный творческий труд поможет преодолеть мне это отчаяние, выйти из кризиса, обрести необходимый покой и удовлетворение!». Слава еще несколько часов писал дневник, затрагивая разные жизненные и философские вопросы. Для него теперь несомненно, что он должен вернуться к своему «Сну» и написать его заново, учитывая критику обеих Наташ и свои прошлые заблуждения...

При этом юношу не покидает мысль о подготовке к поступлению в Литературный институт. В конце апреля он случайно узнает, что на филологическом факультете Московского университета объявлен День открытых дверей и решает из любопытства пойти, чтобы выяснить, насколько реально туда поступить. Классическое здание университета на проспекте Маркса своей историей, архитектурой и внутренним убранством производит на Славу большое впечатление: ведь здесь когда-то учились и преподавали выдающиеся люди России – ученые, писатели, поэты, критики, среди которых Лермонтов и Белинский. Послушав в одной из аудиторий, где собрались

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

госэкзамене – «Скорбную песнь» Лядова и все три части концерта Баха. Как раз будут представлены произведения зарубежного классика, русского композитора и советского автора. Не исключено, что тебя могут попросить повторить концерт Савельева и на госэкзамене. Так что будь готов ко всему.

- А ничего, что Баха я уже играл прежде? - спрашивает Слава.

- Это не страшно. На госэкзамен может выноситься любое произведение, исполнявшееся в течение всего периода обучения.

- А как быть с тростями?- задает Слава самый больной для него вопрос.

- Это не проблема, - улыбается Анатолий Викторович,- если трости Ананьина тебя не будут устраивать, можешь рассчитывать на мои. А теперь поговорим, как мужчина с мужчиной, - меняет он тон на более строгий, - Ирина Павловна будет свидетель. Так вот. Чтобы готовился к обоим экзаменам самым серьезным образом и не пропускал ни одного занятия! Потом когда-нибудь поймешь, почему я от тебя это требую. Ясно?

- Ясно, - отвечает юноша упавшим голосом, - раз надо, значит надо!

И Слава сдерживает слово, увеличивая время для домашних занятий на гобое и приходя на каждый урок по специальности. В итоге на экзамене в апреле ему ставят за концерт Савельева «пять».

- Ну, обрадовал ты меня сегодня, - говорит ему Анатолий Викторович, - если захочешь, можешь играть очень хорошо. Надеюсь, что на госэкзамене в конце мая с исполнением Баха и Лядова ты выступишь не хуже!

После специальности вторым по значимости выпускным экзаменом был камерный ансамбль. В начале марта Слава встречается с преподавателем Чалышевым, который ему напоминает, что кроме госэкзамена, он должен еще отыграть,

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

чет по научному атеизму и госэкзамен по научному коммунизму. Юноша страшно обрадовался, когда узнал, что научный атеизм он будет сдавать Елене Петровне Калиничевой, которая преподавала на 3-ем курсе для духовиков эстетику. Она советует юноше, какой лучше взять в библиотеке учебник по научному атеизму и подробно расспрашивает о причинах, побудивших его досрочно кончать консерваторию. Рассчитывая на полное понимание Елены Петровны, юноша открывается ей, что главная из них, это возникшее в нем недавно страстное желание посвятить себя литературному творчеству. И он не обманывается в своих ожиданиях: Калиничева не только одобряет его решение, но и выражает пожелание познакомиться с его литературными произведениями. Слава основательно штудирует учебник по научному атеизму, с интересом узнавая о существовании в мире самых различных религий, и в мае Елена Петровна, довольная его ответами, ставит ему «зачет». Он дает ей почитать второй, улучшенный вариант своей повести «Великий человек», о которой она отзывается так:

- Твою повесть я нашла весьма интересной по содержанию. Чувства маленького Андрюши переданы довольно точно. Безусловно, у тебя есть способности к литературе, но они еще не развиты в достаточной степени. Твоя повесть показалась мне излишне длинной, средства языка используются не всегда экономно. Впрочем, мастерство к писателю приходит не сразу, а по истечению определенного времени. Тебе нужен хороший руководитель, наставник по литературе, который мог бы тебя многому научить и повести в нужном направлении. Вот почему я одобряю твое решение поступать в Литературный институт, хотя это будет очень трудно. В любом случае, я тебе желаю творческих успехов.

Для сдачи зачета и экзамена по научному коммунизму Радкевич прикрепляет Славу к преподавателю Белову, который проводит с ним вступительную беседу по своему предмету и

рекомендует взять в библиотеке учебник «Основы научного коммунизма». Воспитанный с детства в духе верности идеям Великого Октябрьской революции и Коммунистической партии, юноша с жадностью изучает материал учебника, особенно в той его части, где говорится о будущем коммунистическом обществе, когда отомрет государство и наступит Рай на Земле. Слава сдает госэкзамен по научному коммунизму Белову и Радкевичу и получает отличную оценку!

Наконец, 24 мая Слава сдает вместе с выпускниками духового отдела свой главный экзамен - госэкзамен по специальности, который проходит в Малом зале консерватории. Госкомиссия состоит из уважаемых профессоров во главе с заведующим кафедрой духовых инструментов Сергеем Николаевичем Ереминым. Как ни странно, Слава чувствует себя перед экзаменом спокойно и довольно уверенно в сопровождении Ирины Павловны исполняет свою дипломную программу: «Скорбную песнь» Лядова, трехчастный фа мажорный концерт Баха и первую часть концерта Савельева, который всё-таки попросил сыграть один из членов госкомиссии. После мучительного часа ожидания Петров подходит к юноше и объявляет оценку – «хорошо».

- Поздравляю тебя, - говорит он торжественно, - ты играл очень хорошо и получил крепкую «четверку». Впрочем, - добавляет он, лукаво улыбаясь, - в госкомиссии звучали голоса, предлагавшие поставить тебе «пять». Но наш дорогой Мамед Мамедович взял бразды правления в свои руки и настоял на «четверке». Надеюсь, ты не очень огорчен?

- Почему же? – отвечает, растерявшись, Слава,- конечно, нет. Главное, что Вы остались довольны, а какая оценка, - это не столь уж важно. В любом случае Вам от меня большое спасибо!

- Но у тебя диплом мог бы быть с отличием, если бы не эта «четверка», - с сожалением говорит Анатолий Викторович, - а

вот, кстати, и сам Мамед Мамедович. Поговори с ним. А мне надо идти. Встретимся на ближайшем уроке.

- Славуша, - весело говорит Оруджев, протягивая юноше руку, - от души поздравляю тебя с успешной сдачей госэкзамена по специальности. Ты заслуженно получил «четыре». Молодец! А «пять» мы никак не могли тебе поставить. Ведь ты сам мне недавно сказал, что хочешь поменять профессию. Так зачем тебе «пятерка», если всё равно ты не будешь гобоистом? Зато со временем ты можешь стать известным писателем и прославиться на весь мир своими книгами. Желаю тебе удачи и передай привет маме!

Поблагодарив Мамеда Мамедовича и Ирину Павловну, Слава затем встречается с Чалышевым и договаривается с ним о репетициях к госэкзамену по камерному ансамблю, намеченному на 3 июня. Занятия с участием Баршая и Ананьева идут каждый день и, как обычно бывает, не проходят без повышенных тонов и претензий друг к другу. При этом Сережа Баршай, племянник знаменитого дирижера и руководителя Московского камерного оркестра Рудольфа Баршая, обращается к Славе с подчеркнутой вежливостью, и юноша догадывается, почему. В итоге усиленных репетиций все трое участников ансамбля получают на госэкзамене в Малом зале консерватории за исполнение бетховенского трио по «пятерке», и Игорь Иванович, довольный игрой своих подопечных, заводит приватный разговор со Славой относительно его будущего:

- Прежде всего поздравляю тебя с успешной сдачей госэкзамена. Теперь без пяти минут ты Артист с большой буквы. Хотя ты думаешь, что диплом тебе не пригодится, жизнь может повернуться так, что он тебе еще как понадобится! При этом тебе не обязательно играть в оркестре. Пусть играют те, у кого это лучше получается. Ты, например, может преподавать гобой в музыкальной школе или училище, - ведь профессия преподавателя тебе вполне подходит. Не всегда бывает так,

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- всегда предлагают собственную интерпретацию музыки, которую они исполняют.

- Это, конечно, не значит, что я против педагогики, - продолжает Анатолий Викторович, - иначе я не работал бы здесь преподавателем. Педагогика, безусловно, нужна, и мне кажется, Слава, что из тебя получился бы хороший преподаватель!

- То же самое говорит Игорь Иванович Чалышев,- парирует юноша,- но я чувствую призвание к совсем другому делу!

- Чувствуй сколько угодно, но когда жизнь тебя хорошенько прижмет, начнешь бегать в поиске заработка и ничего лучшего, кроме работы преподавателя, ты не найдешь, - в голосе Петрова зазвучали строгие нотки,- Ясно?

- Яснее ясного,- вздыхая, отвечает Слава, - а что мне делать с гобоем?

-Понятно что, - улыбается Анатолий Викторович своей широкой улыбкой, - ты должен сдать его в нашу музыкальную мастерскую и получить соответствующую справку, иначе тебе не выдадут стипендию за лето.

- Огромное Вам спасибо, Анатолий Викторович,- говорит Слава, собираясь уходить, - особенно за терпение!

- Такова моя работа, - отшучивается Петров, - иногда терпеть таких, как ты. - И затем более серьезно, - Но не прерывай со мной связь, звони, держи меня в курсе дел. Вдруг понадобится моя помощь. Желаю тебе одних успехов!

- Спасибо! Буду стараться! - Кричит Слава, выбегая из класса.

Он спешит в деканат с другим букетом роз и вручает его Ольге Федоровне со словами горячей благодарности.

- Спасибо за цветы,- говорит удивленная Ольга Федоровны, - это очень приятно! Сколько волнений и хлопот ты доставил мне и Татьяне Алексеевне! Ну ладно, теперь все это позади, и я от души поздравляю тебя со сдачей госэкзаменов и зачетов. Небось, мама рада?

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Пока не знаю, - несмело отвечает юноша, - но я хочу спросить. Если я один у мамы, имеющей инвалидность, есть ли у меня право остаться в Москве?

- Такое право у тебя есть, но при условии, что ты принесешь нам заявку на работу. Но работу в Москве ты должен искать сам. Завтра я ухожу в отпуск, вернусь через месяц, и за это время ты должен решить этот вопрос. До свидания. Желаю успеха.

Радуясь, что ему удалось отбрыкаться от распределения в Ульяновск, который ему совсем не улыбался, Слава возвращается домой, размышляя о том, как ему разрубить узел накопившихся проблем в связи с досрочным окончанием Московской консерватории...

НА РАСПУТЬИ. ПОИСК РАБОТЫ

Славе казалось, что после сдачи последнего госэкзамена и обретения желанной свободы он решит все возникшие перед ним проблемы. Но этого не произошло. После напряженного для него семестра он чувствует себя страшно уставшим, опустошенным, нуждающимся в элементарном отдыхе. Но прежде всего ему хочется довести до конца некоторые творческие планы и замыслы. Еще в апреле, вскоре после жестокой, но справедливой критики своего «Сна» он возвращается к нему и пишет новый, третий вариант, после чего сжигает его второй, предыдущий вариант. Рассказ подвергается значительному редактированию и сокращению, и в нем коренным образом меняется концепция, в которой теперь под новым углом рассматривается желание главного героя превратиться в лебедя.

Сразу после нового варианта «Сна» юноша пишет рассказ «Кукла», где рассказывается о воспитаннице детского дома Леночке, получившей на Новый год в подарок от шефов куклу

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

зить. Однако, как я ни старался быть кратким, он занял у меня 69 страниц! Меньше не получилось. На сегодняшний момент я считаю «Просветление» своим главным произведением, ибо в нем в наибольшей степени отразилось внутреннее состояние, владевшее мной тогда, когда я решил уйти из консерватории и посвятить себя литературе, состояние, владеющее мной поныне. Это очень трудный период в моей жизни, который можно назвать одним словом – «перелом». Рассказ отражает мое мировоззрение на данном этапе жизни и как бы представляет собой мой портрет в 22 года. Работая над ним, я очень страдал, так как приходилось копаться внутри себя, а это и тяжело, и страшно. Зато теперь я чувствую себя легко и свободно, ибо сбросил угнетавший меня долгое время груз».

После окончания «Просветления» перед Славой вновь во всей своей суровой действительности встает вопрос: «Писатель ли он?». Если раньше, еще месяц назад ответ для него был однозначен, то теперь – в который раз! – его опять мучат сомнения. Уж слишком нелегко ему далась работа над окончательным вариантом «Просветления». Несомненно одно: прошло время мечтаний, пришло время серьезных раздумий, строгой самооценки, критического взгляда назад, в прошлое. Он решает на время оставить литературное творчество, дать себе отдохнуть от писательского пера. Трезво оценивая свои возможности, Слава приходит к выводу, что для поступления в Литературный институт он еще не созрел, что ему еще надо учиться, учиться и учиться писательскому делу. С высоты творческого вдохновения ему приходится спуститься на грешную землю, чтобы решать чисто прозаические, жизненные проблемы, главной из которых становится поиск работы. Мог ли он тогда предвидеть, что этот поиск превратиться для него в «хождение по мукам»?

Однажды в середине июня Слава в фойе консерватории встречается с Женей Сорокиным – руководителем педпракти-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Условия работы редактора у нас такие: зарплата 120 рублей, два скользящих выходных дня в неделю и ежегодный трехнедельный отпуск. Тебя это устраивает?

- Еще как устраивает! – восклицает Слава.

- Это хорошо. Но прежде, - вежливо добавляет Сельженский, - ты должен побывать на приеме у главного редактора Главной редакции радиовещания Чаплыгина. От него, собственно, и зависит окончательное решение насчет работы. Но Николай Петрович сейчас в отпуске и тебе придется подождать как минимум месяц.

- Я готов ждать сколько угодно, - с воодушевлением говорит юноша, - лишь бы меня приняли на работу!

- Будем надеяться, - улыбаясь, говорит Константин Константинович, - позвони нам через месяц.

Славе, впервые столкнувшемуся с советской бюрократической системой, ничего не остается делать, как ждать. Но он не будет терять времени даром, - ему всегда есть, чем заняться. Юноша продолжает бывать по делам в консерватории, где встречается и общается с приятелями-духовиками Лешей Петровым, Шурой Поповым, Валерой Ананьевым, Сережей Баршаем, Витей Соломатиным, Сашей Ивановым, Валерой Гагиным, Толей Басовым, Сашей Балашовым, Витей Фомичевым, а также с «ударницей» Аллой Мамыко и гобоисткой Наташей Дыдычкиной. Юноше приятно, что Наташа поддерживает его тягу к литературе и решение поступать в Литературный институт.

В один из июньских дней Слава неожиданно встречается с давним другом – студентом композиторского отделения Валей Спасским. Друзья давно не виделись и потому не сдерживают бурных эмоций взаимной радости. Валя тут же приглашает друга на вечерний концерт молодых композиторов – студентов консерватории в Доме композиторов, где исполняется его концертная пьеса для флейты и фортепиано. Слава признает-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Я ее тоже обожаю, - говорит Слава, ставя пластинку на проигрыватель, - ее играет Большой симфонический оркестр радио под управлением Стоковского.

Прослушав симфонию и выразив восторг по поводу гениальной музыки Прокофьева, друзья прощаются. Перед уходом Валя приглашает Славу на свой экзамен по композиции, который должен состояться через 10 дней. Юноша, конечно, приходит и с удовольствием слушает на экзамене его музыкальные номера к сказке «Колобок» для инструментального ансамбля. После экзамена друзья живо обмениваются впечатлениями от музыки и литературы.

- Ты явно растешь, как композитор, - говорит Слава, - поздравляю тебя с новой творческой победой!

- А я с интересом прочитал твой рассказ и повесть, - отвечает Валя, - скажу, что «Два приятеля на концерте» - так себе, а вот «Великий человек» посильнее! Если ты сократишь его на четверть, будет что надо! Теперь за тобой визит ко мне. Я живу в районе метро «Войковская». Приезжай, но только не сейчас, а где-то попозже.

Слава радуется, что Валя заменил ему Олега, которого он навсегда потерял как друга. Спустя полтора месяца он едет к нему в гости и проводит у Вали весь вечер. Выслушав славины новости, он рассказывает другу о своей поездке с группой студентов в Поволжье, где они занимались собиранием русских народных песен, и затем играет ему темы из своей будущей дипломной симфонии. Под конец вечера к Вале приходит его девушка Люда, и Слава с ним прощается. Он немного грустным возвращается домой, ибо увидел в друге некоторое самодовольство и самовлюбленность, которые не замечал раньше. Да, они останутся товарищами, но настоящей близости между ними не будет...

Еще в начале июня Слава находит на кухонном столе письмо от преподавателя Никитиной, в котором она сообщает, что

сейчас находится в туберкулезном диспансере на улице Танеевых и будет рада, если он посетит ее. Купив в фрукты и взяв три своих рассказа, юноша на следующий день едет на старый Арбат, где навещает в диспансере Людмилу Дмитриевну и знакомится с ее мужем Олегом – веселым человеком, окончившим консерваторию как альтист. Он дает им почитать рассказы «Сон», «Кукла» и «Часы», рассказывает о сдаче госэкзаменов, подготовке в Литинститут и появившейся надежде на работу в редакции музыкальных программ радиовещания. Через три недели Слава снова посещает в диспансере Людмилу Дмитриевну, которая теперь чувствует себя намного лучше. Разговор, естественно, заходит о его рассказах, из которых ей больше всего понравился «Сон»:

- В нем есть определенная идея, развитие сюжета, интересные образы. А вот «Кукла» и «Часы» довольно слабы. Правда, на основании этих рассказов, Слава, пока трудно судить о твоем литературном даре. Но раз тебя к этому тянет, продолжай писать. Буду рада прочитать другие твои произведения. Что касается Литинститута, то шансы поступить туда почти равны нулю. Только со временем станет видно, насколько писательство твое настоящее призвание. Я буду следить за твоим литературным развитием. Желаю тебе успехов на новом поприще! – И затем добавляет, - А я хочу подарить тебе свою книжку «Симфонии Вайнберга», написанную на основе моей кандидатской диссертации.

- Я о нем ничего не знаю и с его музыкой совсем не знаком, - с удивлением говорит Слава, пролистывая книжку.

- Очень жаль. Вайнберг, который был любимым учеником Шостаковича, заслуживает того, чтобы слушать его музыку!

Слава благодарит за книжку и еще долго беседует с Людмилой Дмитриевной и Олегом, рассказывая о себе, маме, консерваторских делах, планах на будущее и дружбе с «религиозной» Наташей. Скоро они собираются ехать в специализированный

санаторий в Теберду и юноша желает Людмиле Дмитриевне окончательного выздоровления. По дороге домой ему приятно думать, что в ее лице он нашел человека, которому не безразлична его судьба...

А 30 июня наступает, может, самый важный в жизни Славы день: в Большом зале консерватории состоялся торжественный акт, посвященный 100-летнему выпуску Московской консерватории. Это удивительно, что юноша попал в юбилейный выпуск! Как можно этим не гордиться? Сначала была торжественная, официальная часть, в которой ректор Александр Васильевич Свешников поздравил выпускников с успешным окончанием консерватории, и затем большой концерт с участием выпускников и преподавателей. После концерта Слава решает прогуляться к Красной площади, подходит к Мавзолею, направляется в Александровский сад, где стоит возле Вечного огня на могиле Неизвестного солдата, и затем по улице Куйбышева, проезду Серова мимо Политехнического музея и памятника Дзержинскому возвращается домой. Во время всей прогулки им владеет торжественно-грустное настроение, вызванное расставанием с консерваторией. Он испытывает двойное чувство: с одной стороны гордость, что окончил одно из самых престижных высших музыкальных заведений мира, с другой стороны – сожаление, что из-за досрочного окончания воспользовался учебой в ней не в полной мере. Насколько оправданно было его желание уйти из консерватории ради писательского пера? Не сыграли ли в этом роль излишняя самоуверенность и юношеский максимализм? Вполне может быть! Так или иначе, но с музыкой, как профессией, он не намерен прощаться. Пусть из него не вышел приличный гобоист, но, может, ему больше повезет как редактору музыкальных программ радио, пусть пока и в отделе писем? Иль, может, правы Петров и Чалышев, и он лучше всего проявит себя в педагогической деятельности? Что касается пєра... Нет, оно от него ни-

куда не уйдет. Литературное творчество останется для юноши в качестве хобби, любимого увлечения. А получится ли из него писатель или нет – покажет время...

Между тем, усталость после последней экзаменационной сессии дает о себе знать, и Слава летом позволяет себе немного отдохнуть, расслабиться, возобновить культпоходы, загородные поездки и больше времени уделять родным и письмам к ним. Он продолжает получать продуктовые посылки и деньги из Кубы от мамы и, читая ее письма, видит, как она все больше заботится и думает о нем. В благодарность за ее внимание он пишет ей в ответ более теплые письма, чувствуя, что начинает скучать без нее. В одном из писем мама предлагает сыну поехать на Кавказ, покупаться на море в Дербенте, поесть фрукты в Кубе и затем вернуться вместе с нею к первому сентября в Москву. Сначала Слава загорается этой идеей, но потом, сознавая, сколько дел ему предстоит сделать летом, отказывается от нее. Зато теперь он чаще встречается со своим двоюродным братом Иосифом, с которым едет в Пансионат на Клязьменском водохранилище, где они вместе катаются на велосипеде и лодке. Правда, эта поездка омрачается тем, что они забывают в поезде сумку с вещами, причем новыми, и Слава тяжело переживает эту потерю. Но другие поездки с Иосифом – на пляж в Рублево и на ВДНХ - оказываются более удачными. Во время прогулки по Ботаническому саду они останавливаются возле пруда, по которому плавают царственные белые лебеди – такие же, которыми Слава любуется в своем рассказе «Сон». После переезда детского дома на дачу в поселок Заветы Ильича юноша несколько раз приезжает к брату за город, где сам когда-то отдыхал воспитанником в школьные годы. Здесь он к своему удивлению видит бывшего бухгалтера строгую Зинаиду Павловну в роли воспитательницы, купается с Иосифом на речке Серебрянка и собирает в лесу грибы.

Неожиданно Слава получает от тети Раи из Дербента перевод на 10 рублей с очень теплым письмом и благодарит ее внимание в ответном письме. В середине июня юноша едет к дяде Захару, который поздравляет его с окончанием консерватории, дает на лето 50 рублей и просит проводить его до поезда, которым он отправляется на отдых в Сочи. Некоторое время у Славы гостит его старший двоюродный брат Коля, которому он показывает написанную им на четырех листах автобиографию для редакции музыкальных программ радио. Коля советует сократить ее вдвое: зачем им знать больше того, что положено знать? Они вместе посещают московский зоопарк, и в конце июня Коля уезжает на Кавказ.

Но Слава не чувствует себя особенно одиноким. Несмотря на разрыв с Олегом, у него сохранились дружеские отношения с четой Стелиных, «религиозной» Наташей и Женей. Хотя они встречаются не часто, юноша регулярно им звонит и пишет, сообщая свои новости. Чаще других юноша бывает на Карамышевской набережной у Жени, который также увлекся литературным сочинительством. Они читают друг другу свои произведения и больше критикуют их, чем хвалят. Он теперь работает в «Экспорт-фильме» и записался на подготовительные курсы журналистского факультета университета. Хотя Славе с Женей интересно, он ощущает, что они во многом разные, и юноше не очень нравится его самоуверенность и душевная неотесанность.

Другое дело Наташа Гладкова. Славу к тянет к ней все сильнее и сильней. Какая это милая, умная, начитанная и то же время странная со своей верой в Бога девушка! Между нею и юношей возникает духовная близость, которая граничит с нежной влюбленностью. Неужели Наташа станет его Музой, судьбой, спутницей жизни? Он трижды посещает ее летом и чувствует, что все больше попадает под власть ее красоты, ума и обаяния. Она к нему также не равнодушна и ждет от него

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Как раз я хотел у тебя спросить, - оживляется юноша, - что ты думаешь о новом варианте «Сна» и повести «Великий человек»?

- Я должна сказать, что наша критика пошла тебе на пользу. Ты хорошо поработал над «Сном», учел мои и Наташины замечания и теперь он выглядит намного лучше. И, главное, почти исчез дух высокомерия. Ты осознал, что у творца-писателя должны быть иные стимулы, чем просто стремление к известности. Что касается «Великого человека», то у тебя получилась прелестная повесть о детстве. Но она все-таки страдает многословием и нуждается в сокращении. А каковы твои планы на ближайшее будущее?

- Я решил на время сделать перерыв в творчестве, - говорит ободренный похвалой девушки Слава, - сейчас я занят поиском работы и по-прежнему много читаю. Спасибо тебе за том рассказов Бунина. Я прочел их с огромным удовольствием. У него есть, чему поучиться начинающему писателю. А у тебя, Наташа, какие планы?

- Боюсь, что мы с тобой теперь не скоро увидимся, - говорит девушка, - так как я собираюсь месяц пожить в Загорске, а затем, вернувшись в Москву, еще на месяц уединиться и временно не видеться со своими знакомыми и друзьями.

- Желаю тебе хорошо провести время в Загорске, - говорит удрученный услышанным Слава, - надеюсь, что через два месяца мы с тобой встретимся опять.

- Я тоже очень надеюсь. Желаю тебе удачи в поиске работы, в творчестве и во всех твоих делах!

После прощания с Наташей опечаленный юноша еще долго думает о своей последней встрече с ней. Похоже, счастье пролетело мимо. Да, он любил Наташу такой, какой она была благодаря вере в Бога, и по той же причине не был готов соединить с нею свою судьбу! В этом был весь парадокс их отношений...

Теперь Слава мечтает скорее встретиться с Наташей и Борей Стелиными, которые на полтора месяца уезжали в Одессу и в конце июля вернулись в Москву. Прошло больше трех месяцев, как Наташа подвергла его «Сон» беспощадной критике, из которой он сделал для себя выводы. Потом в мае юноша был снова у Стелиных, и на той встрече Наташа посоветовала ему как можно больше читать, познакомив со стихами нового для него поэта Вячеслава Иванова. Славе очень хочется узнать ее мнение о новых вариантах «Сна» и повести «Великий человек», которые передала ей Наташа Гладкова. Но только 10 августа Стелины находят время принять у себя Славу и, поздравив его с успешным окончанием Московской консерватории, прежде всего интересуются, как обстоят его дела в отношении работы и Литинститута, чем он занимается и что читает. Внимательно выслушав его довольно подробный рассказ, Наташа переходит к разбору его литературных сочинений:

- Твой новый вариант «Сна» мне понравился больше, чем первый. Ты правильно воспринял мою критику и число недостатков в твоем рассказе стало меньше. Правда, он еще не совсем избавился от духа высокомерия, и в этом плане тебе еще предстоит поработать, как и в отношении шлифовки языка. Видно, что тебе еще не хватает писательского опыта, который приходит с годами. А вот «Великий человек» я нашла более удачным сочинением. Чувствуется, что оно во многом автобиографично и что ты вложил в маленького Андрюшу те же мысли и чувства, которые сам испытал когда-то в детстве. Оба твоих произведения показывают, что у тебя есть способности к литературе, но их надо развивать и развивать. А вот с Литинститутом придется подождать. Туда требуется очень серьезная подготовка. Теперь тебе предстоит решить более важную задачу – устроиться на работу в Москве. Будем надеяться, что тебя возьмут в редакцию музыкальных программ радио. Это весьма престижная работа и, главное, по специальности.

А литературой ты сможешь заниматься в свободное от работы время.

- Я полностью согласен с тем, что говорит Наташа, - добавляет от себя Боря, - главное сейчас – это работа.

- Я хочу вернуть вам книгу рассказов Куприна, которые я прочитал с большим интересом, - говорит Слава, протягивая Наташе книгу.

- А что ты скажешь о «Гранатовом браслете»? – спрашивает Наташа, принимая книгу.

- Это удивительная повесть! Мне кажется, что никто не писал о любви так сильно, как Куприн!

- Я согласна с тобой. А теперь, скажи, Слава, кто изображен на этой фотографии? - спрашивает Наташа, показывая фото незнакомого ему человека. Ты знаешь его?

Юноша внимательно всматривается в фотографию и признается, что видит лицо этого человека впервые.

- Так это писатель Солженицын. Разве ты не слышал о нем?

- Нет, не слышал, - признается Слава, испытывая огромную неловкость.

- Это известный писатель-диссидент,- вступает в разговор Боря, - автор рассказов «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», повестей «В Круге первом», «Раковый корпус». Он считается у нас запрещенным писателем и вынужден сейчас скрываться на даче у виолончелиста Ростроповича.

- Кстати, - добавляет от себя Наташа, - если два его первых рассказа напечатали в «Новом мире», то две его повести были изданы за рубежом. КГБ сейчас преследует всех, кто хранит и читает его книги. Так что, будь осторожен. Тебе мы, конечно, доверяем, но больше никому ни слова!

- У нас есть ксерокопия его первого рассказа «Один день Ивана Денисовича»,- говорит Боря, - мы можем дать тебе его почитать, но с условием обязательного возврата. Такого ве-

ликого современного писателя, как Солженицын, ты должен знать.

Получив из рук Бори рассказ Солженицына, Слава горячо благодарит Стелиных за прием и доверие и только в первом часу ночи возвращается домой, поражаясь тому, как он мог не знать имя писателя Солженицына прежде. Разумеется, утром следующего дня юноша «набрасывается» на рассказ «Один день Ивана Денисовича», сразу проглатывая его целиком и удивляясь новизне сюжета (жизнь заключенного в лагере) и языка.

Летом 1969 года, после сдачи госэкзаменов Слава имеет больше времени для чтения и особенно много читает русских писателей и поэтов, прежде всего лирику Пушкина, Лермонтова, Боратынского и Блока, причем заучивает их стихи и отрывки» из «Евгения Онегина» наизусть, выписывая их в специальную записную книжку. Благодаря своим друзьям, юноша с удовольствием читает новых для него Бунина, Алексея Толстого («Петр Первый»)», Генриха Манна («Доктор Фаустус») и продолжает открывать для себя Достоевского, восхищаясь романами «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», рассказами «Кроткая» и «Сон смешного человека». Но особенно ему близок Бунин с его рассказами о русской деревне и очерками о путешествии по странам Ближнего Востока под общим названием «Тень птицы». Из зарубежных авторов он продолжает знакомиться с древнегреческой трагедией, читая «Орестею» Эсхила, «Царя Эдипа» Софокла, «Ипполита» Еврипида, «Третейский суд» Менандра, а также знакомится с поэзией персидского поэта Саади (сборник «Бустан»), чье имя упоминается Пушкиным в конце «Евгения Онегина».

Наряду со чтением Слава уделяет много внимания слушанию музыки, - как новых пластинок, которыми постоянно пополняется его фонотека, так и старых. Его по-прежнему привлекают все жанры музыки – оперная, симфоническая,

оркестровая, вокально-хоровая, камерно-инструментальная, фортепианная. При этом он предпочитает слушать по нотам, которые после окончания консерватории берет в библиотеках имени Пушкина и Покровского, где имеются нотные отделы. Из прослушанных им новинок в области вокально-хорового жанра Слава особенно выделяет «Иоанна Дамаскина» Танеева, «Весну» и «Колокола» Рахманинова, «Здравицу» и «На страже мира» Прокофьева, «Патетическую ораторию» и «Поэму памяти Сергея Есенина» Свиридова, из которых выписывает слова в специально заведенную для этого тетрадь.

В середине июля Слава записывает в дневнике: «Я почти не вспоминаю о своем желании стать писателем, и не потому, что оно изменилось, а потому, что мне сейчас не до писательского пера. Хочется чего-то другого, более важного. Я ищу это главное и не нахожу его. Моя нынешняя жизнь сейчас имеет две цели: хорошо отдохнуть и продолжать познавать мир. На данном этапе своего развития я считаю, что для литературного творчества я еще не достаточно подготовлен, что я должен набираться всевозможных знаний и постигать окружающий мир через искусство и литературу. Для меня начинается новый период – период освоения духовного богатства всего человечества. Только познав его духовное наследие, я смогу идти дальше к намеченной цели».

Обнаружив в себе туристическую жилку, Слава летом знакомится с новыми для него музеями и посещает работающие тогда в Москве выставки. Это знаменитая на весь мир усадьба Шереметевых Кусково с чудесным парком и музеем керамики и превосходный дворцовый комплекс Коломенское, где жили русские цари. Юноша с интересом смотрит выставки древнерусского искусства, художника Дейнеки и Польской народной республики на ВДНХ.

В театре и на концертах в летние месяцы Слава почти не бывает. Исключение – дипломный спектакль выпускников

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Прослушав рассказ юноши, как он устраивался на работу в редакцию музыкальных программ радиовещания и теперь ждет приема у главного редактора Главной редакции радио Чаплыгина, Ольга Дмитриевна решительным тоном говорит:

- Я считаю, что не надо ждать, а надо действовать! Под лежащий камень вода не течет. Надо постоянно звонить, напоминать о себе!

- Вы правы, Ольга Дмитриевна. Я сегодня обязательно позвоню.

Придя домой, Слава сразу звонит в редакцию музыкальных программ радио и спрашивает Сельженского.

- Сельженский сейчас болен, - отвечает в трубку женский голос, - и не известно, когда будет. Я Елена Яковлевна, его заместитель. С кем я говорю и чем могу быть полезна?

Слава представляется и, запинаясь от волнения, говорит, по какому вопросу звонит.

- Да, да, Константин Константинович мне о вас рассказывал. Из-за его болезни ваш прием у Чаплыгина откладывается. Позвоните мне через неделю. Может, к тому времени что-нибудь прояснится.

Проходит неделя и юноша звонит в редакцию. Елена Яковлевна сообщает ему, что Сельженский находится в больнице, и просит его приехать в редакцию довезти документы и еще раз обсудить вопрос о приеме на работу. На следующий день юноша приезжает во Всесоюзный дом радиовещания.

- К сожалению, - говорит она Славе, - свободных вакансий на место редактора симфонических программ у нас уже нет. Но требуется редактор в отдел эстрадных программ. Вы хотели бы там работать?

- Да, хотел бы, - отвечает юноша, желая как можно скорее решить вопрос о работе.

- Тогда мы попросим сюда подойти Валентина Судовых, который работает в этом отделе, говорит Елена Яковлевна, беря телефонную трубку.

Вскоре появляется Валя и Елена Яковлевна обращается к нему с вопросом:

- Вы готовы взять этого молодого человека в свой отдел? Он только что закончил Московскую консерваторию и еще не всё умеет.

- Почему бы и не взять? – отвечает Валя, - мы с ним знакомы. А если он что-то не умеет, мы научим.

- Хорошо, - ставит точку над «и» Елена Яковлевна, смотря на юношу, - через неделю мы вам позвоним и сообщим, в какой день вас примет наш главный редактор.

Наконец, 10 августа состоялся долгожданный прием Славы Чаплыгиным. В комнате ответственного секретаря редакции Славу, не помнящего себя от страха, встречает Царский, который вводит его в кабинет главного редактора. Прием длится всего пять минут. Сидя за огромным столом, заваленным бумагами, Николай Петрович просматривает документы и задает юноше традиционные в таком случае наводящие вопросы.

- Документы у вас в порядке, - говорит начальственным тоном Чаплыгин, - но опыта работы редактора музыкальных программ у вас нет. Мы должны еще подумать. Вам позвонит ответственный секретарь Царский и сообщит о нашем решении.

Не дождавшись звонка от Царского, Слава сам звонит ему и с ужасом узнает, что его на работу в редакцию эстрадных программ не взяли. Такого удара он не ожидал! Почему же его не приняли? Может быть, Чаплыгину не понравилась его не совсем русская физиономия? Между тем, наступил сентябрь, а юноша продолжает оставаться в подвешенном состоянии между небом и землей. Однажды, проходя мимо почты недалеко от дома, он видит объявление и о том, что там требуются

почтальоны. «А почему бы мне какое-то время не поработать почтальоном?», - мелькнуло в голове юноши, - все-таки, это лучше, чем ничего». Он сообщает о своем намерении в отделе кадров, и Ольга Дмитриевна высказывается решительно против:

- Еще не хватало, чтобы выпускник нашей консерватории работал почтальоном. Не для этого ты учился у нас четыре года! Раз у тебя не получилось с работой в редакции музыкальных программ, мы поможем тебе в поиске другой более приличной работы, например, в качестве инспектора в Министерстве культуры или директора музыкальной школы. Я дам тебе номера телефонов начальника управления кадров Министерства культуры Российской федерации Премилова и его заместителя Рюмина. Они меня знают и, возможно, тебе помогут.

«Неужели это реально?» - сомневаясь, думает про себя Слава. И, действительно, его визит к этим чиновникам оказывается напрасным. Для должности инспектора или директора требовался стаж руководящей работы, которого у юноши, естественно, не было. Тогда Ольга Дмитриевна направляет Славу к заместителю начальника управления кадров министерства культуры СССР Здобнову, но два визита к нему также ничего не дают. В середине сентября заболевает Ольга Дмитриевна, и тогда к поиску работы для юноши активно подключаются работницы отдела кадров консерватории Евгения Ефимовна и Нина Ивановна. Они советуют Славе пойти на прием к председателю профкома работников культуры Глебовской, которая, в свою очередь, направляет его в профком Большого театра.

- Там как раз нужен человек для профсоюзной работы, - комментирует она свое решение.

У юноши появляется шанс на работу не где-нибудь, а в самом Большом театре! Об этом он и мечтать не мог! Но радость

его была преждевременна. Он встречается с заместителем председателя профкома полноватым Гулелевым, который подтверждает, что им нужен человек – казначей для сбора профсоюзных взносов.

- Только учтите, - предупреждает он, - у нас народ очень капризный. Одни народные и заслуженные артисты. Если что не так, разорвут на части! Кстати, есть ли у вас опыт профсоюзной работы?

- Да, - уверенно отвечает Слава, - я был профоргом своей группы в музыкальном училище и в консерватории.

- Это хорошо, но для нас недостаточно, - строго говорит Гулелев, - опыта профсоюзной работы у вас маловато. Я должен согласовать вашу кандидатуру с председателем нашего профкома Киселевым – народным артистом России – и только после этого смогу дать вам ответ. Позвоните мне через несколько дней.

Как долго тянутся эти дни! Наконец, юноша с заветным вопросом звонит в профком Большого театра.

- К сожалению, ничем не могу вас порадовать, - отвечает Гулелев, - Киселев не одобряет вашу кандидатуру. Нам требуется человек с большим опытом профсоюзной работы, чем у вас. Извините. До свидания.

Славе приходится перенести еще один удар. Обе работницы отдела кадров, узнав об этом, выражают ему сочувствие и теперь направляют его в областное управление культуры к Гущиной, ведающей дворцами и домами культуры Московской области. Гущина любезно принимает его и предлагает попытать счастья в Доме областной самодеятельности и народного творчества. Директор Дома Лукьянченко, узнав, что юноша окончил консерваторию по классу гобоя, говорит ему:

- С вашим высшим консерваторским образованием у нас вам нечего делать. Но я могу дать вам дельный совет: поез-

жайте в Коломенское музыкальное училище, где, насколько я знаю, требуются преподаватели как раз по вашему профилю.

Съездив к дяде Захару, который дает ему 30 рублей, Слава 1 октября записывает в дневнике: «Чувствую себя совершенно расстроенным, убитым человеком, которому всё равно, что делается вокруг. Причина этого – та же неопределенность моего положения. Без работы я ощущаю себя оторванным от людей, общества, жизни, чувствую себя лишним и заброшенным человеком, до которого, в сущности, почти никому нет дела. Это вынужденное бездействие, отсутствие возможности попробовать себя в каком-либо деле особенно тяготит, мучает меня. А если прибавить к этому вынужденную необходимость продолжать жить на иждивении дяди, тогда, как я мог бы зарабатывать на жизнь собственным трудом, мое положение представляется мне еще более грустным и бедственным. Неужели я родился под несчастливою звездой? Иногда приходят всякие глупые мысли, например, о самоубийстве, и я даже пытаюсь представить, как отнесутся к моей смерти родные, знакомые, друзья... Сейчас я похож на положение нищего, стоящего с протянутой рукой в ожидании, что кто-нибудь даст мне милостыню. От меня ничто не зависит. Я целиком во власти людей, которые могут дать, но могут и не дать».

Найдя совет Лукьянченко разумным, Слава хватается за него как за спасительную соломинку и, получив «добро» в отделе кадров, 2 октября едет поездом в Коломну. Там он быстро находит училище, официально называемое 1-ым областным музыкальным училищем, и знакомится с его директором Садовниковым, который радушно принимает его.

- Да, нам действительно нужен педагог по классу гобоя, - говорит он, пригласив юношу в свой кабинет, - проблема только в том, что у нас только два - три студента-гобоиста, и в вашу нагрузку придется еще включить часы по педпрактике, методике и иллюстраторские.

- А что значит иллюстраторские? – спрашивает Слава.

- Это игра в студенческих оркестрах - симфоническом и духовом.

- Но у меня нет своего инструмента!

- Это не проблема. Мы вам выдадим училищный. У нас имеются гобои. Все вопросы, связанные с нагрузкой, вы должны обсудить с нашим заведующим духовым отделом Дунаевым. Но сегодня его нет в училище. Он будет через неделю. Приезжайте к нам 10 октября и тогда с ним решите все проблемы.

Сев в поезд, Слава, довольный своей поездкой в Коломну, радуется, что появилась надежда на работу в музыкальном училище. Единственное, что его смущает, - это то, что ему вновь придется взять в руки гобой. А он-то думал, что уже никогда не будет дуть в него! Значит, ему опять придется иметь дело с тростями, от которых зависит его игра! И зачем он в детстве попал в класс гобоя, а не флейты, скрипки или фортепиано? Как жаль, что он стал гобоистом!

А 3 октября Славе неожиданно из Дома Всесоюзного радиовещания звонит ответственный секретарь Царский, который сообщает, что в отделе писем появилось вакантное место и просит его срочно явиться к нему на прием. Юноша, отбросив все дела, тут же едет на радио, где Царский знакомит его с начальником отдела писем Борисом Павловичем Кацем. Борис Павлович объясняет Славе, что работа в его отделе состоит в разборе и сортировке писем, приходящих в Дом радиовещания, и зачем-то подробно расспрашивает его об отце и состоянии здоровья. В принципе, он не против взять юношу в свой отдел, но обещает дать окончательный ответ несколько позже. Слава задумывается. Конечно, работа в отделе писем это не то, что работа редактора в отделе музыкальных программ, и юноша решает посоветоваться с Валей Судовых.

- Без всяких колебаний соглашайся! - горячо убеждает Славу Валя, - главное для тебя – это, попасть в отдел писем и тем

самым зацепиться за работу на радио. Потом, при наличии вакантных мест, тебе будет легче перейти в редакцию музыкальных программ! А я поговорю с Борисом Павловичем.

Итак, перед юношей забрезжила возможность устроиться по выбору на одну из двух работ: в Коломенское училище или в отдел писем на радио. В отделе кадров были резко против работы с письмами, считая ее чисто канцелярской и далекой от специальности Славы, тогда, как Петров, к которому он зашел за советом, наоборот, был за отдел писем, полагая, что в училище юноша много не заработает. Но выходит всё по-другому, так как к процессу поиска работы на последнем этапе подключается педагог Нина Никитишна Мусинян, принимающая близкое участие в судьбе своего ученика. Нина Никитишна через своих знакомых узнает, что в детской музыкальной школы №3 требуется преподаватель по гобою и посылает туда Славу, чтобы прозондировать почву. Юноша тут же едет в школу, расположенную на улице Чехова, и встречается там с молодой преподавательницей по флейте Вандой Соколовской, знакомой ему еще по учебе в музыкальном училище при консерватории. Ванда, от которой исходил сигнал о работе, знакомит Славу с директором школы Пляцковым. Ян Михайлович, на которого юноша, кажется, производит благоприятное впечатление, обещает подумать и предлагает ему приехать в школу через неделю, предварительно позвонив.

6 октября, в день рождения Славы, Нина Никитишна приглашает его к себе домой, сообщив, что ее муж - известный виолончелист Даниил Шафран хочет вручить ему подарок. Юноша, естественно, сильно волнуется: неужели он увидится лицом к лицу со всемирно знаменитым музыкантом? Как он к нему отнесется? Как будет говорить? Но его страх оказывается напрасным. Поднявшись на девятый этаж «композиторского» дома на улице Неждановой, он нажимает на звонок и дверь ему открывает сам Даниил Борисович, который вместе с Ни-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

Спустя несколько дней Славе звонит сам Даниил Борисович и говорит, что у него был телефонный разговор с Верой Леонидовной, сообщившей ему, что в отдел писем на вакантное место уже взяли человека.

- Но ты все же позвони Борису Павловичу для смеха. Интересно, что он тебе скажет. Я же думаю, что тебе следует, не откладывая, ехать в Коломну и устраиваться на работу в музыкальное училище.

- А как быть с музыкальной школой? - спрашивает Слава.

- Там пока полная неизвестность. Лучше синица в руках, чем журавель в небе.

Как посоветовал Шафран, Слава звонит на радио Борису Павловичу, и тот отвечает, что вопрос о его приеме на работу в отдел писем еще рассматривается и просит позвонить через два-три дня. Даниил Борисович оказался прав: Кац безбожно врал, и юноша понял, что его надежды на радио рухнули окончательно. Еще один жизненный удар! Совершенно расстроенный, Слава 10 октября снова едет в Коломну и напрасно: директор музыкального училища Садовников, извиняясь, сообщает ему, что зав.духовым отделом Дунаев отсутствует и вряд ли будет.

- Очень сожалею. Так получилось. Его срочно вызвали в Москву на совещание в областном управлении культуры. Вам надо было позвонить нам прежде, чем ехать в Коломну. Вот что, приезжайте в училище 14 октября прямо с утра. В этот день у нас педсовет и Дунаев обязательно будет. Еще раз извиняюсь!

Славе ничего не остается, как не солоно хлебавши, вернуться в Москву. Грустный, он звонит Нине Никитишне, прося ее совета.

- Мы решили с Даниилом Борисовичем пригласить тебя к нам завтра на обед к двум часам, и тогда поговорим основа-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- И что ты нам принес из написанного тобой? – интересуется Даниил Борисович.

- Два последних, очень важных для меня рассказа – «Сон» и «Просветление». Они оба автобиографичны и передают мое нынешнее внутреннее состояние.

- Мы обязательно прочитаем и выскажем о них свое мнение. А что ты в основном читаешь?

- Меня интересует и русская, и зарубежная литература, поэзия, проза и драматургия.

- Это хорошо, что ты читаешь зарубежную литературу, - говорит Шафран, - мы с Ниной Никитишной предпочитаем читать современных зарубежных писателей и даже выписываем журнал «Иностранная литература». Советуем и тебе читать их больше. А кого ты особенно любишь из композиторов? – переводит Даниил Борисович разговор на другую тему.

- Я очень люблю музыку Баха, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова, Шостаковича, Прокофьева и собрал довольно большую коллекцию пластинок. У меня, например, есть пластинка с записью симфонии-концерта для виолончели с оркестром Прокофьева в исполнении Ростроповича. Что вы о нем думаете, Даниил Борисович? – спрашивает Слава, не подозревая, что наступает на самую больную мозоль Шафрана.

- Что я о нем думаю? Безусловно, это крупный виолончелист нашего времени, но мне не нравится, как он пробивается наверх, расталкивая локтями всех, кто стоит на его пути. Так не поступают порядочные люди! Кстати, я могу пополнить твою фонотеку своей недавно выпущенной пластинкой с записью ре мажорного виолончельного концерта Гайдна. После обеда ты получишь её.

Посмотрев с гостеприимными хозяевами по телевизору старт космического корабля «Союз-6» с космонавтами Шониным и Кубасовым на борту, Слава тепло прощается с ними,

обещая, что в ближайшие дни поедет в Коломну. 14 октября, как договорился с директором Садовниковым, он прибывает в музыкальное училище, где, наконец, встречается с Дунаевым. В этом не очень молодом, живом, на вид беспечном человеке трудно было предполагать заведующего духовым отделением. В беседе со Славой он сразу предупреждает, что его не могут сейчас взять в училище на постоянную работу, а только по совместительству.

- Уже полтора месяца, как начался учебный год, - аргументирует Дунаев свое решение, - и теперь невозможно дать вам полную нагрузку на целую ставку. Мы вам передадим от педагога по кларнету трех студентов-гобоистов, с которыми вы сможете заниматься двойные часы раз в неделю. Это всё, что у нас для вас есть.

- Странно, - не скрывает своего удивления Слава,- ведь директор мне обещал, что к моим часам по специальности будут добавлены часы по педпрактике, методике и иллюстраторству.

- Да, мы так полагали вначале. Но сейчас свободных часов у нас нет, так как мы должны были обеспечить нагрузкой в первую очередь наших постоянных работников. Впрочем... возможно, иллюстраторские часы мы для вас найдем. Позвоните мне через несколько дней, чтобы не приезжать вам в училище вхолостую.

В мрачном и подавленном состоянии Слава едет поездом в Москву. Похоже, что и с работой в училище у него ничего не получится. Почему ему так не везет в жизни? Приехав домой, он тут же звонит Нине Никитишне и рассказывает о своей неудачной поездке в Коломну.

- Не надо расстраиваться, - успокаивает Мусинян юношу, - у меня для тебя есть приятное известие. Сегодня мне позвонила Ванда Соколовская и просила передать , что директор 3-ей музыкальной школы Ян Михайлович Пляцков готов взять тебя на временную работу в качестве заместителя директора по

учебной части вместо ушедшего в отпуск завуча. Срочно поезжай завтра в школу и, если это так, сразу давай свое согласие, пока это место не заняли другие!

Воспрянув духом, Слава на следующий день утром, волнуясь в ожидании встречи с директором, направляется троллейбусом в музыкальную школу, где в своем кабинете его принимает сам Пляцков – полноватый, седовласый человек с непроницаемым, не выражающим чувств лицом.

- Хорошо, что вы сейчас приехали, - говорит Ян Михайлович, – у нас для вас неожиданно нашлась работа в должности зам. директора по учебной работе. В Главном управлении культуры мне не разрешили открыть класс гобоя спустя месяц после начала учебного года, а тут как раз ушла в декретный отпуск наш завуч Маринюк. И я подумал, что вы вполне могли бы заменить её на время – как минимум на четыре месяца, а если она захочет взять дополнительный отпуск, то и на больший срок. Согласны ли вы поработать у нас временно в качестве завуча?

- Да, согласен, - выпаливает Слава, не веря собственным ушам.

- Это разумный ответ, - в глазах Яна Михайловича промелькнул огонек удовлетворения, - а класс гобоя мы, надеюсь, откроем в следующем году. Если же Маринюк захочет вернуться через четыре месяца, не волнуйтесь, - без работы вы не останетесь. Если покажете себя в нашей школе с хорошей стороны, я буду рекомендовать вас в нашем управлении на получение той же должности в другой музыкальной школе уже на постоянной основе. Пусть наша школа станет для вас трамплином для дальнейшего продвижения по службе. Ясно?

- Ясно, - произносит Слава, не слыша себя и думая, не происходит ли все это с ним во сне?

- Теперь я напишу вам список документов, которые вы должны принести, и перечень ваших обязанностей как завуча, -

продолжает Ян Михайлович, - а вы напишете сейчас заявление на имя начальника Главного управления культуры г.Москвы с просьбой о принятии на временную работу в должности заместителя директора по учебной работе ДМШ № 3 г.Москвы и заполните анкету. С этого дня вы считаетесь принятым на работу. Сегодня вы можете уйти пораньше, а с завтрашнего дня у вас будет полный рабочий день с 12 до 8 часов с 30-минутным перерывом на обед. Имейте в виду, что наша музыкальная школа считается одной из лучших и образцовых в Москве, и ваша первая обязанность состоит в том, чтобы поддерживать ее высокую «марку» Сразу предупреждаю, что первое время вам будет трудно, будете «плавать», но потом постепенно освоитесь в новой для вас обстановке. Если что неясно или возникнет проблема, можете в любое время обращаться ко мне с вопросом. Кстати, сейчас есть вопросы?

- Пока нет. Нет, есть, - спохватывается Слава, - сколько я буду получать, как завуч?

- Вопрос не лишний. Зарплата завуча составляет 110 рублей в месяц, включая налоги.

- И еще. В каком классе работает Ванда Соколовская?

- Точно не помню. Где-то на 3-ем этаже. По звуку флейты определите. Желаю вам успеха в новой должности!

Выполнив формальности, связанные с зачислением на работу, юноша поднимается на 3-ий этаж и, зайдя в класс Ванды, благодарит ее за содействие в устройстве на работу.

-Не за что, - улыбаясь, отвечает Ванда, - я просто хотела помочь тебе и рада, что всё получилось. Желаю, чтобы и дальше у тебя было всё хорошо!

Посидев до трех часов в кабинете завуча за просмотром планов, расписаний, журналов и других бумаг, Слава прощается с Яном Михайловичем и едет в консерваторию, где он договорился о встрече с Мусинян. Но Нина Никитишна ушла, не дождавшись его, и тогда, вне себя от радости, он звонит из

автомата ей домой, сообщая о том, что в музыкальной школе его приняли на работу.

- Мы с Даниилом Борисовичем, - говорит она в трубку, - горячо поздравляем тебя и приглашаем к себе. Хотим вручить тебе небольшую денежку и заодно поговорить о твоей работе.

Зайдя в деканат и отдел кадров, где Слава делится радостной новостью, он затем с ликующей душой мчится по улице Неждановой к «композиторскому» дому. Кончилось его «хождение по мукам», позади четыре месяца страданий, неизвестности и неопределенности. У него, наконец, есть работа и твердая почва под ногами! Он может теперь вздохнуть свободно, полной грудью и почувствовать себя счастливым человеком!

Этот чудесный вечер, проведенный в гостях у Шафрана и Мусинян, Слава запомнит на всю жизнь. Предложив юноше чай с бутербродами, они просят его подробно рассказать о встрече с директором 3-ей музыкальной школы Пляцковым и зачислении на работу в качестве завуча.

- Сегодня в твоей жизни, - говорит Даниил Борисович, - произошло очень важное событие, и мы радуемся ему вместе с тобой. С получением работы у тебя начинается новый, взрослый период жизни, когда ты не только станешь зарабатывать своим трудом деньги, но и обретешь свое место в этом мире. Пока тебе придется заниматься административной работой, но со временем ты начнешь преподавать гобой и, кто знает, может, именно в педагогике ты лучше всего проявишь свои силы и способности. Ян Михайлович прав: работа завучем в его школе может стать для тебя удобным трамплином для всей твоей дальнейшей преподавательской деятельности, и мы желаем тебе успехов на этом нелегком пути.

- Я присоединяюсь к пожеланиям Даниила Борисовича, - вступает в разговор Нина Никитишна, - конечно, мы очень рады, Слава, что так хорошо всё закончилось. Обязательно на-

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

из-за разного отношения к религии нам не суждено жить вместе.

- Я только рада этому, - комментирует рассказ Славы Нина Никитишна, - зачем тебе эта девушка, которая уведет тебя за собой в трясину религии? Этого только тебе не хватало!

- Я, пожалуй, думаю также, - вставляет свою реплику Даниил Борисович, - мы с Ниной Никитишной в душе атеисты и весьма далеки от религии. Так сказать, Богу – Богово, а Кесарю – Кесарево. Надеюсь, что тебе еще встретится достойная девушка!

- И ты обязательно пригласишь нас на свадьбу! - улыбаясь, добавляет Нина Никитишна.

Еще час хозяева и гость ведут беседу о музыке, литературе, искусстве, обязанностях завуча в музыкальной школе, пока Даниил Борисович, встав, не произносит, что у него скоро репетиция с пианистом и пора прощаться.

- 1 ноября, - обращается он к Славе, - у меня сольный концерт в Малом зале консерватории. Я буду играть с Гинзбургом виолончельные сочинения Баха, Франка, Дебюсси и Прокофьева. Приглашаю тебя на этот концерт. Вот тебе пригласительный билет.

Юноша благодарит Даниила Борисовича за приглашение на концерт, обещая, что обязательно придет.

- У меня для тебя также что-то есть, - говорит уже в прихожей Нина Никитишна, протягивая Славе 10-рублевую купюру, - пусть это небольшие деньги, но они тебе наверняка пригодятся. Да, не забудь забрать тетрадки со своими сочинениями. Желаем тебе успехов и звони, не теряй с нами связь!

Слава еще раз благодарит уже дорогих для него на всю жизнь Даниила Борисовича и Нину Никитишну за их внимание, доброту, за всё, что они для него сделали. Он спешит домой, возбужденный и окрыленный неожиданной переменой, произошедшей в его жизни. Дома юноше ничего не хочется

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

попытками, не всегда успешными, выйти за пределы уготованного мне судьбой узкого жизненного круга, ограниченного исполнительством на гобое, и поискать себя в творческой деятельности. Да, я не стал крупным музыкантом, зато нашел свое призвание, как и предсказывали мои учителя, в педагогической работе.

Увы, уже многих нет в живых, кто упоминается в этой книге, - получился бы длинный список тех, кто ушел из жизни навсегда. Ушли мои учителя по специальности Георгий Михайлович Кичко в московской музыкальной школе имени Дунаевского, Мамед Мамедович Оруджев в музыкальном училище при консерватории и Анатолий Викторович Петров в Московской консерватории. Во мне нет никакой обиды на Оруджева, настоявшего на том, чтобы поставить мне за госэкзамен по специальности «четыре». Наоборот, я испытываю чувство вины перед Мамедом Мамедовичем и Анатолием Викторовичем, которым нанес чувствительные раны сначала своим решением поступать на композиторское отделение консерватории и затем желанием уйти из консерватории ради литературного творчества. Но я не забывал своих учителей, регулярно посещал их и глубоко благодарен Петрову, что он предложил мне вместо себя вести класс гобоя на Военно-дирижерском факультете при консерватории и был моим научным консультантом в процессе подготовки к защите кандидатской диссертации «Гобой в инструментальной музыке ХУШ века». Кстати, научным руководителем был Юрий Алексеевич Усов, предложивший мне написать статью об Анатолии Викторовиче Петрове для сборника «Портреты советских исполнителей на духовых инструментах».

Я также храню в душе сердечную благодарность за помощь и поддержку в трудное для меня время Нине Никитишне Мусинян и Даниилу Борисовичу Шафрану, которых, увы, также нет в живых. На память о дружбе с ними у меня остались пла-

стинки с записями великого виолончелиста. После окончания консерватории я некоторое время, навещая, бывал в доме преподавателя по английскому языку Марии Абрамовны Жак и секретаря деканата оркестрового факультета Ольги Федоровны, информируя их о поиске работы.

До сих пор здравствует мой педагог по композиции, ныне профессор Московской консерватории Анатолий Дмитриевич Быканов. Из преподавателей консерватории у меня сохранились дружеские отношения с профессором и доктором наук Еленой Геннадьевной Сорокиной и кандидатом наук Людмилой Дмитриевной Никитиной. Я неоднократно бывал на концертах замечательного фортепианного дуэта Сорокиной – Бахчиева и дорожу подаренными ими пластинками и дисками. Увы, Александр Георгиевич несколько лет назад после тяжелой болезни ушел из жизни. Из выпускников консерватории я до сих пор поддерживаю дружескую связь с гобоистами Шурой Поповым и Наташей Дыдычкиной. Наташа успешно работала в оркестре Музыкального театра имени Станиславского и Немировича –Данченко и в оркестре Новой Московской оперы, совмещая исполнительскую деятельность с преподавательской работой в 3-ей музыкальной школе – той самой, где начинал свой трудовой путь автор книги.

После окончания консерватории я уже не мог жить без литературного творчества и, не выпуская пера из рук, наряду с прозой обратился к поэзии и драматургии. Живя с 1991 года в Израиле, я выпустил ряд поэтических и прозаических книг, а также сборник пьес. У меня есть большое желание продолжить писать автобиографическую прозу. В ближайших моих планах - книга «Любовь моя – педагогика», написание которой есть лишь вопрос времени...

Сон, Просветление

СОН

Рассказ из цикла «Автобиографическая проза»

Не знаю, как это началось, но с некоторых пор прежний строй моей внутренней жизни оказался нарушен. Стало обычным, чтобы я выходил из дому в бодром, приподнятом настроении, а возвращался в противоположном - подавленном и мрачном. Чувствуя себя не в состоянии что-либо делать, мне тут же хотелось броситься на постель, чтобы лежа перенести тоску, съедавшую меня. Мысленно перебирая события этого дня, я старался найти причину перемены своего состояния, но не находил ничего особого, что могло бы так сильно расстроить меня. Как будто внешне моя жизнь текла ровно и спокойно, и любой человек, оказавшись на моем месте, был бы доволен ею. В самом деле, что мне еще недоставало? Я был сыт, одет, обут, учился в одном из лучших вузов страны. Со мной была мама, которая ухаживала за мной. Меня никто не обижал и не трогал ни дома, ни в консерватории, не беспокоили болезни - постоянные спутницы человеческой жизни. Каждый день вечером я садился за стол и иногда допоздна стремился выразить свои чувства и мысли на бумаге.

Однажды я вернулся домой в особо тяжелом состоянии, начиная догадываться о его причине: ею мог стать тайный разлад между мною и остальными людьми. Пронзенный тоскою, я лежал очень долго, не чувствуя в себе ни воли, ни сил подняться и работать. Вспомнив, какое благотворное воздействие на меня оказывал сон, я, выпив стакан чая и заведя будильник, разделся и, как мертвый, повалился спать.

Какое-то время меня окружал мрак, прорезываемый причудливыми видениями и образами, как вдруг всё прояснилось, и мне открылась чудная картина: будто я стою среди шумящего народа на берегу пруда, по водной глади которого царствен-

но плавали белые лебеди. Был прекрасный летний день, яркое солнце посылало с безоблачной синевы свои ласковые горячие лучи, заполняя всю местность золотистым радостным светом. Из рощи дул свежий ветерок, мягко шелестя листьями деревьев, окружавших пруд, и слегка колыша ровную водную поверхность пруда. Народу толпилось великое множество: дети и старики, молодые и пожилые - все вышли в эту прекрасную погоду полюбоваться на лебедей.

Я стоял чуть в стороне от всех, под тенью дерева на небольшом пригорке, с которого хорошо был виден пруд с плавающими по нему лебедями. Вид красивых птиц радовал и восхищал меня. Не отрывая от них своего восторженно-любовного взгляда, я с трепетным упоением наблюдал, как они, высоко и с достоинством держа гордую шею, невозмутимо бороздили зеркальную поверхность пруда. Какая-то особая, неведомая сила манила, притягивала меня к ним. Мне казалось, что я один понимаю их внутреннюю жизнь, не похожую на обычную, которой живут эти лебеди, и что между ними и мной существует тайная, духовная, нам одним понятная связь. Я рвался к лебедям всей душой, и тем мучительнее мне было сознавать, что я должен был находиться среди этого, кричащего вокруг меня, народа. Чувствуя себя на берегу лишним, случайно попавшим сюда человеком, я остро ощущал атмосферу отчуждения, непонимания между мной и другими людьми. Мне было тяжело оттого, что никто не знал и не подозревал о моих страданиях, что я вообще никому не был нужен со своими думами и чувствами.

Не в силах дольше оставаться на одном месте, я решил прогуляться вдоль берега в надежде, что, может, среди народа найду человека, способного понять меня и которому я мог бы во всем открыться. Сойдя с пригорка и смешавшись с толпой, я услышал вокруг себя голоса:

- Э-э, невидаль какая!

Вячеслав Давыдов (Барух) ◇◇◇

- Вы хотите стать лебедем? - разом воскликнули они. - В этом причина вашей грусти? Вы... серьезно?.. Разве возможно это?.. Здоровы ли вы?..

Я посмотрел на них так строго и серьезно, что один из них, не дожидаясь моего ответа, продолжил разговор:

- Конечно, ваше желание быть лебедем само по себе похвально и ничего дурного в себе не таит. Все мы стремимся стать лучше, чем есть... Но скажите, что вас тянет к лебедям? Вы хотите, чтобы на вас так же все смотрели? Разве это скромно? У вас нечистые желания!.. Не так ли?

- Не смейте так говорить! - в порыве буйного протеста воскликнул я. - Знайте, что мне не станет легче оттого, что на меня будут смотреть все. Нет, тут совсем другое!..

Сказав эти слова, я быстро отвернулся и закрыл руками лицо, чтобы эти люди не увидели вдруг выступившие на моих глазах слезы. Заметив, что я чем-то расстроен, один из них начал успокаивать меня:

- Не надо расстраиваться, молодой человек. Мы вас вполне понимаем. Но скажите, почему вас так тянут к себе лебеди, что вы хотите быть среди них?

- Потому что мне здесь, на берегу, тяжело, - промолвил я дрожащим от волнения голосом, который вдруг прорвался и чуть не перешел в крик. - Я здесь как чужой, лишний, никто меня не понимает и не поймет! Я сам не знаю, зачем я здесь, и как я здесь!.. Только среди лебедей я почувствую себя своим, потому что... потому что мне кажется, я живу той же жизнью, что и они!..

- А способны ли вы превратиться в лебедя? - с сомнением спросил после некоторого молчания один из этих людей, пытливо всматриваясь в мое лицо. - Знаете ли вы, что хотите? Здесь, молодой человек, одного желания мало. Надо еще что-то иметь за душой... Искорку Божью. Есть ли она у вас?

- А вы что, знаете меня? - не выдержав, вспылил я.

- Что же, попробуйте. Искренне желаем удачи!..

Сказав это, все трое, улыбаясь друг другу, отошли от меня. Я вновь остался один, окруженный галдящим и чуждым мне народом. И тут меня осенила блестящая мысль, которая яркой молнией вспыхнула в моей голове. Я теперь знал, что мне надо делать! Не помня себя от бешенства, я рванулся по направлению к пруду, окруженному со всех сторон решеткой. Народ, не понимая, что я хочу, посторонился, давая мне дорогу, и затих в ожидании. Одна из дам от испуга, чтобы я ее случайно не толкнул, быстро отскочила в сторону, громко вскрикнув:

- Да это сумасшедший!.. Берегитесь его!..

Двое дюжих парней с нагло улыбающимися физиономиями пытались на пути к воде ухватить меня за руки, но, собрав все свои силы, я с трудом вырвался от них, перескочил через решетку и бросился в воду.

- Я знаю его, - вдруг раздался позади меня чей-то пронзительный голос.

Но я уже плыл. Я стремительно плыл к середине пруда - туда, где величественно плавали прекрасные лебеди. Над прудом поднялся дикий рев толпы, в воду полетели арбузные корки, огрызки от яблок, мелкие камни. Когда я уже подплывал к лебедям, то почувствовал, как вдруг на месте рук у меня выросли крылья, и меня охватил небывалый прилив радости. И тут я услышал над головой страшный звон и... проснулся. Это вовсю звонил мой будильник. Очнувшись, я открыл глаза. Лебеди пропали. По стенам играли яркие полоски утреннего света. Вскочив с постели и позавтракав, я побежал на занятия. Только что виденный сон не выходил у меня из головы.

С этого дня мне всё стало ясно...

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Рассказ из цикла «Автобиографическая проза»

...Это случилось со мной в прошлый понедельник. Мне было 23 года. Я шел один дорогой через большое бескрайнее поле, направляясь туда, где меня ждало дело, связанное с выполнением моих обязанностей.

Стоял чудесный летний день. Яркое солнце с высоты синевы обливало землю золотистым светом, привносящим повсюду радость и трепет жизни. Вокруг меня торжественно ликовала природа, которая как бы призывала ликовать вместе с ней каждое существо, живущее на земле. Все дышало миром и счастьем, как бы говоря: как прекрасна жизнь!

Но я шел, не замечая разлитой вокруг красоты. Мне было грустно. Я был целиком погружен в одну думу, мучавшую меня. Мысль эта не давала мне покоя. Я не понимал, зачем я шел. Мне не хотелось идти туда, куда я направлялся, так как знал, что ничего, кроме неприятного, не ждало меня там. Но я шел, так как должен был идти, ибо в деле, по которому я направлялся, было необходимо мое участие. Занятый этой мыслью, я не видел, что совершалось вокруг. Ликующая природа не веселила меня, как будто не светило солнце и не дышала покоем и радостью земля.

Чем дальше я шел, тем мрачнее становилось мое внутреннее состояние. Мне было тяжело сознавать себя несвободным, зависимым человеком, ибо только чувство долга заставляло меня идти вперед против моей воли. Меня не покидало ощущение, будто надо мной стояла какая-то неведомая, грозная сила, которая вертела и распоряжалась мной, как хотела. Дело, по которому я шел, тяготило меня и не давало мне того полного удовлетворения, которое должен испытывать человек, когда занимается своим любимым делом. И мысль, что я могу

всю жизнь быть рабом того дела, особенно страшила меня. Это дело мешало свободному проявлению тех сил и возможностей, которые, я чувствовал, были заложены во мне для другого. И сознание того, что я был бессилен порвать эту зависимость, особенно мучило меня.

Эта дума стала вызывать во мне наплыв других черных мыслей, которые, сменяя друг друга, усиливали то подавленное настроение духа, в котором я находился. Их объединяло что-то одно, и это одно был общий страх перед жизнью, который я начал испытывать, когда почувствовал, что вместе с годами учебы кончается беззаботная пора моей юности, и я стою на пороге нового, взрослого, самостоятельного этапа своей жизни. До этого я жил светло-мечтательными представлениями о жизни, и, когда увидел, что она полна страданий и несчастий, то ужаснулся. Правда, я еще не знал их, но то, что мне предстояло их испытать, наполняло меня предчувствием чего-то страшного. Как я буду жить? Что меня ждет впереди? Меня пугала неизвестность будущего. Зная свою неприспособленность к жизни, свою неопытность и житейскую неустроенность, я со страхом смотрел вперед. Мне было жаль навсегда расставаться с молодостью, и странно было думать, что я со временем, как и все, буду взрослым человеком, а затем и стариком. Мне казалось, что вместе с уходом юности разрушится тот светло-поэтический идеал, который сложился у меня с детских лет в результате общения с интересными людьми и природой, знакомства с литературой и искусством. Сохраню ли я этот идеал? Смогу ли пронести эту веру в добро, в возможность счастья на земле до конца своей жизни?

Идя полем, я думал о физических и нравственных страданиях, которые сопровождают человеческую жизнь. Вечная и суровая борьба за существование, потеря близких и друзей, различные болезни, непростые отношения между людьми. Где тут радость? Зачем нам дается жизнь, если она не сулит ниче-

го, кроме горя, бед и страданий? Даже в любви я не ждал счастья и спасения. Я не раз в юности любил сильно и глубоко, но каждый раз моя любовь кончалась крушением всяких надежд, принося мне одни душевные муки.

Меня еще мучила мысль о собственном несовершенстве, как я еще плохо знал и понимал жизнь. А ведь совсем недавно я считал себя выше своих сверстников и смотрел на них с чувством превосходства. И тем больнее было сознавать, что я теперь себя нахожу далеко не таким, каким сам себе казался, и это сознание отдаляло меня от людей.

И вдруг меня поразила мысль, что я в этом мире совсем один. Ужас одиночества потряс меня. Я был человеком, первой потребностью которого было общение с людьми. Однако в силу объективных обстоятельств я был часто лишен этого общения. Да, у меня есть мама, которая любит меня и смотрит за мной, но между нами не было особой духовной близости. Да, у меня есть родственники, друзья, коллеги и просто знакомые, но среди них не было человека, с которым я мог бы поделиться самым сокровенным и в котором нашел бы понимание, сочувствие и поддержку. И мысль, что я могу прожить жизнь один, без подлинной любви, без настоящей дружбы обдавала меня ледяным ужасом.

Выход из замкнутого круга одиночества я видел в приобретении известности. Как и многие юноши, я мечтал о славе, о том времени, когда обо мне будут писать газеты, говорить по радио, показывать по телевизору. Эти мечты баюкали меня, тешили мое самолюбие, и тем тяжелей было отрезвление, понимание того, что этим мечтам никогда не дано осуществиться. Страшила сама возможность того, что после меня не останется какой-либо след на земле. Вместе с тем, я был равнодушен к карьере, ибо меня не волновала материальная сторона жизни, желание богатства. На первом плане для меня всегда стояли

духовные ценности, такие, как искусство, литература, философия и др.

Продолжая идти полем, я перешел от собственных проблем к общественным, общемировым вопросам. Больше всего меня волновало существование в мире Зла, причинявшего людям наибольшие страдания. Вечное противоборство, борьба между Добром и Злом в XX веке не только не ослабла, но приняла более ожесточенный, глобальный характер. В мире, расколотом на два непримиримых лагеря, продолжали господствовать несправедливость, вражда, обман, людские пороки. В мире по-прежнему происходили войны, по-прежнему от пуль, снарядов, бомб, голода, холода и болезней гибли сотни миллионов людей, как будто не было Первой и Второй мировых войн и человечество не извлекло из них никаких уроков. Продолжала существовать угроза новой, с катастрофическими последствиями для человечества, термоядерной войны, что делало жизнь человека на Земле эфемерной, неустойчивой, подлежащей в любой момент уничтожению.

И тут я перешел к мыслям о России – стране, где я родился и вырос, и за судьбу которой, естественно, беспокоился. Я знал, что во мне течет и русская кровь (по отцу), и еврейская (по матери), и сознание этого раздирало меня на части. С одной стороны, я страстно любил русскую литературу, искусство, природу, народное творчество, с другой, ощущая на себе проявления антисемитизма, чувствовал себя как бы не в своей тарелке. Воспитанный в духе коммунистических идеалов и советского патриотизма, я искренне верил, не зная всей правды о жизни на Западе, что живу в стране с самым передовым строем, к которому со временем непременно придет все человечество. И, тем не менее, меня нередко посещала глубокая тоска, подспудно говорившая, что в стране с самым прогрессивным общественным режимом присутствует несвобода, как бы сковывавшая мои духовные силы.

Любя Россию, я всею душой желал, чтобы она была всегда, и тут же с ужасом подумал об ограниченности и скоротечности человеческой жизни. Меня вновь объял страх перед смертью, который не раз приходил ко мне прежде. Замедлив шаг, я с трепетом оглянулся вокруг себя, и те же вопросы вновь с неумолимой силой встали передо мной: неужели настанет день, когда я умру и больше не увижу это солнце, небо, землю, природу? Что ожидало меня после смерти? Как будет этот мир без меня? И вдруг меня потрясла мысль о беспощадном беге времени, перед которым ничто на свете не может устоять. Мне вновь представилась наша планета Земля в виде крохотной и беспомощной пылинки, одиноко затерянной в необозримых просторах Вселенной. Пройдут миллионы лет и наш Земной шар, солнце, планеты, звезды неминуемо погибнут. Тогда для чего создавать человечеству на Земле материальные и культурные ценности, если это вместе с Землей рано или поздно исчезнет? Зачем жить, если в конце жизни человека ждут неминуемая старость и смерть? Одно поколение людей бесконечное число раз сменялось другим поколением, и есть хоть бы некто один, кто бы не умирал, а жил вечно, и перед чьим взором проходила бы вся история человечества?

Мне, ищущему ответы на эти «проклятые» вопросы, жизнь представлялась бессмысленной, а страх перед нею казался сильнее страха перед смертью. Я чувствовал себя самым несчастным, лишним, одиноким и никому не нужным в целом мире человеком. Невыразимое отчаяние овладело мной. Это было выше моих сил. Не в состоянии продолжить путь дальше, я вдруг остановился, рухнул на землю и разрыдался, как ребенок. Не помня себя, я безудержно плакал и целовал землю, говоря ей слова любви и раскаяния. Не помню, сколько времени я так пролежал на земле, чувствуя, как внутри весь перерождался. Это был момент откровения, в порыве которого я освобождался от всего наносного, грязного и скверного,

что было во мне. Понемногу рыдания, сотрясавшие мое тело, стали стихать, уступая место успокоению.

Я чувствовал, как в моей душе наступило просветление, и поднялся на ноги. Вся красота русской земли вдруг открылась мне. На меня пахнуло радостью, счастьем и покоем, которыми дышала природа. Как зачарованный, смотрел я вокруг, удивляясь, как я мог раньше не замечать этой красоты. Как прекрасна жизнь! Поглощенный созерцанием природы, я забыл о том, что прежде тревожило и мучало меня. Чувства мои успокоились, и вместо прежних, мрачных мыслей стали возникать другие, полные света и надежды. Охваченный радостным трепетом жизни, я вдруг окунулся в свое прошлое, и передо мной промелькнули вечно дорогие и золотые образы далекого детства.

Вытерев слезы на глазах, я посмотрел в ту сторону, куда должен был идти и почувствовал, как в моей груди растет бурный протест. Ощутить себя счастливым, свободным человеком и вновь пуститься в путь в том же направлении? Нет, все мое существо, сопротивляясь, восставало против этого! Или я не был властен над собой? Или я не имел права распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению? Теперь для меня было несомненно, что мой путь лежит не туда, куда я шел, а в другую сторону.

День начинал клониться к вечеру. Большой красный шар солнца опускался к западу, образовывая во всю ширину неба огромный ярко-розовый закат. Повеял прохладный вечерний ветерок, охлаждая нагревшую за день землю. Я бодро пошел в направлении солнечного заката, который разгорался все сильней и сильней. Мне было хорошо. Могучая радость освобождения торжествовала в моей груди. Я чувствовал себя независимым ни от кого и ни от чего. Во мне пела вдохновенная мелодия, которая сливалась со звуками природы в один общий ликующий гимн.

Но не только песня радости звучала в моей душе. Я чувствовал, как во мне еще сильнее крепла любовь к этой земле, к стране, где мне довелось родиться и вырасти. И как-то сам собой отпал вопрос: имеет ли смысл жить и во имя чего жить? Раз я волей неизвестных мне сил явился на свет, значит, надо жить, и смысл жизни заключался в уникальности самого факта моего существования. Разве жизнь является не самым высшим счастьем, дарованным человеку? Значит, трагизм – это лишь одна сторона жизни, другую сторону которой составляет радость. Да, жизнь есть борьба за существование, но не в дарвиновском толковании этого понятия, как борьба за выживание, а борьба человека со своими недостатками, сомнениями, недугами, бездействием, борьба, в которой он обретает мужество, решительность, смелость, чтобы жить дальше.

А как быть с наличием в мире Зла? - Делать все возможное в твоих силах для его искоренения. На свете достаточно честных людей, чтобы сплотиться и дать решительный отпор Злу. И я страстно верил, что настанет время, когда все народы мира объединятся в одну дружную семью и на Земле навсегда исчезнут войны, вражда, страдания и нищета. Я вспомнил о грозной и неумолимой поступи времени, ведущей человека от юности к старости и затем к неотвратимой смерти. Можно ли победить смерть? Мы стоим перед двойным выбором: или обрести бессмертие, что пока невозможно, или примириться с кратковременностью нашей жизни. Тут мне пришло на память чье-то известное изречение: «Можно в мгновении жизни познать ее вечность и конечном познать бесконечное». Смерть мне теперь представлялась как естественный и неизбежный акт человеческой жизни, с наступлением которого приходил покой после трудной и долгой дороги жизни. А свое бессмертие человек обретает в своих трудах, оставшихся после его смерти. Как мы, нынешнее поколение, пользуемся плодами трудов всех предыдущих поколений, так будущие поколения

будут пользоваться плодами трудов нашего поколения. В этом свете жизнь человечества в целом обретает осмысленность, преемственность и непрерывную эволюцию. При этом теряет значение, что будет с Землей через миллионы лет. Надо жить сегодняшним днем!

А кто тот единственный, кому дано жить вечно и перед чьим взором проходит вся история человечества? Получивший атеистическое воспитание, я начал догадываться, что это мог быть Бог, и это открытие осенило меня какой-то небесной радостью. Теперь я понимал, что главное – это как прожить жизнь, - полнокровно, целенаправленно, интенсивно, постигая красоту мира и человека, прежде всего через искусство и литературу. И даже страшившего меня одиночества можно избежать, если самому пойти навстречу людям - и тогда уже обрести радость общения, дружбы и любви.

Я шел с великим чувством свободы и ясным осознанием своего места и призвания в этом мире. Мне теперь казалось, что я явился на свет не зря, и, чувствуя в себе большие творческие силы, горел желанием принести наибольшую пользу людям. В творчестве, в служении искусству и красоте я видел свое жизненное предназначение. И я радостно устремлялся навстречу разлившемуся по небу огромному закатному пламени, которое символизировало для меня мое будущее.

Портрет работы Натальи Ланге

Вячеслав Давыдов (Барух) родился в Москве 6 октября 1946 г. По профессии - музыкант, доктор искусствоведения. В 1969 году окончил Московскую консерваторию имени П.И. Чайковского по классу гобоя, в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Гобой в инструментальной музыке XVIII века» (в Израиле приравнена к докторской), в течение 15 лет преподавал на Военно-дирижерском факультете при Московской консерватории. В России освоил вторую профессию экскурсовода. Автор публикаций в области искусствоведения и краеведения. Литературой серьезно увлекся в 22 года, работал в жанрах прозы, поэзии, драматургии.

В Израиль репатриировался вместе с семьей в 1991 г. Первое время жил в Иерусалиме, затем в Офакиме, где преподавал в музыкальной школе, работал на археологических раскопках. С 2000 г. житель Беэр-Шевы, член литобъединения «Негев».

В 1999 г. принят в Союз писателей Израиля. Выпустил три книги стихов: «Союз двух муз» (1996), «Россия издалека» (1998), «На своей земле» (2001). Как журналист, постоянно публикуется в русскоязычной периодической печати, имеет публикации в альманахах «Роза ветров», «Хронометр», «Возвращение в Сион», «Наше слово», «Поэты Офакима», «Горизонт», «Талисман пустыни», «Мирвори» и др. С 2003 г. член редколлегии «Кавказской газеты». Автор 10 пьес, одна из которых - «Развод по-кавказски» поставлена на сцене Кавказского театра в 2010 году. Спустя год вышел в свет сборник новых пьес под названием «Это Израиль!», и в 2013 году издана книга «Воин, общественник, поэт», посвященная С.Н. Юханову.